

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 1
ТОМ 14

ISSN 2413-6891

2026

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2026. Том 14, № 1

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.1

EDN: TZBCHR

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, белый список, уровень 1,
индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:
<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	Главный редактор – доктор социологических наук, начальник редакционно-издательского управления ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор, Восточный институт Бурятского государственного университета (Россия)
АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна	доктор социологических наук, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
БЕЛЯЕВА Людмила Александровна	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, и. о. директора ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	доктор философских наук, профессор, МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, Ноттингемский университет (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
НАЗАРОВ Михаил Михайлович	доктор политических наук, главный научный сотрудник, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия)
ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич	академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия)
СМИРНОВ Александр Ильич	заместитель главного редактора , доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь, НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

MOZGOVAYA Alla	(Editor in Chief) , Doctor of Sociology, Head of the Department, FCTAS RAS; Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
ANDREENKOVA Anna	Doctor of Sociology, Associate Director, Institute for Comparative Social Research (CESSI) (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
BELYAEVA Ludmila	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Philosophy of RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Acting Director of FCTAS RAS (Russia)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, University of Nottingham (UK)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
NAZAROV Michael	Doctor of Politology, Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (Russia)
PORFIRIEV Boris	Academician RAS, Doctor of Economy, Professor, Scientific Supervisor, Institute of National Economic Forecasting RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	(Deputy Editor) , Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю: представление номера 7

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

Чумиков А. Н.
«Фейк», «пропаганда», «манипуляция» как многозначные термины и модальные клише социально-политического дискурса 10

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Чернов В. В.
Социальные аспекты совершенствования транспортно-логистической структуры в контексте пространственного развития Сибири и Дальнего Востока 31

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Дудин И. В.
Объективные факторы отношения населения современной России к остроте социальных противоречий: сравнение степени значимости 57

Тихонова Н. Е.
Отношение россиян к эвтаназии: особенности, динамика и факторы 81

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Авксентьев В. А., Иванова С. Ю., Шульга М. М.
Вызовы и угрозы национальной безопасности РФ в северокавказском регионе в контексте геополитического кризиса: мнение экспертов 108

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ардельянова Я. А., Брюно В. В.
Субкультура квадроберов в современной России: социальные риски и девиантогенный потенциал 127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Епихина Ю. Б., Старовойтенко А. Д.
Динамика социальной структуры постсоветского общества 1998–2024: итоги обсуждения результатов массового опроса 151

CONTENT

To the reader: presentation of the issue 7

SOCIOLOGY OF COMMUNICATION

Chumikov A. N.
“Fake”, “propaganda”, “manipulation” as polysemantic terms and
modal cliches of social and political discourse. 10

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Chernov V. V.
Social aspects of improving the transport and logistics structure
in the context of the spatial development of Siberia and the Far East. 31

SOCIOLOGY OF MASS CONSCIOUSNESS

Dudin I. V.
Objective factors in the attitudes of the modern Russia population
towards the acuteness of social contradictions: a comparison
of significance degree 57

Tikhonova N. E.
Attitudes of Russians towards euthanasia: peculiarities,
dynamics and factors 81

REGIONAL SOCIOLOGY

Avksentev V. A., Ivanova S. Yu., Shulga M. M.
Challenges and threats to Russia’s national security
in the North Caucasus region in the context of the geopolitical
crisis: experts’ opinion 108

THE SOCIOLOGY OF DEVIANT BEHAVIOR

Ardelianova Ya. A., Briuno V. V.
The quadrober subculture in contemporary Russia:
social risks and deviance-generating potential 127

SCIENTIFIC LIFE

Epikhina Y. B., Starovoytenko A. D.
Post-soviet society social structure dynamics 1998–2024:
mass survey outcomes discussion. 151

К ЧИТАТЕЛЮ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Уважаемый читатель!

Научный журнал «Социологическая наука и социальная практика» создавался как пространство для развития продуктивной коммуникации социологов-профессионалов, представляющих научное и научно-педагогическое сообщество современной России, а также субъектов системы управления, заинтересованных в социологическом обосновании решений на основе знания с переднего края науки и практики.

Журнал публикует статьи, отражающие развитие теоретического и эмпирического социологического знания о современном обществе и перспективах его развития, по тематике истории и методологии социологии, методам сбора и анализа эмпирических данных. Приоритет отдаётся статьям, представляющим многоаспектный анализ социальных процессов в современной России и экспертную оценку социальных практик различных категорий населения в основных сферах жизнедеятельности российского общества и в повседневной реальности.

В каждом номере журнала публикуются статьи по различным направлениям социологических как теоретических, так и практических разработок коллективов социологов из разных локаций огромной страны, давая возможность читателю ознакомиться с развитием социологической науки в конкретных регионах.

В первом номере 2026 года публикуются результаты исследований коллег-социологов, представляющих университетскую и академическую науку Москвы и Северного Кавказа. Редакция надеется, что тематика статей заинтересует представителей различных научных направлений современной российской социологической науки.

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ»** представлена статья **Александра Николаевича Чумикова** «Фейк», «пропаганда», «манипуляция» как многозначные термины и модальные клише социально-политического дискурса». На основе ранее проведённых исследований, а также авторского контент-анализа представительного корпуса научных публикаций по заявленной теме установлено, что в качестве приоритетных прикладных методов обращения с данными понятиями в сфере социальной коммуникации предлагаются их негативные оценки, а далее разоблачение фейков, критическое отношение к пропаганде, противодействие манипуляциям, что, по мнению автора статьи, существенно сужает поле актуального анализа и применения терминов, особенно в научно-исследовательской сфере. В статье обоснована целесообразность и предложены рекомендации по более адекватному использованию, замене, ограничению или исключению терминов из оборота в научных и аналитических медийных текстах.

Статья **Виталия Вениаминовича Чернова** «Социальные аспекты совершенствования транспортно-логистической структуры в контексте пространственного развития Сибири и Дальнего Востока» представлена в рубрике **«СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ»**. Используя междисциплинарный подход, объединяющий методы социологии, экономики и географии, автор исследует влияние транспортной инфраструктуры на социальную динамику регионов. Исследование демонстрирует, что научно обоснованное управление развитием транспортных сетей существенно улучшает доступность социальных услуг в сельских территориях, способствует созданию новых рабочих мест в периферийных районах и оказывает значительное влияние на миграционные процессы. Особое внимание уделено региональной дифференциации, где выделяются территории с высокими показателями транспортной интеграции и районы, сохраняющие признаки социальной изоляции.

Рубрика **«СОЦИОЛОГИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ»** содержит две статьи. **Илья Васильевич Дудин** сравнивает степень значимости объективных факторов отношения населения современной России к остроте социальных противоречий. Анализ данных репрезентативного общероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН 2024 года с применением метода регрессионного анализа выявил наиболее значимые объективные факторы, которые способствуют формированию позиции части населения о наличии в российском обществе острых межгрупповых противоречий.

Наталья Евгеньевна Тихонова рассматривает актуальную проблему современности – отношение населения России к эвтаназии. Автор обосновывает, что Россия занимает в отношении её населения к эвтаназии промежуточное положение между странами «коллективного Запада» и «мирового большинства», постепенно сближаясь с последними. При этом результаты исследования автора показывают, что восприятие россиянами эвтаназии представляет собой не изолированный компонент их мировоззрения, а тесно связано с другими его «блоками». Ключевым с точки зрения сравнительной значимости влияющих на восприятие эвтаназии мировоззренческих факторов является отношение к жизни как к ценности. Наталья Евгеньевна рассматривает целый комплекс социальных факторов, связанных с особенностями отношения к эвтаназии различных групп населения страны.

В рубрике **«РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ»** размещена статья коллектива авторов. **Виктор Анатольевич Авксентьев, Светлана Юрьевна Иванова и Марина Михайловна Шульга** анализируют результаты данных опроса экспертов – специалистов в сфере идентификации и оценки вызовов и угроз национальной безопасности в северокавказском регионе в контексте геополитического кризиса. По мнению экспертов кризис больше всего влияет на экономическую, идеологическую и информационную сферы развития Северного Кавказа, актуализируя риски информационного манипулирования, ориентированного, прежде всего, на обострение национального вопроса на Северном Кавказе, и возрастание угроз терроризма. Эксперты подчёркивают неоднозначное влияние геополитического кризиса на регион, указывая,

что кризис не только породил новые и усилил имеющиеся проблемы и риски в сфере общественной безопасности, но и открыл новые возможности, в числе которых: рост доверия к власти, укрепление гуманистических ценностей, новые векторы партнёрства в экономике, развитие сельского хозяйства, рост туристической привлекательности региона. Эксперты считают приоритетом консолидацию регионального социума вокруг ключевых задач развития страны.

«СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ» представлена статьёй **Яны Андреевны Ардельяновой** и **Виктории Владимировны Брюно** «Субкультура квадроберов в современной России: социальные риски и девиантогенный потенциал». На материалах мониторинга открытых онлайн-сообществ, контент-анализа публикаций в социальных сетях, а также полуструктурированных интервью с членами сообществ и их родителями авторами рассмотрены социально-демографический состав, мотивационные установки и основные практики участников движения квадроберов. Показано, что квадробинг объединяет игру, телесное перевоплощение и онлайн-общение, формируя уникальную субкультурную идентичность. Субкультура имеет амбивалентный характер: для одних подростков она выступает пространством креативного самовыражения, социальной поддержки и символического сопротивления; для других – компенсаторным механизмом в условиях эмоциональной депривации или социальной изоляции. Выявлено, что риски участия связаны не столько с самой субкультурой, сколько с уязвимостью части участников. Полученные результаты позволяют уточнить спектр адаптационных и девиантогенных факторов, связанных с субкультурой квадроберов, и обосновывают необходимость её дальнейшего изучения и разработки адресных профилактических мер; они также могут быть использованы для анализа сходных подростковых субкультур с телесно-перформативным компонентом.

В рубрике «НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ» публикуется материал **Юлии Борисовны Епихиной** и **Андрея Дмитриевича Старовойтенко**, в котором обобщаются результаты обсуждения итогов массового опроса по проблематике динамики социальной структуры постсоветского общества. Применение многомерного подхода к анализу классовой структуры, трудовых отношений и пространственной мобильности позволило установить противоречивость и нелинейность влияния структурных позиций на ценности и жизненные стратегии. Обсуждение выявило методологические ограничения динамических исследований, связанные с операционализацией понятий, измерительными инструментами и интерпретацией динамики показателей. Одним из результатов обсуждения является признание того, что многолетние исследования социальной структуры сталкиваются с дилеммой сохранения эвристичности исходной программы и её трансформации под влиянием происходящих изменений.

Материалы первого номера журнала за 2026 год содержат данные и выводы с переднего края социологической науки. Надеемся, что публикации найдут своего заинтересованного читателя и будут полезны для развития исследовательских направлений современной социологии.

Алла Викторовна Мозговая

«ФЕЙК», «ПРОПАГАНДА», «МАНИПУЛЯЦИЯ» КАК МНОГОЗНАЧНЫЕ ТЕРМИНЫ И МОДАЛЬНЫЕ КЛИШЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Александр Николаевич Чумиков

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия,
chumikov@pr-club.com,
ORCID 0000-0002-7208-9783

Для цитирования: Чумиков А. Н. «Фейк», «пропаганда», «манипуляция» как многозначные термины и модальные клише социально-политического дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 1. С. 10–30. DOI [10.19181/snsp.2026.14.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.1). EDN UJKKUE.

Аннотация. Обращение к проблеме корректного использования терминов «фейк», «пропаганда», «манипуляция» вызвано высокой и усиливающейся частотностью употребления данных понятий, их взаимозависимостью, возрастающей значимостью в качестве характеристик информационных посланий, многозначностью трактовок. На основе ранее проведённых исследований, а также авторского контент-анализа представительного корпуса научных публикаций по заявленной теме, выявляются типичные случаи, когда указанные термины используются в доминирующих и дополнительных значениях, а также в виде модальных клише; противоречиво соотносятся между собой как эквивалентные или частично сходные, или разделяемые по смыслу, или даже противоположные. Установлено, что в качестве приоритетных прикладных методов обращения с данными понятиями предлагаются их негативные оценки, а далее разоблачение фейков, критическое отношение к пропаганде, противодействие манипуляциям, что, по мнению автора статьи, существенно сужает поле актуального анализа и применения терминов, особенно в научно-исследовательской сфере. Результатом авторских наработок стали выводы о том, что наименования «фейк», «пропаганда» и «манипуляция» выступают способами смыслового формирования заданного контекста, являются необходимым и в принципе неустранимым арсеналом акцентированного воздействия. Его направленность изначально неочевидна и может характеризоваться позитивно в случае применения дружественной стороной и негативно – враждебной. В СМИ и научных публикациях не прослеживается воздействия, свободного от манипуляций. На смысловом уровне они выражаются, при формальном декларировании принципов объективности, в продвижении любым автором своих особенных интересов, а на композиционном – в многообразных операциях по конструированию текстовых, аудио-, видеопосланий. Материалы с «разоблачением» фейков, методов манипуляции и пропаганды сами могут быть названы фейковыми, манипулятивными и пропагандистскими, поскольку навязывают некоторые опровергающие установки. Использование понятий «фейк», «пропаганда», «манипуляция» в негативном или неверном ключе есть

© Чумиков А. Н., 2026

попытка дискредитации одних позиций и продвижения альтернативных. В статье предложены рекомендации по более адекватному использованию, замене, ограничению или исключению терминов из оборота в научных и аналитических медийных текстах.

Ключевые слова: фейк, пропаганда, манипуляция, социально-политический дискурс, информация, коммуникация, модальное клише, воздействие, конструирование посланий

Введение. Актуализация проблемы корректного использования терминов «фейк», «пропаганда», «манипуляция»

Обращение к проблеме корректного использования названных терминов в медийных и речевых коммуникациях вызвано несколькими вескими причинами. Это высокая и усиливающаяся частотность употребления данных понятий, их взаимозависимость, возрастающая значимость в качестве характеристик информационных посланий, многозначность трактовок, использование в качестве модальных клише.

Так, слово «фейк» на протяжении последнего десятилетия, по итогам различных исследований, признаётся одним из терминов, преобладающих в коммуникационном пространстве. В 2017 году составители словаря английского языка Collins Dictionary признали словосочетание *fake news* словом года.

Проведённое в 2022 году совместное исследование о языковых изменениях образовательной платформы Skillbox и аналитического агентства ResearchMe (1 200 респондентов – репрезентативная выборка по России) показало, что слово «фейк» стало самым популярным англицизмом среди россиян, его отметили 29% опрошенных¹. Эксперты компании Pro-Vision Communications в 2023 году выяснили, что термин «фейк» упоминается в российских СМИ и соцсетях среди англицизмов чаще всего (в среднем 215 раз в сутки)².

И. Вепрева и Т. Купина, на основе анализа данных электронной библиотеки «Интегрум», зафиксировали возрастание частотности употребления лексемы «фейк» в текстах публицистического и официально-делового стилей русской речи и пришли к выводу о том, что данный термин обладает всеми признаками ключевого слова эпохи [1].

Научные разработки свидетельствуют, что частотность использования слова «пропаганда» периодически возрастает. Эта тенденция отмечалась во время Первой мировой войны, развивалась в последующие годы и усиливалась в период Второй мировой войны [2]. Всплеск внимания к пропаганде наблюдается и в текущих условиях усиления международной конфронтации.

¹ Одинцов Е. Слово «хайп» стало самым распространенным англицизмом среди россиян // Газета.Ru : сайт. 06.06.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/06/06/17880848.shtml> (дата обращения: 01.09.2025).

² Одинцов Е. Названы самые популярные в России англицизмы // Газета.Ru : сайт. 19.10.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/10/19/21531739.shtml?ysclid=md9k7k0e2u38742805> (дата обращения: 01.09.2025).

Указанные термины имеют в различных словарях доминирующие трактовки: применительно к «фейку» это «фальшивка, подделка», а к «пропаганде» – «распространение, разъяснение». Что же касается слова «манипуляция», то «Словарь синонимов русского языка» предлагает к нему 98 эквивалентов¹, одна часть которых пересекается с приведёнными определениями «фейка» и «пропаганды», а другая – отличается от них. То же самое наблюдается в других словарях, а также научных и журналистских текстах. Под обозначения «фейк», «пропаганда», «манипуляция» всё чаще попадают информационные прецеденты, не отвечающие основным значениям терминов. В их общую задачу входит критическая реакция, не сопровождаемая серьёзными доказательствами, – в этом случае они превращаются в модальные клише. При сопоставлении понятий друг с другом, а также с другими сходными вариантами возникает терминологическая и сущностная путаница.

Таким образом, ставшие предметом статьи термины противоречиво соотносятся между собой как эквивалентные или частично сходные, или разделяемые по значению, или даже противоположные. Данное явление наблюдается в ряде случаев у авторов в рамках одних и тех же публикаций. Причём, если в статьях преподавателей вузов и академических учёных присутствует относительное разнообразие подходов, то в выпускных квалификационных работах (ВКР) бакалавров и магистров² специальностей «реклама и связи с общественностью», «журналистика», «филология» наблюдается определённый перекосяк, когда термины «фейки», «пропаганда», «манипуляция» используются главным образом в однозначной, клишированной негативной коннотации.

В качестве прикладных методов обращения с проблемными словами преимущественно предлагаются: разоблачение фейков, критическое отношение к пропаганде, противодействие манипуляциям.

Исходя из сказанного, целью настоящей статьи является исследование проблемного поля, связанного с употреблением различных трактовок терминов «фейк», «пропаганда», «манипуляция» в современных исследовательских материалах социально-политического дискурса, анализирующих массовые коммуникации; а далее – выработка рекомендаций, которые могут стать частью этических стандартов по использованию искомым понятиям в научном обороте.

«Фейк» как негативная характеристика коммуникационного прецедента в медийном и речевом пространстве

Начиная с 2010-х гг. учёные всё более пристальное внимание уделяют анализу понятий «фейк» и «фейковая информация»; политики и журналисты

¹ Манипуляция // Словарь синонимов русского языка : sinonim.org : сайт. URL: <https://sinonim.org/s/манипуляция> (дата обращения: 01.09.2025).

² В 2010–2020-х гг. автор возглавлял государственные экзаменационные комиссии в 10 ведущих университетах Москвы, регионов России и получал возможность системного ознакомления с ВКР коммуникационной специализации.

активно используют данные термины в своих публикациях и речах; эти слова динамично проникают в повседневную речь граждан. Наиболее часто применяется определение фейка (от англ. *fake*) на уровне буквального перевода как подделки, фальшивки, недостоверной информации.

Результатом ряда исследований стал вывод о синонимичности понятий «фейк» и «дезинформация». Как отмечает А. Пахомова, дезинформация, фейковая новость, недостоверность представлены общим понятием «ложь». Изначально различия между словами были более определёнными, но массовость прецедентов появления и распространения ложной информации стёрла существенные различия между ними в обиходе и профессиональном сообществе [3].

Но при идентификации терминов «фейк» и «дезинформация» возникает юридическая коллизия. Так, Федеральный закон от 04.03.2022. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса (УК) Российской Федерации» часто именуется в СМИ, выступлениях политиков «Законом о фейках». В то же время сам термин «фейк» в указанных документах и, соответственно, в статье 207.1. УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан»¹ и статье 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые Силы РФ или войска национальной гвардии РФ»² в принципе отсутствует.

В научных разработках «фейковой» проблематики преимущественное внимание уделяется следующим направлениям: выявление прецедентов, которые можно было бы квалифицировать как фейки; приёмы создания фейков, методы противодействия фейкам. В каждом из направлений постепенно выявляются проблемы, связанные с некорректным (неуместным, неадекватным) употреблением термина «фейк» и производных от него, отступающих от главных определений. Простая констатация этих проблем уже недостаточна: их обсуждение,

¹ Статья 207.1 УК РФ от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9d8a5b6501a01da934c1bbd0ca9b1fd46df76a72/?ysclid=m4ftfha8x6648539292 (дата обращения: 01.09.2025).

² Статья 207.3. УК РФ от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые Силы РФ или войска национальной гвардии РФ». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/19bf2b8e4b62e143a17a50041a204252d0e263ce/?ysclid=m4hfeli42f406605523 (дата обращения: 01.09.2025).

включая пересмотр отношения к тому, что массово называется «фейками», становится актуальным и злободневным.

Перейдём к обзору направления «прецеденты». Так, И. Вепрева, И. Купина отмечают гиперболизацию представлений о масштабах распространения недостоверной информации. Например, анализируя рубрику «Внимание: фейк», присутствующую в «Российской газете», авторы указывают на метафорические заголовки с устойчивой неодобрительной маркировкой слова «фейк» как «антиценности»: «Фабрика фейков», «Шквал фейков», «Эпидемия фейков», «Новая волна фейков», «Сеть заразилась фейками» и др. [1]. Н. Сегал, А. Мищенко, И. Уварова говорят о том, что с помощью термина «фейк» моделируются медиаобразы с вариативностью негативных коннотаций, обусловленных прагматическими установками адресанта и его предпочтениями, а также целевой аудиторией медиапродукта [4]. Авторы монографии «Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность» увязывают распространение фейков с феноменом информационной войны, когда происходит конфликт интерпретаций в процессе «игры ума аналитиков и политтехнологов – кто кого “переинтерпретирует”». В различных трактовках определённых действий обозначаются противоборствующие стороны и стоящие за ними интересы [5, с. 157].

Под доминирующее значение фейка периодически подводятся группы прецедентов, уже имеющих своё специальное наименование. Среди них коммеморативные практики (формирование актуальной исторической памяти), технологии мифотворчества и сторителлинга. Как отмечает Г. Почепцов, сложная международная ситуация генерирует появление нетрадиционных методов восстановления понятной картины окружающего мира. Начинают цениться любые «озарения», ведущие к возникновению поля конспирологии – концепции заговора тайных и могущественных групп людей. Непонятный мир пугает всех, поскольку действия выглядят непредсказуемыми, а конспирологическая версия упорядочивает хаос для обывателя [6].

Теперь остановимся на приёмах создания фейков. Вышедшая в США в 2019 году монография учёных разных стран посвящена обобщению этих приёмов. В качестве синонима фейка здесь используется слово «falsehood». С одной стороны, оно синонимично терминам «ложь», «неправда», «обман». С другой стороны, falsehood имеет и более мягкие определения: «ошибочность», «вымысел». Исследователи констатируют, что falsehood в Интернете представляет собой и «подбор, компоновку фактов» (от англ. fabrication – букв. сборка); и «выдёргивание из текста» (от англ. context-isolation – букв. обособление, оторванность от контекста) и «манипулирование» (от англ. manipulation – букв. махинация, обработка, подтасовка). К фейкам (fake news, rumors, falsehood) относят также уловки, хитрости, психологические и социотехники; управление ложными посылками, двусмысленностями и впечатлениями [7].

Очевидно, что многие из перечисленных приёмов допустимы с точки зрения закона и профессиональных этических стандартов. Но некоторые авторы развивают данную логику и дальше. Так, Е. Каширина и А. Никляева считают, что

государственные и коммерческие структуры могут разрабатывать программы распространения дезинформации с целью достижения определённых политических или экономических целей. А «специалисты по информационной безопасности используют методы обмана, однако они более этичны по сравнению с дезинформацией. Важно учитывать, что эти методы применяются для введения в заблуждение злоумышленников, а не сотрудников или клиентов организации» [8].

В направлении «приёмы создания фейков» наблюдается спектр технологий, не обязательно использующих ложное содержание, но активно применяемых прагматичными субъектами для достижения своих целей в информационном поле. Фейки – не только ложная информация, но и смысловая интерпретация фактов. Противоборство смыслов становится доминирующей формой поведения в медийном поле.

Наконец, коснёмся методов противодействия фейкам. И. Вепрева, И. Купина называют среди таковых антонимическое новообразование «антифейк» – оружие борьбы с ложью. В его рамках существуют распространённые типовые сочетания: обнаружить фейки, противостоять фейкам, разоблачать фейки, бороться с фейками [1].

Трендовой, понятной и широко внедряемой рекомендацией становится формирование у граждан медиаграмотности. По мнению исследователей, программы по обучению людей критическому мышлению и анализу информации помогут им отличать достоверные источники от фейковых новостей [9]. Одновременно отмечается, что повышение медиаграмотности населения, хотя и помогает распознавать ложную информацию, не устраняет вред, который она наносит. На мнение пользователей в большей степени влияет их первое столкновение с ложной информацией, чем её последующее исправление [10].

В научных статьях, монографиях, учебниках, рекомендациях государственных и общественных структур активно продвигается фактчекинг – метод проверки достоверности фактов и, соответственно, разоблачения фейков. Например, Министерство иностранных дел России уже в 2017 году запустило на своём сайте «антифейковый» раздел «Недостоверные публикации», где регулярно цитируется и опровергается, с приведением проверенных фактов, ложная информация из недружественных зарубежных СМИ ¹. С 2022 года на Первом канале российского ТВ выходит программа «Антифейк». Её организаторы объясняют, кто производит фейки, как научиться их распознавать и получать объективные сведения ².

Параллельно с названными прикладными и конкретными технологиями, российские и зарубежные учёные предлагают обобщённо-идеалистические методы борьбы с фейками. Так, М. Лави говорит о необходимости разработки

¹ Недостоверные публикации // МИД РФ: сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/oproverzenia1/nedostovernie-publikacii/ (дата обращения: 01.09.2025).

² Антифейк // Первый канал: сайт. URL: <https://www.1tv.ru/shows/antifeyk?ysclid=m6xl15452r16740008> (дата обращения: 01.09.2025).

решений для смягчения вреда, причиняемого распространением лжи. При этом настаивает на том, что закону не следует останавливать поток информации и непропорционально сдерживающего воздействия на речь. Важно защищать индивидуальную репутацию и общественные интересы в плане доступа к правде без ограничения свободы слова [11].

Авторы монографии «Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность» в качестве способа борьбы с фейками предлагают заимствованный из античных и христианских практик термин и метод «паррессии», под которым понимается искреннее, откровенное и ответственное отношение авторов к своим высказываниям: «В современном цифровизованном информационном обществе позитивная паррессия – не привилегия немногих, а нравственный тестирующий долг “берущих слово”» [5, с. 217–235].

Таким образом, термин «фейк» в научной, медийной и речевой практике вышел далеко за пределы своего первоначального значения и в ряде случаев превратился в модальное клише, которым обозначается критичное отношение некоторого автора к определённому сообщению. То, что называется фейком, часто имеет целью дискредитацию оппонента с ослаблением его позиций. Рождается новый мем: «Фейк – то, что мы так называем».

В новых информационных реалиях фейки становятся объективно присутствующими и в принципе неустраняемыми элементами социально-политического дискурса. Отсюда «борьба» и «разоблачение» как доминанты и лозунги декларируемой практической политики не могут считаться приоритетами сущностного научно-прикладного подхода. Фейк следует рассматривать в качестве негативной характеристики коммуникационного прецедента в медийном и речевом пространстве со стороны враждебного (оппозиционного) субъекта, которой противопоставляются антифейковые (контрфейковые) характеристики, основанные на доступных методах эффективной нейтрализации.

«Пропаганда» как метод акцентированного воздействия

Термин «пропаганда» в буквальном переводе (от лат. *propaganda* – то, что следует распространить) нейтрален. Исследователи, начиная с первых теоретиков коммуникационных технологий и кончая современными учёными, подчёркивают необходимость пропаганды как последовательных и продолжительных усилий по созданию или информационному сопровождению событий с целью воздействия на отношение общественности к некоему мероприятию, мнению или организации [12].

В то же время понятие периодически наделяется дополнительными значениями с позитивной или негативной модальностью. В последние десятилетия среди них всё чаще фигурирует подход, связанный с функционально-объективированным представлением термина. Так, «Социологический энциклопедический словарь» указывает на социальную роль пропаганды, характеризуя её как систему распространения информации с целью формирования определённых взглядов,

представлений, эмоциональных состояний, оказания влияния на социальное поведение людей¹. «Большой толковый словарь русского языка» обращает внимание на политическую пропаганду, считая её распространением идеологически мотивированной оценочной информации с целью формирования у населения определённого образа мыслей². Выделяется социология пропаганды как специфическая отрасль социологического знания, функционирующая в соответствии с имманентными ей закономерностями коммуникативной системы [13].

С. Кареева, С. Некрасов, А. Пинчук называют институт пропаганды частью актуального и закреплённого в рамках нормативных государственных документов направления защиты национальной безопасности страны. Авторы отмечают конструктивную роль пропаганды, поскольку она всегда устанавливает набор точных правил, имеет обусловленный спецификой метода алгоритм функционирования. Указывается на острую потребность в созидательной пропаганде, призванной адекватно отображать новые стремления, цели и идеалы государства [14]. По мнению П. Лайнбарджера, пропаганда – это планомерное использование любых форм массовых коммуникаций для того, чтобы оказывать влияние на умы и чувства населения с чётко обозначенной общественной, военной, экономической или политической целью [15].

Сопоставляя термины «идеология» и «ценности», «пропаганда» и «просвещение», Г. Куранов, В. Шаповалов, А. Рудаков приходят к выводу о том, что они отражают различные аспекты близких по своей сути социально-политических явлений и не являются антагонистичными. Пропаганда – инструмент гражданского просвещения, позволяющий сохранить гуманитарный суверенитет и одержать победу в смысловом, когнитивном, психологическом противостоянии [16].

Существуют и продолжают исследования, в которых указывается на противоречивое значение пропаганды. Она может быть как позитивной (конструктивной), так и негативной (деструктивной). Пропаганда успешно работает с эмоциями, но блокирует рациональное мышление. Пропаганда основывается на фактах, поскольку пропагандистское воздействие не может целиком опираться на выдуманную проблему или событие. В то же время пропаганда преобразовывает реальную информацию в интересах иницирующего её субъекта. С одной стороны, пропаганда часто направляется на достижение общественно полезных целей. С другой стороны, пропаганда намеренно вводит население в заблуждение относительно действительного состояния экономики, политики и иных важных сфер [13]. Если в одном случае цель пропаганды заключается во внедрении в сознание «своих» актуальных установок, то в другом – в разоблачении и нейтрализации «чужих» враждебных посылов, тогда данное действие называется контрпропагандой [17].

¹ Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. акад. РАН Г. В. Осипов. М. : ИНФРА-М, 1998. С. 271.

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000 // Грамота : сайт. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=пропаганда&mode=slovari&dicts\[\]=42&ysclid=mde1ssz6lo608751461](https://gramota.ru/poisk?query=пропаганда&mode=slovari&dicts[]=42&ysclid=mde1ssz6lo608751461) (дата обращения: 01.03.2025).

Одни авторы критикуют пропаганду за использование фрейминга (от англ. frame – рамка), когда подаваемая информация о том или ином событии носит выборочный характер: внимание заостряется на выгодном аспекте актуальной темы, а её остальные стороны замалчиваются, игнорируются или преуменьшаются [18]. Другие исследователи констатируют, что в условиях когнитивной войны фрейминг может приобретать положительные черты в вопросах создания консолидирующего образа страны [19].

Нередко увязываются между собой термины «пропаганда» и «манипуляция». Некоторые авторы считают, что позитивная пропаганда не преследует жёстких манипулятивных целей. Негативная пропаганда направлена на создание иллюзорной, параллельной реальности, перевёрнутой системы ценностей с целью манипулирования общественным сознанием в интересах узкой группы лиц [20]. В научных публикациях присутствуют субъективно-эмоциональные разделения пропаганды на «белую», «серую» и «чёрную» [21].

По-прежнему распространена ориентация на формирование вокруг термина «пропаганда» преимущественно негативного фона. Это выражается как в клишировании понятия, так и в приписывании исключительно пропаганде якобы неэтичных методов, являющихся общеприменимыми при конструировании любых информационных посланий. Здесь вновь обращается внимание на наличие такой «неизменно присущей [пропаганде] содержательной и организационной особенности», как «процесс манипуляции сознанием», предполагающий «скрытые методы социально-психологического воздействия на сознание людей». Предполагается, что эти методы направлены на «обеспечение частных, отличных от собственных, интересов отдельных лиц, социальных групп, институтов, государственных и общественных структур, им противоречащих»¹.

Негативное отношение к пропаганде имеет глубокие исторические корни, оказывающие влияние на современное прочтение термина. Отмечается, что в некоторые исторические периоды пропаганда считалась «грязным» занятием [22]. В первые постсоветские годы употребление понятий «идеология» и «пропаганда» в позитивном или даже нейтральном ключе было фактически табуировано, а инерция этого процесса давала о себе знать на протяжении последующих десятилетий. Термины «идеология» и «пропаганда», интерпретируемые в однозначно негативном контексте, долгое время применялись и продолжают использоваться в информационно-психологическом противостоянии с Россией. В этом случае под «пропагандой» понимается навязывание ложных мировоззренческих стереотипов, в то время как распространение позитивных ценностей и смыслов описывается принципиально иными эквивалентами, например, термином «просвещение» [16].

Фиксировалось также, что психоэмоциональные фобии, связанные с восприятием термина «пропаганда», являются результатом психологической

¹ Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. М. : Мысль, 2003. С. 586.

неуверенности и морального смятения в обществе во время социальных конфликтов [23].

Ряд учёных приходит к выводу о том, что как негативная, так и позитивная характеристики пропаганды в конечном счёте зависят от позиции автора критического анализа. В XX–XXI вв. появился целый ряд трудов, доказывающих, что пропагандистские тезисы конфликтующих сторон являются сходными или одинаковыми по существу, но разными по модальности. Наиболее ярко это проявляется в период гибридных войн. Так, по окончании Первой мировой войны А. Понсонби написал книгу «Ложь во время войны», где обозначил типичные тезисы военной пропаганды [24]. Позднее на подобного рода модальные послы обратил внимание П. Лайнбарджер в книге «Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания» [15, с. 22]. В начале XXI в. получило известность исследование А. Морелли «Элементарные принципы военной пропаганды» [25].

Обобщая приведённые примеры, Г. Почепцов резюмировал, что в ситуации конфликтных и, в частности, военных столкновений происходит ролевая поляризация участников разгоревшегося действия по модели «...Герой, Враг, Жертва. Герой борется с Врагом, чтобы спасти Жертву. Каждая страна вставляет себя в этой формуле в позицию Героя, чтобы противнику досталась позиция Врага/Злодея. Именно тогда война становится справедливой» [26].

В зависимости от модальной оценки пропагандистского воздействия, формируются и рекомендации по отношению к нему. Если пропаганда оценивается негативно, то «надёжным щитом» против неё становится «осознанное восприятие информации и критическое мышление» [22]. Предлагается вводить «информационные границы в деятельность СМИ, отсекающие негативный содержательный контент», а параллельно осуществлять целенаправленную воспитательную работу по «формированию устойчивости к подобного рода воздействиям» [14].

В контексте же решения стоящих перед обществом позитивных задач по укреплению патриотического самосознания, сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей допустимо говорить о пропаганде патриотической идеологии российского государства. Возвращение понятий «идеология» и «пропаганда» в отечественный политический лексикон даст возможность описывать реальность не эзоповым языком, а общепонятными выражениями [16].

«Манипуляция» как глобальная технология конструирования информационных посланий

Учёные отмечают, что в большинстве исследований характеристик массовой манипуляции на первый план ставится её негативный модус, а позитивные коннотации не учитываются или обесцениваются [27]. Фиксируя первоначально нейтральные значения манипуляции как «фокуса» и «сложного приёма

в ручной работе», «Большой толковый социологический словарь» добавляет к ним дополнительные негативные трактовки: «жульническая проделка, подтасовка фактов, махинация»¹.

Термин «манипуляция» трактуется исследователями как одно из древнейших средств изменения восприятия или поведение других людей при помощи обманной или насильственной тактики [28]. Манипуляция понимается в качестве скрытого принуждения и навязывание определённого социального стереотипа, методы которых восходят к Й. Геббельсу и нацистской Германии [29]. Т. ван Дейк расценивает манипуляцию как практику взаимодействия, при которой манипулятор контролирует других лиц, как правило, против их воли и вопреки их интересам [30]. С. Володенков считает манипулирование типом «неявного программирования намерений реципиента, построенного на игнорировании его воли и относящийся к нему как к средству, орудию исполнения чуждых ему интересов» [31].

Прослеживаются лексические пары с нейтральными, позитивными и негативными коннотациями, когда манипуляция соотносится с позициями, которым она особенно присуща. Одна из таких пар – «манипуляция и власть». Полагается, что манипуляция информацией выступает одним из основных инструментов борьбы за власть [32], а для функционирующей власти становится способом управления и социального контроля [29]. Е. Авдеенко называет манипуляцию «мягкой властью», предполагающей добровольное подчинение на основе привлекательности, симпатии, согласия без принуждения [27]. Отмечается, что манипулирование используется всеми субъектами политического пространства: государством, партиями, отдельными политически активными гражданами [33].

Ещё одна значимая пара – «манипуляция и средства массовой коммуникации» (СМК). Авторы активно «вскрывают» и регулярно дополняют спектр приёмов манипуляции, используемых в СМИ и других видах СМК. Так, в перечне Р. Харриса это «осмеяние символа», «ассоциативная цепочка», «паразитирование на доверии», «использование мифов», «тенденциозный подбор информации», «использование специфических дезориентирующих терминов». Сюда включается и «реклама», под которой автором подразумевается повышение популярности какого-либо объекта или явления [34, с. 126]. В. Козлов, М. Гордеев и Н. Власов само понятие «информационный повод» называют «технологией манипуляции сознанием» [35].

О. Антонова описывает такие манипулятивные приёмы, как «экспертное мнение», «компоновка тем», «подмена понятий», «вырывание из контекста», «эмоциональная атака». Примечательно утверждение этого автора о том, что «все самые популярные программы ТВ... подаются в провокационной и скандальной манере». Далее делается оговорка: «за исключением программы “Вести”» [29], хотя обозначенные приёмы характерны для всех без исключения программ, освещающих проблематику социально-политического дискурса. В целом же, как и в случае с фейками, речь в большинстве случаев идёт

¹ Манипуляция // Большой толковый социологический словарь=Collins dictionary of sociology: в 2 т. / Дж. Джери ; пер. с англ. М. : Вече, АСТ, 1999. Т. 1 (А–О). 544 с.

об обычной практике работы в информационном поле по привлекательной смысловой интерпретации действительных фактов.

Напомним, что даже мировые информационные агентства (ИА), с одной стороны, декларируют в своих редакционных стандартах абсолютную «нейтральность» (=отсутствие манипуляций, объективность, достоверность). Так, Reuters в Reuters Handbook of Journalism заявляет, что журналисты Агентства не транслируют собственную позицию и не отождествляют себя с любой из сторон проблемы, но стремятся отражать позиции всех участников¹. Принцип объективности и непредвзятости заявляет и российское ИА ТАСС². Однако в тех же стандартах прямо указывается на возможность манипуляций. В кодексе Reuters говорится, что объективность не сводится к равному освещению позиций сторон: например, меньшего внимания заслуживает «исполнитель злодеяния или лидер маргинальной политической группы»³. ТАСС констатирует, что особое внимание уделяется «освещению событий, происходящих с участием россиян и касающихся российских интересов»⁴.

Тем более это касается коммерческих структур, где присутствуют регламенты взаимодействия организаций с внутренними и внешними целевыми группами. Это могут быть «Положение об информационной политике», «Положение о раскрытии информации» и другие документы, устанавливающие порядок согласования и контроля информационных потоков компании [36]. Иными словами, в информационном пространстве практически не существует «чистой» информации, в большинстве своём мы получаем её опосредованно, с учётом чьих-то интересов и целей [31].

В последние годы набирает силу тенденция, когда манипуляция приобретает в описаниях исследователей всё более адекватные, на наш взгляд, характеристики. Отмечается, что процессы манипулирования пронизывают сами основы общественных устоев, «заложены в информационной массе», а в эпоху всеобщей цифровизации получают всё больше влияния и возможностей. Манипуляция есть «разновидность нормы» [37]. Манипулирование – востребованное средство воздействия на общественные группы. Оно не тождественно обману, это разные формы поведения. Хотя манипулирование трансформирует потребности и интересы граждан в угоду позиции субъекта управления, оно выступает социально обусловленным способом влияния на участников правоотношений, соответствует законодательству и позволяет реализовать непопулярные

¹ Reuters Handbook of Journalism. Thomson Reuters, 2008. URL: https://www.mediareform.org.uk/wp-content/uploads/2015/12/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

² ТАСС. Редакционный стандарт / Автор-сост. А. В. Лебедев. М.: Аспект-пресс, 2020. С. 20–21.

³ Reuters Handbook of Journalism. Thomson Reuters, 2008. URL: https://www.mediareform.org.uk/wp-content/uploads/2015/12/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

⁴ ТАСС. Редакционный стандарт / Автор-сост. А. В. Лебедев. М.: Аспект-пресс, 2020. С. 10, 12.

решения. Своеобразный запрос на манипулирование выражается в том, что на смену подавлению воли объекта управления приходит трансформация его потребностей и интересов при помощи СМИ и иных технологий с одновременным провозглашением прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений важнейшими цивилизационными ценностями [38].

Благодаря манипулированию политическими и правовыми средствами, возрастает действенность управления, когда последнее осуществляется методами, не вызывающими отторжения у участников общественных отношений. «Винить в повсеместном распространении политико-правовых манипуляций некого, данный процесс – это лишь своеобразный общий знаменатель сложившейся структуры управления в обществе, квинтэссенция процесса принятия управленческих решений любого масштаба в условиях тотальной либерализации» [39].

Манипуляция есть средство структурирования социального пространства, которое повышает эффективность деятельности субъекта манипуляции [40]. Отказ или запрет на массовые манипуляции, присущие всем обществам во все времена, не только невозможен, но и не актуален ввиду существенного количества решаемых ими задач. При этом основным средством повышения манипулятивного эффекта становится совершенствование технологий убеждения: манипулятору нужно быть не только услышанным, но и выбранным из множества других голосов. Задача по «доказательству истины» отходит на второй план, возникает конкуренция ценностей и новых гуманистических идей [27]. Более того, манипулятивные воздействия в информационном обществе может осуществлять каждый человек. Происходит трансформация их применения из таких относительно ограниченных сфер общественной жизни, как политика, дипломатия, военное искусство, торговля, в область массового использования как технологии социального взаимодействия людей. То есть манипуляции в коммуникационных процессах приобрели характер всеобщности [41].

Что же касается способов нивелирования негативных эффектов манипулятивных механизмов, то здесь, как и в случае с фейками и пропагандой, предлагается широкий спектр рекомендаций с приоритетным акцентом на «выявление» и «разоблачение», начиная с медиаграмотности, фактчекинга, сравнения материалов различных информационных источников и до «корректировки темпов потребления информации», «обсуждения наиболее актуальных вопросов медийной повестки с коллегами и друзьями» и «опоры на здравый смысл и чувство меры» [42].

Заключение

На наш взгляд, случай, когда слово «фейк» используется в социально-политическом дискурсе в качестве эквивалента понятия «заведомо ложная информация», следует считать прецедентом наиболее корректного применения термина – если только такая идентификация заявлена изначально. В другом случае, когда подобная идентификация не декларирована («подразумевается

сама собой»), характеристика «фейк» свидетельствует не столько о сложности оцениваемого сообщения, сколько о позиции автора по отношению к описываемому явлению. То есть «фейк» выступает в роли модального (негативного) клише (политизированного/идеологизированного речевого штампа). В третьем случае фейками называют методы (приёмы), получившие обоснованное терминологическое закрепление в других понятиях: «коммеморация», «конспирология», «троллинг», «дискредитация», «дисфемизация» и др.

Термин «пропаганда», равно как и собственно пропагандистские действия, понимаются нами как целенаправленные, сфокусированные, как правило, массовые усилия по распространению информации, актуальной для субъекта этого процесса. Такие действия следует определить как неизбежные, а во многих вариантах допустимые с точки зрения права и этики. «Пропаганда» становится негативным модальным клише, когда характеризует некоторый информационный поток без раскрытия качественных сторон этой характеристики: «это пропаганда», «мы имеем дело с пропагандистским воздействием», «перед нами не информация, а пропаганда» и др. Для корректной научной или публицистической подачи требуется уточнение, о какой пропаганде идёт речь – тогда получится объективированный разговор о продвижении альтернативных способов формирования посланий и соответствующих им паттернов поведения: пропаганда традиционных российских ценностей – пропаганда западных стандартов жизни, пропаганда национализма – пропаганда интернационализма; коммунистическая, социалистическая, либеральная пропаганда и т. д.

Наиболее сложная ситуация складывается с термином «манипуляция». Представляется, что в большинстве научных текстов и публичных (публицистических) выступлений она приобретает роль негативного модального клише. Однако, в соответствии с обоснованной нами гипотезой, так называемого «неманипулятивного» (свободного от манипуляций) воздействия на практике не существует. Манипуляция на смысловом уровне выражается в продвижении любым автором своих особенных интересов, а на композиционном – в многообразных операциях по конструированию актуальных текстовых, аудио-, видеопосланий. Использование в качестве альтернатив манипуляции понятий «правда», «истина», «объективность», «полная информированность» и им подобных неприемлемо, так как они являются философскими категориями и абстрактными идеальными конструкциями, окончательное постижение и достижение которых в реальной ситуации невозможно.

Отсюда термин «манипуляция» в научном обороте видится некорректным и «лишним». Целесообразно ограничивать его употребление за счёт раскрытия целей автора послания и конкретных методов их достижения в информационном поле. Тем более что материалы с «разоблачением» приёмов манипуляции и пропаганды сами могут быть названы манипулятивными и пропагандистскими, поскольку навязывают некоторые опровергающие установки. Использование понятий «фейк», «пропаганда», «манипуляция» в негативном или неверном ключе есть попытка дискредитации одних позиций и продвижения альтернативных.

Как фейки в значении заведомо ложной информации, так и другие способы смыслового формирования определённого контекста выступают необходимым и в принципе неустранимым арсеналом пропагандистского воздействия. Однако его направленность изначально неочевидна и может характеризоваться позитивно в случае применения дружественной стороной и негативно – враждебной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Злободневное слово «фейк» в публичном пространстве текущего времени // Мир русского слова. 2022. № 3. С. 13–19. DOI [10.24412/1811-1629-2022-3-13-20](https://doi.org/10.24412/1811-1629-2022-3-13-20). EDN [FKDAOG](#).
2. Фэллоуз Э. У. «Пропаганда»: история слова / Э. У. Фэллоуз ; пер. с англ. И. П. Зыряновой // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 155–159. EDN [KVTEJL](#).
3. Пахомова А. Ю. Феномен дезинформации в отечественной практике: дефиниции и синонимичные понятия // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 4 (40). DOI [10.18454/RULB.2023.40.17](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.17). EDN [YALCCN](#).
4. Сегал Н. А., Мищенко А. Н., Уварова И. В. Новые слова и значения в русском языке XXI века (на примере языковой единицы «фейк») // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 19, № 3. С. 35–41. DOI [10.14529/ling220305](https://doi.org/10.14529/ling220305). EDN [CKRZRS](#).
5. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность : монография / С. Т. Золян, Н. А. Пробст, Ж. Р. Сладкевич, Г. Л. Тульчинский ; под ред. Г. Л. Тульчинского. СПб. : Алетей, 2021. 288 с. ISBN 978-5-00165-301-1.
6. Почепцов Г. Г. Дезинформация мечтает стать фейком, а конспирология – правдой. 2018 // Academia.edu : сайт. URL: https://www.academia.edu/37463637/Дезинформация_мечтает_стать_фейком_а_конспирология_правдой (дата обращения: 01.09.2025).
7. Chilwa I. E., Samoilenko S. A. Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA : IGI Global, 2019. 647 p. ISBN 978-1-5225-8535-0.
8. Каширина Е. И., Никляева А. С. Дезинформация: анализ, последствия и противодействие // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2024. № 1. С. 119–129. DOI [10.26297/2312-9409.2024.1.13](https://doi.org/10.26297/2312-9409.2024.1.13). EDN [JYAOUU](#).
9. Диреев И. Д. Дезинформация в средствах массовой информации: проблемы, вызовы и пути решения // Litera. 2025. № 1. С. 106–119. DOI [10.25136/2409-8698.2025.1.73205](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.1.73205). EDN [QOUIW](#).
10. Иванова А. П. Дезинформация в Интернете: неизбежная реальность? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2023. № 3. С. 177–188. DOI [10.31249/iajpravo/2023.03.15](https://doi.org/10.31249/iajpravo/2023.03.15). EDN [UNSOWI](#).
11. Lavi M. Publish, share, re-tweet, and repeat // University of Michigan journal of law reform. University of Michigan. Law School. 2021. Vol. 54, № 2. P. 441–523. DOI [10.36646/mjlr.54.2.publish](https://doi.org/10.36646/mjlr.54.2.publish). EDN [ZPYWDQ](#).
12. Бернейс Э. Пропаганда / Э. Бернейс ; пер. с англ. И. И. Малкова. Санкт-Петербург : Питер, 2022. 224 с. ISBN 978-5-4461-1857-1.
13. Дорцева Е. В. Феномены пропаганды и контрпропаганды в системе социологического знания // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30, № 1. С. 165–192. DOI [10.24290/1029-3736-2024-30-1-165-192](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-165-192). EDN [OTDEUN](#).

14. Кареева С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 212–229. DOI [10.34020/2073-6495-2020-4-212-229](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-4-212-229). EDN [TWBBQX](https://www.edn.ru/TWBBQX).
15. Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / П. Лайнбарджер ; пер. с англ. Е. В. Нетесова. М. : Центрполиграф, 2023. 445 с. ISBN 978-5-9524-6429-2.
16. Куранов Г. В., Шаповалов В. Л., Рудаков А. Б. Идеология и пропаганда: смысловые и содержательные аспекты понятий // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 52–60. DOI [10.18384/2949-5164-2025-2-52-60](https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-2-52-60). EDN [YWRRNG](https://www.edn.ru/YWRRNG).
17. Иванов В. Н. Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания // Социологические исследования. 1983. № 3. С. 18–23.
18. Джавадова С. А. Медиафрейминг как инструмент влияния на общественное мнение // E-Scio. 2020. № 5 (44). С. 85–93. EDN [PJAGBK](https://www.edn.ru/PJAGBK).
19. Горина Т. С. Формирование культур-центричного образа России методом метафорического фрейминга // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 58–64. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2021.1.7](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.7). EDN [ARNNTN](https://www.edn.ru/ARNNTN).
20. Мельникова Т. С. Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. 2010. № 8. С. 47–51. EDN [MUTXEB](https://www.edn.ru/MUTXEB).
21. Ковалев А. А. Пропаганда как ведущий метод когнитивной войны // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2023. № 4. С. 176–184. DOI [10.22394/2079-1690-2023-1-4-176-184](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-176-184). EDN [OFMUPL](https://www.edn.ru/OFMUPL).
22. Горбань П. В. Пропаганда сквозь призму времени и вооружённых конфликтов: эволюция и основные техники // Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107). С. 76–83. EDN [FOTZJU](https://www.edn.ru/FOTZJU).
23. Kris E. Some Problems of War Propaganda // Psychoanalytic Quarterly. 1943. Vol. 12, № 3. P. 381–399.
24. Ponsonby A. Falsehood in War-Time. Containing an assortment of lies circulated throughout the nations during the great war. London : George Allen & Unwin Ltd, 1940. 193 p.
25. Morelli A. Principes élémentaires de propagande de guerre. Brussels, Labor, 2001. 93 p.
26. Почепцов Г. Г. Логика пропаганды, или Новости без грима. 2015 // Academia.edu : сайт. URL: https://www.academia.edu/13946448/Логика_пропаганды_или_Новости_без_грима (дата обращения: 01.09.2025).
27. Авдеенко Е. В. Манипуляция как социальный феномен // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48, № 3. С. 580–590. DOI [10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590). EDN [WAQSID](https://www.edn.ru/WAQSID).
28. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия / А. М. Столяренко, Н. В. Сердюк, В. В. Вахнина [и др.] // Психология и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 75–89. DOI [10.17759/psylaw.2019090406](https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090406). EDN [SGKYRA](https://www.edn.ru/SGKYRA).
29. Антонова О. Г. Манипуляция как феномен информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 3. С. 289–293. DOI [10.18500/1818-9601-2023-23-3-289-293](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-289-293). EDN [RSEAKR](https://www.edn.ru/RSEAKR).
30. Dijk T. A. Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity // Methods of Critical Discourse Analysis / Eds. R. Wodak, M. Meyer. London : Sage, 2001. P. 95–120.
31. Володенков С. В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5. С. 89–103. EDN [PSZNZD](https://www.edn.ru/PSZNZD).

32. Network propaganda: Manipulation, disinformation, and radicalization in American politics / Y. Benkler, R. Faris, H. Roberts, E. Zuckerman. New York : Oxford University Press, 2018. 528 p. DOI [10.14195/2183-5462_34_24](https://doi.org/10.14195/2183-5462_34_24).
33. Урсу Н. С. Причины актуализации использования технологий политического манипулирования в СМИ современной России // Власть. 2012. № 1. С. 77–79. EDN [OOZMQD](https://elibrary.ru/oozmqd).
34. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций: секреты воздействия управления сознанием, информационной безопасности, манипулирования общественным мнением, информационной войны и информационного насилия / Р. Харрис ; пер. с англ. С. Рысев ; 4-е междунар. изд. СПб. : Прайм-еврознак, 2003. 448 с. ISBN 5-93878-033-0.
35. Козлов В. В., Гордеев М. Н., Власов Н. А. Основные приемы манипуляции массовым сознанием // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4 (38). С. 98–105. EDN [XHNMNL](https://elibrary.ru/xhnmnl).
36. Зарянова А. С. Языковые особенности и приемы манипуляции в рамках антикризисного PR-реагирования // Государственная служба. 2023. Т. 25, № 4 (144). С. 94–99. DOI [10.22394/2070-8378-2023-25-4-94-99](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-4-94-99). EDN [VLDTWG](https://elibrary.ru/vldtwg).
37. Саенко В. Н. Манипуляция сознанием в современных общественных практиках // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 2. С. 124–130. DOI [10.51692/1994-3776_2021_2_124](https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_2_124). EDN [FCOJDP](https://elibrary.ru/fcojdp).
38. Куликов М. А. Манипулирование юридическими целями: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 213–240. DOI [10.17323/2072-8166.2023.2.213.240](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.213.240). EDN [ZPNCCL](https://elibrary.ru/zpnccl).
39. Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43. DOI [10.17223/22253513/34/3](https://doi.org/10.17223/22253513/34/3). EDN [ZITUSD](https://elibrary.ru/zitUSD).
40. Riker W. H. The Art of Political Manipulation. New Haven : Yale University Press, 1986. 153 p.
41. Пую Ю. В. Истоки и генезис феномена манипулирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 72. С. 15–25. EDN [KVZBYX](https://elibrary.ru/kvzbyx).
42. Казаков А. А. Методы манипулирования общественным сознанием в контексте медийной грамотности: политическое измерение // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 3. С. 26–34. EDN [YNDHRF](https://elibrary.ru/yndhrf).

Сведения об авторе

А. Н. Чумиков

доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
профессор
SPIN-код: [6211-6904](https://elibrary.ru/6211-6904)

Статья поступила в редакцию 19.08.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.

Original article

DOI [10.19181/snsp.2026.14.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.1)

“FAKE”, “PROPAGANDA”, “MANIPULATION” AS POLYSEMANTIC TERMS AND MODAL CLICHES OF SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE

Alexander Nikolaevich Chumikov

Institute of Sociology of FCTAS RAS;

Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russia,

chumikov@pr-club.com,

ORCID 0000-0002-7208-9783

For citation: Chumikov A. N. “Fake”, “propaganda”, “manipulation” as polysemantic terms and modal cliches of social and political discourse. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;14(1):10–30. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.1).

Abstract. The issue of correct use of the terms “fake”, “propaganda”, “manipulation” is addressed due to the high and increasing frequency of use of these concepts, their interdependence, increasing significance as characteristics of information messages, and the ambiguity of interpretations. Based on previously conducted studies, as well as the author’s content analysis of a representative corpus of scientific publications on the stated topic, typical cases are identified when these terms are used in dominant and additional meanings, as well as in the form of modal clichés; contradictorily correlate with each other as equivalent, or partially similar, or separated by meaning, or even opposite. It has been established that negative assessments of these concepts are proposed as priority applied methods for handling these concepts, followed by exposure of fakes, a critical attitude to propaganda, and counteraction to manipulation, which, in the opinion of the author of the article, significantly narrows the field of relevant analysis and application of terms, especially in the scientific research field. The author’s work resulted in the conclusion that the names “fake”, “propaganda” and “manipulation” are methods of semantic formation of a given context, are a necessary and, in principle, unavoidable arsenal of accentuated influence. Its direction is initially unclear and can be characterized positively in the case of application by a friendly party and negatively – by a hostile one. In the media and scientific publications, there is no influence free from manipulation. At the semantic level, they are expressed, with a formal declaration of the principles of objectivity, in the promotion of any author’s special interests, and at the compositional level – in a variety of operations on the construction of text, audio, video messages. Materials with the “exposure” of fakes, methods of manipulation and propaganda can themselves be called fake, manipulative and propagandistic, since they impose some refuting attitudes. The use of the concepts “fake”, “propaganda”, “manipulation” in a negative or incorrect way is an attempt to discredit some positions and promote alternative ones. The article offers recommendations for more adequate use, replacement, limitation or exclusion of terms from circulation in scientific and analytical media texts.

Keywords: fake, propaganda, manipulation, socio-political discourse, information, communication, modal cliché, influence, message construction

REFERENCES

1. Vepreva I. T., Kupina N. A. The topical word “fake” in the public space of the current time. *The World of the Russian Word=Mir russkogo slova*. 2022;(3):13–20. (In Russ.). DOI [10.24412/1811-1629-2022-3-13-20](https://doi.org/10.24412/1811-1629-2022-3-13-20).
2. Fallows E. U. “Propaganda”: history of the word [“Propaganda”: istoriya slova]; trans. from English I. P. Zy’ryanovoj. *Political Linguistics=Politicheskaya lingvistika*. 2009;(3):155–159. (In Russ.).
3. Pakhomova A. Yu. The phenomenon of disinformation in domestic practice: definitions and synonymous concepts. *Russian Linguistic Bulletin=Russkij lingvisticheskiy byulleten*. 2023;(4). (In Russ.). DOI [10.18454/RULB.2023.40.17](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.17).
4. Segal N. A., Mishhenko A. N., Uvarova I. V. New words and meanings in the Russian language of the 21st century (on the example of the linguistic unit “fake”). *Bulletin of SUSU. Series Linguistics=Vestnik YUUrGU. Seriya Lingvistika*. 2022;19(3):35–41. (In Russ.). DOI [10.14529/ling220305](https://doi.org/10.14529/ling220305).
5. Zolyan S. T., Probst N. A., Sladkevich ZH. R., Tul’chinskij G. L. Fakes: communication, meanings, responsibility. Saint Petersburg: Aletejya; 2021. 288 p. ISBN 978-5-00165-301-1 (In Russ.).
6. Pocheptsov G. G. Disinformation dreams of becoming fake, and conspiracy theories – the truth. 2018. Academia.edu. Available at: https://www.academia.edu/37463637/Дезинформация_мечтает_стать_фейком_а_конспирология_правдой (accessed: 01.09.2025). (In Russ.).
7. Chilwa I. E., Samoilenko S. A. Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA: IGI Global; 2019. 647 p. ISBN 978-1-5225-8535-0.
8. Kashirina E. I., Niklyaeva A. S. Disinformation: analysis, consequences and counteraction. *Electronic online polythematic journal Scientific Works of KubSTU=E’lektronny’j setevoj politemicheskij zhurnal Nauchny’e trudy’ KubGTU*. 2024;(1):119–129. (In Russ.). DOI [10.26297/2312-9409.2024.1.13](https://doi.org/10.26297/2312-9409.2024.1.13).
9. Direev I. D. Disinformation in the mass media: problems, challenges, and solutions. *Litera*. 2025;(1):106–119. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-8698.2025.1.73205](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.1.73205).
10. Ivanova A. P. Disinformation on the Internet: An inevitable reality? *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature: IAJ. Series 4: State and Law=Social’ny’e i gumanitarny’e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura: IAZH. Series 4: Gosudarstvo i parvo*. 2023;(3):177–188. (In Russ.). DOI [10.31249/iajpravo/2023.03.15](https://doi.org/10.31249/iajpravo/2023.03.15).
11. Lavi M. Publish, share, re-tweet, and repeat. *University of Michigan journal of law reform. University of Michigan. Law School*. 2021;54(2):441–523. DOI [10.36646/mjlr.54.2.publish](https://doi.org/10.36646/mjlr.54.2.publish).
12. Bernays E. Propaganda. Saint Petersburg: Piter; 2022. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-1857-1.
13. Dortseva E. V. Phenomena of propaganda and counter-propaganda in the system of sociological knowledge. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2024.30(1):165–192. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2024-30-1-165-192](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-165-192).
14. Karepova S. G., Nekrasov S. V., Pinchuk A. N. Propaganda as a method of influencing public consciousness: general theoretical aspect. *NSUEM Bulletin=Vestnik NGUE’U*. 2020;(4):212–229. (In Russ.). DOI [10.34020/2073-6495-2020-4-212-229](https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-4-212-229).
15. Linebarger P. Psychological warfare. Theory and practice of processing mass consciousness. Moscow: Centerpoligraf; 2023. 445 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9524-6429-2.
16. Kuranov G. V., Shapovalov V. L., Rudakov A. B. Ideology and propaganda: semantic and substantive aspects of concepts. *Bulletin of the State University of Education. Series: History*

- and political sciences=Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshheniya. Seriya: Istorija i politicheskie nauki. 2025;(2):52–60. (In Russ.). DOI [10.18384/2949-5164-2025-2-52-60](https://doi.org/10.18384/2949-5164-2025-2-52-60).
17. Ivanov V. N. Sociology of propaganda: some aspects of the content [Sociologiya propagandy': nekotory'e aspekty' soderzhaniya]. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 1983;(3):18–23. (In Russ.).
 18. Dzhavadova S. A. Media framing as a tool for influencing public opinion. *E-Scio*. 2020;5(44):85–93. (In Russ.).
 19. Gorina T. S. Formation of a culture-centric image of Russia using metaphorical framing. *Logos et Praxis*. 2021;20(1):58–64. (In Russ.). DOI [10.15688/lp.jvolsu.2021.1.7](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.7).
 20. Melnikova T. S. Propaganda as a technology of political manipulation. *Vlast=Vlast'*. 2010;(8):47–51. (In Russ.).
 21. Kovalev A. A. Propaganda as a leading method of cognitive warfare. *State and municipal administration. Scientific Notes=Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski*. 2023;(4):176–184. (In Russ.). DOI [10.22394/2079-1690-2023-1-4-176-184](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-176-184).
 22. Gorban P. V. Propaganda through the prism of time and armed conflicts: evolution and basic techniques. *Political linguistics=Politicheskaya lingvistika*. 2024;5(107):76–83. (In Russ.).
 23. Kris E. Some problems of war propaganda. *Psychoanalytic Quarterly*. 1943;12(3):381–399.
 24. Ponsonby A. Falsehood in war-time. Containing an assortment of lies circulated throughout the nations during the great war. London: George Allen & Unwin Ltd; 1940. 193 p.
 25. Morelli A. Principes élémentaires de propagande de guerre. Brussels: Labor; 2001. 93 p. (In France).
 26. Pocheptsov G. G. The logic of propaganda, or news without makeup. (In Russ.). Academia.edu. Available at: https://www.academia.edu/13946448/Логика_пропаганды_или_Новости_без_грима (accessed: 01.09.2025).
 27. Avdeenko E. V. Manipulation as a social phenomenon. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law=NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 2023;48(3):580–590. (In Russ.). DOI [10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590).
 28. Stolyarenko A. M., Serdyuk N. V. et al. Psychological aspects of destructive information-psychological influence. *Psychology and Law=Psixologiya i pravo*. 2019;9(4):75–89. (In Russ.). DOI [10.17759/psylaw.2019090406](https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090406).
 29. Antonova O. G. Manipulation as a phenomenon of the information society. *Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science=Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2023;23(3):289–293. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2023-23-3-289-293](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-289-293).
 30. Dijk T. Multidisciplinary CDA: a plea for diversity In: *Methods of critical discourse analysis*. R. Wodak, ed. London: Sage; 2001. P. 95–120.
 31. Volodenkov S. V. Modern political communication as a tool for manipulating public consciousness. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2012;(5):89–103. (In Russ.).
 32. Benkler Y., Faris R., Roberts H., Zuckerman E. Network propaganda: manipulation, disinformation, and radicalization in American politics. New York : Oxford University Press; 2018. 528 p. DOI [10.14195/2183-5462_34_24](https://doi.org/10.14195/2183-5462_34_24).
 33. Ursu N. S. Reasons for the actualization of the use of political manipulation technologies in the media of modern Russia. *Vlast=Vlast'*. 2012;(1):77–79. (In Russ.).
 34. Harris R. Psychology of mass communications [Psixologiya massovy'x kommunikacij]. Saint Petersburg: Prajm-evroznak; 2003. 448 p. (In Russ.). ISBN 5-93878-033-0.
 35. Kozlov V. V., Gordeev M. N., Vlasov N. A. Basic techniques of manipulation of mass consciousness. *Bulletin of Yaroslavl State University. Series Humanities=Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarny'e nauki*. 2016;4(38):98–105. (In Russ.).

36. Zaryanova A. S. Language features and techniques of manipulation in the framework of anti-crisis PR response. *Civil service=Gosudarstvennaya sluzhba*. 2023;25(4):94–99. (In Russ.). DOI [10.22394/2070-8378-2023-25-4-94-99](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-4-94-99).
37. Saenko V. N. Manipulation of consciousness in modern social practices. *Telescope: journal of sociological and marketing research=Teleskop: zhurnal sociologicheskix i marketingovy'x issledovanij*. 2021;(2):124–130. (In Russ.). DOI [10.51692/1994-3776_2021_2_124](https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_2_124).
38. Kulikov M. A. Manipulation of legal goals: concept and features. *Law. Journal of the Higher school of economics=Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomiki*. 2023;16(2):213–240. (In Russ.). DOI [10.17323/2072-8166.2023.2.213.240](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.2.213.240).
39. Subochev V. V. Political and legal manipulation as the basis for governing. *Bulletin of Tomsk state university. Law=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 2019;(34):29–43. (In Russ.). DOI [10.17223/22253513/34/3](https://doi.org/10.17223/22253513/34/3).
40. Riker W. H. *The Art of political manipulation*. New Haven: Yale University Press; 1986. 153 p.
41. Puyu Yu. V. Origins and genesis of the phenomenon of manipulation [Istoki i genezis fenomena manipulirovaniya]. *Bulletin of the Herzen state pedagogical university of Russia=Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2008;(72):15–25. (In Russ.).
42. Kazakov A. A. Methods of manipulating public consciousness in the context of media literacy: political dimension. *Political Expertise: POLITEX=Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS*. 2016;12(3):26–34. (In Russ.).

Information about the Author

A. N. Chumikov

Doctor of Politics,
Main Researcher,
Professor

The article was submitted 19.08.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Виталий Вениаминович Чернов

Российский университет транспорта,
Москва, Россия

colonel60@bk.ru,

ORCID 0000-0002-8671-5079

Для цитирования: Чернов В. В. Социальные аспекты совершенствования транспортно-логистической структуры в контексте пространственного развития Сибири и Дальнего Востока // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 1. С. 31–56. DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.2. EDN YHLXKC.

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу социальных аспектов развития транспортно-логистической системы Сибири и Дальнего Востока в контексте пространственного развития России. Используя междисциплинарный подход, объединяющий методы социологии, экономики и географии, автор исследует влияние транспортной инфраструктуры на социальную динамику регионов. В работе применяется сочетание количественных и качественных методов, включая статистический анализ, экспертные интервью и массовые опросы населения. Исследование демонстрирует, что развитие транспортных сетей существенно улучшает доступность социальных услуг в сельских территориях, способствует созданию новых рабочих мест в периферийных районах и оказывает значительное влияние на миграционные процессы. Особое внимание уделено региональной дифференциации, где выделяются территории с высокими показателями транспортной интеграции и районы, сохраняющие признаки социальной изоляции. Теоретическая основа исследования базируется на концепции социальной солидарности Э. Дюркгейма, позволяющей проанализировать трансформацию изолированных сообществ в экономически взаимозависимые территории. В заключительной части представлены дифференцированные рекомендации по развитию транспортной инфраструктуры с учётом специфики различных регионов – от развитых приморских территорий до арктических зон с экстремальными условиями. Результаты обосновывают вывод о стратегическом значении транспортной системы для обеспечения национального единства и экономического развития восточных регионов России в соответствии с ключевыми положениями государственной политики в этой сфере.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, пространственное развитие, социальная солидарность, территориальная интеграция, Сибирь, Дальний Восток, доступность услуг, миграционные процессы, государственная политика, логистика, Арктическая зона, качество жизни

Введение: постановка проблемы

Развитие транспортной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока остаётся ключевым фактором укрепления геополитической и экономической устойчивости России. По данным Минвостокразвития России, удалённые и труднодоступные территории востока страны и Арктики охватывают до 65% площади Российской Федерации, при этом их совокупный вклад в ВВП оценивается на уровне около 15%¹. Один из объясняющих факторов – низкая транспортная связанность: за пределами крупнейших агломераций транспортная подвижность населения примерно на 40% ниже, а для Дальнего Востока прямо фиксируется «крайне низкая» подвижность; при этом миллионы жителей проживают более чем в 2 часах езды от железнодорожной станции или аэропорта². Суровые климатические условия, низкая плотность населения и изолированность территорий создают барьеры для социально-экономического роста регионов. В условиях специальной военной операции (СВО) недостатки транспортной сети усугубляют риски, снижая оперативность поставок и доступность социальных услуг. Возникает закономерный вопрос: как обеспечить устойчивое развитие регионов, сохраняя их интеграцию в общероссийское пространство? Ответ требует комплексного подхода, опирающегося на исторический опыт и современные технологии.

Транспортная инфраструктура Сибири и Дальнего Востока исторически играла роль связующего звена, подобно Транссибирской магистрали, которая в начале XX в. стала одним из драйверов хозяйственного освоения восточных территорий. Сегодня дефицит связанности фиксируется не только экспертно, но и в оценках населения: по данным исследования ВЦИОМ, качеством и доступностью региональных и местных автомобильных дорог удовлетворены 56% респондентов, то есть почти каждый второй воспринимает ситуацию как проблемную³. Объективные индикаторы подтверждают масштаб диспропорций: например, в Республике Саха (Якутия) плотность автомобильных дорог общего пользования с твёрдым покрытием в 2023 году составила 4,1 км на 1000 км² при среднероссийском уровне 321,75 км⁴. При этом, по оценке РИА Рейтинг,

¹ Глава Минвостокразвития Алексей Чекунов принял участие в заседании комиссии Государственного совета РФ по направлению «Энергетика» // Энергия единой сети: электрон. журн. 10.02.2025. URL: <https://энергия-единой-сети.рф/novosti/glava-minvostokrazvitiya-aleksej-chekunov-prinyal-uchastie-v-zasedanii-komissii-gosudarstvennogo-soveta-rf-po-napravleniyu-energetika> (дата обращения: 28.01.2026).

² Транспортная стратегия РФ до 2030 года с прогнозом до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р) // Росавтодор : сайт. URL: <https://rosavtodor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda> (дата обращения: 28.01.2026).

³ Национальные проекты России. Безопасные качественные дороги : офиц. сайт. Москва. URL: <https://bkdrf.ru/News/Read/56-rossiyan-udovletvoreny-kachestvom-i-dostupnostyu-avtomobilnyh-dorog-v-regionah-strany> (дата обращения: 28.01.2026).

⁴ Регионстат: региональная и муниципальная статистика: сайт. URL: <https://regionstat.ru/region/14/10/159> (дата обращения: 28.01.2026).

по состоянию на конец 2024 года 45,2% региональных и местных дорог в России не соответствуют нормативным требованиям; среди проблемных регионов ДФО прямо названа Амурская область¹. Инфраструктурные ограничения накладываются на демографические тренды: численность населения в трудоспособном возрасте в Сибирском ФО сократилась с 11,12 млн человек в 2010 году до 9,37 млн человек в 2023 году (-15,7%), а в Дальневосточном ФО – с 5,58 до 4,64 млн человек (-17,0%)².

Социальные аспекты проблемы многогранны. Транспортная изоляция снижает качество жизни, ограничивает доступ к образованию и здравоохранению, усиливает миграцию в центральные регионы. Однако улучшение инфраструктуры, как показывает опыт ГОЭЛРО, способно дать импульс развитию: электрификация в 1920-х гг. обеспечила рост промышленности и способствовала социальной стабильности. Современная стратегия развития должна базироваться на аналогичном масштабном подходе, в рамках которого транспортная сеть является ключевым элементом пространственного развития, объединяющим экономику, социальную сферу и географию.

Улучшение качества дорожной и железнодорожной инфраструктуры способно существенно повысить эффективность перевозок и сократить логистические издержки. Отмечается, что модернизация транспортных коридоров и цифровизация логистических процессов в ведущих странах Европы и Азии повышает эффективность логистики на 15–20%, что напрямую влияет на сокращение времени доставки грузов и затрат предприятий на логистику³.

Развитие логистических хабов, по данным НИУ ВШЭ, создаёт до нескольких тысяч рабочих мест на один крупный узел. Кроме того, транспортная доступность повышает социальную сплочённость, позволяя жителям участвовать в общественной и культурной жизни страны⁴.

Транспортная инфраструктура Сибири и Дальнего Востока выполняет не только экономические, но и социально-политические функции. Её развитие способно преодолеть изолированность регионов, укрепить человеческий капитал и обеспечить устойчивое развитие. При этом текущие проблемы – низкая плотность дорог, их износ и ограниченная доступность – требуют немедленных

¹ Названы регионы с лучшим качеством дорог // РИА Рейтинг: сайт. 04.08.2025. URL: <https://riarating.ru/regions/20250804/630284356.html> (дата обращения: 28.01.2026).

² Основные социально-экономические показатели Сибирского ФО, Дальневосточного ФО // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Subekt_SFO_2024.xlsx; URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2024/04-05/OJKXo0zE/Sbornik_Reg_Sub-2023/ДФО.xlsx (дата обращения: 28.01.2026).

³ Новости экономики в сфере развития логистических коридоров // Новости промышленности и технологий: сайт. 07.01.2025. URL: <https://uorgalex.ru/razvitie-transportnyh-koridorov-svezhie-ekonomicheskie-novosti/> (дата обращения: 28.01.2026).

⁴ Фурсова И. Логистические хабы в приграничных городах расширят грузопотоки и торговлю между РФ и КНР // Российская газета. 14.11.2023. URL: https://rg.ru/2023/11/14/shirokim-shagom.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 28.01.2026).

мер по их преодолению. Исторические параллели с такими проектами, как Транссиб или освоение космоса, подтверждают: масштабные проекты способны изменить траекторию развития регионов.

Обзор литературы

Исследования транспортной инфраструктуры и пространственного развития Сибири и Дальнего Востока предоставляют обширную базу для анализа социальных аспектов совершенствования транспортно-логистической структуры. И. Ю. Рассказов, И. Н. Пугачёв и В. Г. Крюков обращают внимание на то, что транспортная сеть играет ключевую роль в освоении минерально-сырьевой базы Арктической зоны и Дальнего Востока, где она составляет значительную долю затрат на добычу ресурсов [1]. Их работа акцентирует важность согласования инфраструктурных проектов с задачами недропользования, что имеет социальное значение, поскольку развитие транспортной сети в таких регионах, как Хабаровский край, создаёт рабочие места и повышает доступность территорий, способствуя социальной стабильности и экономической активности местных сообществ.

А. А. Горбунов расширяет предметное поле политической науки, охватывая исследование транспортных коммуникаций как объекта междисциплинарного анализа [2]. Он отмечает, что современные трансформации требуют пересмотра традиционных подходов к изучению транспортных систем, поскольку они приобретают политическое значение в условиях глобальных изменений. Этот тезис особенно важен для Сибири и Дальнего Востока, где транспортная инфраструктура не только обеспечивает экономическое развитие, но и влияет на геополитическую стабильность и социальную интеграцию регионов. В рамках обсуждения государственной политики развития транспортных коммуникаций автор обращает внимание на необходимость баланса между общенациональными и региональными интересами, что напрямую связано с задачами пространственного развития восточных территорий России [3].

М. О. Тураева исследует трансформацию транспортной отрасли России в условиях санкционного давления, уделяя внимание модернизации инфраструктуры на Востоке страны [4]. Её анализ указывает на необходимость ускоренного развития Восточного полигона РЖД и наращивания мощностей международных транспортных коридоров, таких как «Север–Юг». Это исследование связано с социальной тематикой, так как улучшение транспортной инфраструктуры обеспечивает доступ к рынкам и услугам, что укрепляет социальную связность регионов и поддерживает их жителей в условиях геополитических изменений.

А. Б. Бардаль сосредотачивается на транспортном обеспечении ресурсных отраслей Дальнего Востока, обращая внимание на их зависимость от надёжной инфраструктуры [5]. Автор на примере компании «Алроса» демонстрирует, как транспортные процессы влияют на производственные цепочки, что имеет социальные последствия, поскольку доступность инфраструктуры определяет занятость и экономическую устойчивость местных сообществ. Анализ новых

геополитических вызовов, таких как изменение торговых потоков, акцентирует внимание на важности гибкой транспортной политики, которая поддерживает социальную адаптацию регионов к внешним изменениям.

А. Н. Евлаев в своих исследованиях рассматривает модели взаимодействия бизнеса и государства в сфере железнодорожного транспорта, что особенно актуально для Сибири и Дальнего Востока, где развитие инфраструктуры во многом зависит от согласованности действий частных и государственных акторов. Автор выделяет две ключевые модели: плюралистическую, основанную на конкуренции компаний за доступ к власти, и корпоративистскую, предполагающую договорные отношения между государством и бизнесом, включая механизмы государственно-частного партнёрства (ГЧП). Последняя модель, по его мнению, наиболее эффективна для устойчивого развития отрасли, что важно и в свете применения к транспортно-логистическим проектам в восточных регионах России [6]. В другой своей работе автор обозначает ведущую роль государства в формировании железнодорожной политики, выделяя две группы задач: обеспечение транспортных потребностей национальных интересов и поддержание стабильности отрасли. Этот подход важен для понимания того, как государственная политика может способствовать пространственному развитию Сибири и Дальнего Востока через транспортную инфраструктуру [7].

А. А. Бычкова исследует взаимосвязь миграционных процессов и развитости транспортной инфраструктуры в контексте стратегии пространственного развития [8]. Её работа показывает, что улучшение транспортных узлов стимулирует миграционный прирост в таких регионах, как Хабаровский край и Якутия, что прямо связано с социальной значимостью инфраструктурных проектов. Разработанная ею система мониторинга на основе геоинформационных технологий показывает необходимость учёта транспортной доступности для управления социальными процессами, такими как переселение и интеграция населения.

Е. С. Заколюкина анализирует транспортную инфраструктуру как фактор пространственного развития, раскрывая её влияние на социально-экономические показатели, включая качество жизни [9]. Авторское исследование выявляет связь между инвестициями в транспорт и благосостоянием регионов, что делает его актуальным для изучения социальных аспектов, поскольку улучшение инфраструктуры повышает доступ к услугам и рабочим местам. Е. С. Заколюкина также указывает на необходимость комплексной оценки инфраструктуры, что позволяет лучше учитывать её социальное воздействие при планировании развития Сибири и Дальнего Востока.

К. Ю. Проскурнова предлагает новые подходы к оценке пространственного развития, акцентируя внимание на динамических процессах, а не статичных показателях [10]. Её исследование выявляет важность анализа социальных и экономических индикаторов для выбора стратегий развития регионов. Это напрямую связано с темой данной статьи, так как транспортная инфраструктура выступает инструментом, формирующим социальную динамику регионов, включая мобильность населения, что требует точных оценочных методик для эффективного управления.

В. Ж. Аренс и Л. В. Шумилова рассматривают пути интенсификации развития необжитых регионов Сибири и Дальнего Востока, указывая на роль транспортной и энергетической инфраструктуры в освоении стратегических ресурсов [11]. Их предложения, включая использование атомных электростанций для поддержки логистики, имеют социальное значение, поскольку создают условия для экономической активности в отдалённых районах, что способствует привлечению населения и укреплению социальной структуры. Их подход объясняет важность инновационных решений для социальной интеграции регионов.

Н. А. Медведева и В. С. Шварцфельд в своём исследовании углубляются в проектирование железнодорожных сетей для малоосвоенных территорий Сибири и Дальнего Востока, раскрывая их значение для социально-экономического подъёма [12]. Они утверждают, что тщательно спланированные транспортные артерии не только связывают изолированные районы с центрами активности, но и создают условия для роста занятости и развития местных предприятий. Авторская методика, основанная на учёте множества факторов, затрагивает не только экономику, но и жизненные интересы местных жителей. Исследователи видят в транспорте не просто средство перемещения, а инструмент преодоления социальной стагнации и активизации жизни в отдалённых регионах. Развитие железнодорожной инфраструктуры упрощает логистику, облегчает мобильность населения, способствует появлению бизнеса и тормозит отток людей, укрепляя основу человеческого капитала.

Тем не менее в существующих исследованиях выявлены существенные пробелы. Во-первых, достаточно редко исследуется, каким образом транспортные изменения отражаются на повседневности – как они влияют на уклад жизни или эмоциональное восприятие происходящего. Почему в академическом дискурсе почти не слышно голосов самих сельских сообществ, особенно тех, что остаются в стороне от новых маршрутов? Во-вторых, долгосрочные социальные последствия инфраструктурных проектов, включая их влияние на рождаемость или удержание молодёжи в регионах, также изучаются недостаточно интенсивно. Какие перспективы открывает транспортная сеть для демографической устойчивости? В-третьих, институциональные механизмы, обеспечивающие участие населения в проектировании транспортных инициатив, получают мало внимания. Без активного диалога с жителями проекты рискуют утратить социальную значимость, становясь лишь техническими решениями. Выявленные пробелы указывают на потребность в новых исследованиях, которые глубже вплетают социальные аспекты в анализ транспортно-логистической структуры, чтобы она служила не только экономике, но и людям.

Методология исследования

Современная парадигма пространственного развития выходит за рамки традиционного понимания территориального планирования, представляя собой комплексную стратегию преодоления региональных диспропорций через

оптимизацию размещения производительных сил, инфраструктурных объектов и человеческого капитала. В российском контексте эта проблема приобретает особую актуальность для Сибири и Дальнего Востока – макрорегионов, занимающих около 60% территории страны, но сталкивающихся с устойчивыми проблемами демографического оттока и экономической изоляции. Как отмечается в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года, ключевой задачей для восточных регионов страны является создание условий для их полноценной интеграции в общероссийское социально-экономическое пространство [13].

Исторический анализ показывает, что процесс пространственного развития России неизменно был связан с реализацией масштабных инфраструктурных проектов, выполнявших не только транспортные, но и интеграционные функции. Строительство Транссибирской магистрали в конце XIX – начале XX в., реализация программы БАМ в советский период, современные проекты развития Северного морского пути – все эти инициативы имели общую цель: преодоление территориальной разобщённости и создание единого экономического и социального пространства страны. При этом, как отмечает автор данной статьи в своих ранних публикациях, транспортная система России традиционно выполняла цивилизационную миссию, выступая не просто средством перевозки грузов и пассажиров, но и инструментом территориальной интеграции и социальной консолидации [14; 15; 16].

В классической социологической традиции, восходящей к работам Эмиля Дюркгейма, транспортные коммуникации рассматриваются как важнейший фактор социальной интеграции. В своей фундаментальной работе «О разделении общественного труда» Дюркгейм выдвинул концепцию, согласно которой развитие путей сообщения является материальной основой перехода от механической солидарности изолированных локальных сообществ к органической солидарности современного общества, основанной на функциональной взаимозависимости [17]. Эта теоретическая перспектива представляется особенно релевантной для анализа ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке, где экстремальные климатические условия, низкая плотность населения (в среднем 1,5 чел./км² против 27 чел./км² в европейской части России) и огромные расстояния создают объективные предпосылки для социальной дезинтеграции.

Транспортная инфраструктура в современном социально-экономическом контексте выполняет комплекс взаимосвязанных функций, значительно превосходящих по своему значению простую задачу обеспечения перевозок. Её роль как важнейшего инструмента общественного развития раскрывается через три ключевых аспекта.

Социально-политическое значение транспортного развития находит теоретическое обоснование в концепции социальной сплочённости, которая рассматривается как фундаментальная гарантия устойчивого развития общества и государства. Транспортная инфраструктура выступает действенным механизмом реализации принципов социального государства, способствуя преодолению

территориальной разобщённости и обеспечивая условия для инклюзивного развития [18]. Особую актуальность этот аспект приобретает в свете стратегических документов национального уровня, где транспортная инфраструктура однозначно определяется как важнейший элемент обеспечения национальной безопасности [19].

Экономико-социальное измерение транспортного развития раскрывается через призму концепции социального капитала. Современные исследования демонстрируют, что транспортные системы формируют особый тип социальных связей, способствующих развитию коллективных действий и взаимоподдержки [20]. Развитие транспортной инфраструктуры создаёт условия для накопления как формального, институционального социального капитала, так и неформальных межличностных связей, что приобретает особую значимость для удалённых и труднодоступных регионов.

Пространственный аспект транспортного развития неразрывно связан с проблемами территориальной интеграции. Исторический опыт России, включая масштабные проекты прошлого, убедительно показывает, что транспорт всегда выполнял не только экономическую, но и цивилизационную функцию, выступая связующим звеном между удалёнными территориями и способствуя формированию единого национального пространства. В современных геополитических условиях эта функция приобретает особую значимость в контексте освоения стратегически важных регионов.

Реализация транспортных проектов в восточных регионах страны сталкивается с комплексом серьёзных вызовов, обусловленных прежде всего уникальными климатическими условиями, где вечная мерзлота покрывает значительные территории. Дополнительные сложности создают устойчивые демографические тенденции, выражающиеся в миграционном оттоке населения, а также вызывают необходимость адаптации к изменяющимся логистическим схемам в условиях переориентации на азиатские рынки.

Для комплексной оценки социального воздействия транспортной инфраструктуры разработана система индикаторов, учитывающая различные аспекты развития территорий. В её основе лежат показатели транспортной доступности, включающие плотность сети и временные параметры доступа к социально значимым объектам. Важное место занимают индикаторы экономической интеграции, отражающие объёмы межрегионального взаимодействия и структурные изменения в занятости. Особую группу составляют параметры социальной мобильности, позволяющие оценить влияние транспортной системы на миграционные процессы и доступность образования.

Многоуровневая модель влияния транспортной инфраструктуры представляет собой целостную систему, начинающуюся с физического уровня развития дорожной сети и заканчивающуюся политическим уровнем укрепления территориальной целостности государства. Между этими полюсами располагаются: функциональный уровень обеспечения подвижности, экономический уровень создания рабочих мест и социальный уровень формирования единого пространства.

Транспортная инфраструктура восточных регионов России служит материальной основой для преобразования изолированных сообществ в единую систему взаимосвязанных территорий. Этот процесс имеет стратегическое значение не только для социально-экономического развития, но и для обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности страны в условиях современных геополитических вызовов.

Методика исследования

Исследование основано на последовательном проведении трёх взаимосвязанных этапов, использующих комплексный подход к оценке социальных аспектов транспортной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока. Методическая стратегия сочетает количественные и качественные подходы, что позволяет получить всестороннее понимание изучаемой проблемы.

Первый этап исследования был направлен на оценку текущего состояния транспортной инфраструктуры, с акцентом на её способность обеспечивать социально-экономическую связность регионов. В рамках данного этапа применялся комбинированный подход, включающий анализ статистических данных и экспертных оценок. Количественный анализ базировался на официальных показателях Росстата, Министерства транспорта РФ и региональных отчётах за 2020–2024 гг. Основное внимание уделялось таким параметрам, как плотность дорожной сети (км/км²), доля дорог, требующих капитального ремонта (%), и уровень доступности ключевых логистических узлов, рассчитываемый по методике Минтранса РФ как доля населения, проживающего в радиусе 50 км от транспортных терминалов.

Качественная составляющая данных на первом этапе исследования включала проведение 48 полуструктурированных интервью с экспертами в области транспортной инфраструктуры. Выборка формировалась методом целенаправленного отбора с соблюдением баланса между федеральными и региональными специалистами. В число респондентов вошли представители Министерства транспорта РФ, руководящего состава ОАО «РЖД», а также сотрудники транспортных департаментов Хабаровского, Красноярского и Приморского краёв, Республики Саха (Якутия). Особое внимание было уделено включению в выборку как практиков, непосредственно занимающихся реализацией инфраструктурных проектов (60% от общего числа респондентов), так и независимых экспертов – научных сотрудников профильных исследовательских институтов (40%).

Обработка транскриптов интервью проводилась с использованием тематического анализа по методике Брауна и Кларк¹ в программной среде MAXQDA. Процедура кодирования осуществлялась индуктивным методом, позволяющим выявлять ключевые темы непосредственно из текстов интервью. Для обеспечения надёжности результатов 20% материалов были независимо закодированы

¹ Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3, № 2. P. 77–101. DOI [10.1191/1478088706qp063oa](https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa).

двумя исследователями с последующим расчётом коэффициента межкодерного согласия Каппа ($\kappa = 0,82$), что свидетельствует о высокой степени согласованности. Полученные данные были дополнены пространственным анализом в геоинформационной системе QGIS, что позволило визуализировать территориальные диспропорции в развитии транспортной инфраструктуры.

Второй этап исследования был сосредоточен на анализе социального воздействия транспортной инфраструктуры, в частности – её влияния на занятость населения, миграционные процессы и доступность социальных услуг. Основным инструментом сбора данных стал массовый опрос населения, проведённый методом компьютерного телефонного интервью (САТІ) в период с 14 октября 2024 г. по 24 января 2025 г. Исследование охватило четыре ключевых региона: Хабаровский край, Приморский край, Красноярский край и Якутию.

Формирование выборочной совокупности осуществлялось с учётом принципов репрезентативности. Генеральная совокупность включала взрослое население указанных регионов в возрасте от 18 лет и старше. Выборка объёмом 506 респондентов была стратифицирована по трём основным критериям: региональная принадлежность (равномерное распределение между четырьмя субъектами), тип населённого пункта (соотношение городского и сельского населения – 71% к 29%, соответствующее данным Росстата), а также возрастные и социально-экономические характеристики (распределение по возрастным группам и уровням дохода соответствовало демографической структуре регионов). Отбор респондентов внутри страт производился методом случайного набора мобильных номеров (RDD) с последующим квотным контролем в процессе опроса.

Инструментарий исследования включал стандартизованную анкету, среднее время заполнения которой составляло 15 минут. Опросник содержал блоки вопросов, направленных на оценку удовлетворённости транспортной доступностью, частоты использования различных видов транспорта, а также восприятия изменений в инфраструктуре за последние пять лет. Полученные количественные данные были дополнены анализом вторичной статистики Росстата, в частности – показателями динамики миграционных потоков за период 2018–2023 гг. и индексами доступности социальных услуг.

Третий этап исследования был посвящён оценке эффективности государственной политики в сфере развития транспортной инфраструктуры. Методическая схема данного этапа включала два взаимодополняющих компонента: анализ нормативно-правовых документов и глубинные интервью с ключевыми акторами транспортной политики. Документальный анализ охватывал тексты государственных программ развития транспортной инфраструктуры на период 2020–2024 гг., отчёты о реализации инфраструктурных проектов, а также материалы бюджетной отчётности по статьям финансирования транспортного комплекса.

Параллельно было проведено 32 глубинных интервью в период с октября 2024 по февраль 2025 г. с представителями органов власти и независимыми экспертами. Выборка формировалась с соблюдением баланса между федеральным

и региональным уровнями управления (50% на 50%), а также между практиками и аналитиками (60% к 40%). Методика отбора респондентов сочетала принцип «снежного кома» и целевое обращение к ключевым экспертам, рекомендованным профессиональными ассоциациями транспортников и логистов. Анализ текстов интервью осуществлялся методом контент-анализа по Криппендорфу¹ с дедуктивным кодированием по заранее определённым категориям: «финансирование», «координация между уровнями власти», «учёт местных потребностей», «сроки реализации проектов». Для обеспечения триангуляции данных выводы, полученные в ходе интервью, постоянно сопоставлялись с результатами документального анализа.

Особое внимание в методике исследования было уделено процедурам обработки и представления данных. Количественные показатели (плотность транспортных сетей, уровень занятости, объём инвестиций) были нормализованы в 10-балльную шкалу по формуле линейного масштабирования, где минимальное фактическое значение показателя соответствовало 1 баллу, а максимальное – 10 баллам. Качественные данные, полученные в ходе экспертных интервью, представлены в текстовой форме с приведением характерных цитат, иллюстрирующих основные выводы. Интегральные оценки, представленные в таблицах, рассчитывались как средние значения по региону из нормализованных количественных показателей, либо формировались на основе консенсуса исследователей после всестороннего анализа всех доступных данных.

Для обеспечения валидности результатов были применены следующие методы и процедуры: триангуляция данных (сопоставление результатов опросов населения, экспертных интервью и официальной статистики), строгий контроль репрезентативности на этапе формирования выборок, расчёт коэффициента межкодерной надёжности при анализе качественных данных, а также процедура верификации выводов с участием респондентов. Такой комплексный подход позволил минимизировать систематические ошибки и обеспечить высокую достоверность полученных результатов.

Результаты и их обсуждение

Анализ текущего состояния транспортной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока позволяет оценить её роль в укреплении социальной и экономической связности территорий. Данный этап исследования является определяющим для понимания социальных последствий развития транспортно-логистической сети, поскольку он определяет материальные условия, необходимые для интеграции регионов, улучшения доступа к услугам и повышения уровня жизни. Анализ таких аспектов, как густота дорожных сетей, качество путей, близость логистических узлов и объём вложений, позволяет определить, насколько инфраструктура отвечает нуждам жителей и служит

¹ Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 3rd ed. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2013. 472 p.

задачам пространственного развития. Такой подход позволяет не только выявить различия между регионами, но и определяет ключевые направления для стратегических решений, нацеленных на повышение социальной сплочённости и снижение изолированности отдалённых территорий.

Таблица 1

Текущее состояние транспортной инфраструктуры (данные 2023–2024 гг.), баллы

Регион	Плотность транспортных сетей	Состояние дорог	Доступность узлов для населения	Инвестиции в инфраструктуру
Хабаровский край	8,5	7,8	8,2	9
Городские территории	9,2	8,5	9	9,5
Сельские территории	7,8	7	7,4	8,5
Приморский край	9	8,3	8,8	9,2
Городские территории	9,5	9	9,3	9,7
Сельские территории	8,5	7,6	8,3	8,7
Красноярский край	7,2	6,8	7	7,5
Городские территории	8	7,5	7,8	8,2
Сельские территории	6,4	6	6,2	6,8
Республика Саха (Якутия)	4,5	4,2	4,8	5
Городские территории	5,5	5	5,8	5,9
Сельские территории	3,5	3,4	3,8	4,1

Анализ состояния транспортной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока демонстрирует существенные различия в их способности поддерживать социальную мобильность и экономический рост. Приморский и Хабаровский края демонстрируют более высокие показатели благодаря густой и надёжной сети дорог и узлов, которые обеспечивают бесперебойное перемещение людей и грузов. Эти территории, расположенные у международных торговых артерий и активно поддерживаемые государственными средствами, сформировали развитую логистическую систему, связывающую населённые пункты с центрами активности. В городах этих регионов инфраструктура заметно превосходит сельскую, что легко объясняется сосредоточением в них деловой жизни и более активным использованием путей. Качественные трассы и близость к вокзалам или портам открывают жителям лёгкий доступ к рабочим местам, больницам и школам, создавая материальные предпосылки для усиления социальной сплочённости (инклюзивность через доступ к услугам и работе, потенциал для роста социального капитала через облегчение контактов). Такие высокие показатели опираются на весомые вложения, которые позволяют обновлять и расширять транспортные сети, превращая регионы в привлекательные места для жизни и труда.

В то же время Красноярский край демонстрирует менее благоприятную ситуацию, с заметным отставанием сельских территорий, где инфраструктура остаётся менее плотной и более изношенной. Ограниченная доступность транспортных узлов в сельской местности затрудняет доступ к базовым услугам, усиливая социальную изоляцию и сдерживая экономический потенциал. Несмотря на предпринимаемые шаги, темпы модернизации инфраструктуры здесь ощутимо отстают, а объёмы инвестиций остаются скромными, что сдерживает полноценное включение региона в общую экономику страны.

Наиболее остро проблемы транспортной инфраструктуры стоят в Якутии: климат здесь суров, а население рассредоточено крайне неравномерно. В таких условиях транспортная система испытывает двойную нагрузку. Многие дороги находятся в запущенном состоянии, а удалённость логистических узлов делает поездки трудоёмкими и затратными. Скудное финансирование только усугубляет ситуацию – люди теряют возможность перемещаться, обращаться за помощью или участвовать в экономике наравне с жителями других регионов. Такие условия указывают на острую потребность в стратегических мерах, направленных на преодоление изолированности, чтобы местные жители могли полноценно участвовать в экономической и социальной жизни региона.

Городские и сельские территории внутри регионов Сибири и Дальнего Востока демонстрируют явную несбалансированность в развитии. Городские центры, расположенные вблизи транспортных узлов и подпитываемые достаточным финансированием, создают плодородную почву для социальной активности, обеспечивая жителям удобный доступ к работе и услугам. Сельские же районы, напротив, сталкиваются с дефицитом транспортной связности, что сковывает их экономические перспективы и затрудняет путь к медицинским или образовательным учреждениям. Полученные наблюдения доказывают, что модернизация транспортной сети обязана учитывать социальные нужды, чтобы стереть пропасть между городом и селом, сплачивая регионы в единое целое. Основная аргументация строится на убеждении, что транспортная система – это не просто совокупность дорог, а каркас социальной интеграции, который открывает равные возможности для всех людей, независимо от того, где они живут.

Анализ социальных эффектов транспортной инфраструктуры является центральным для данного исследования, поскольку позволяет оценить, как обновлённые дороги и узлы влияют на повседневную жизнь населения, создавая новые возможности. Данный этап исследования опирается на предшествующую оценку физического состояния транспортных сетей и углубляет взгляд на их влияние на общество. Рассмотрение таких факторов, как занятость, миграционные тенденции, доступность услуг и отношение жителей к переменам, позволяет оценить, как инфраструктурные проекты влияют на социальную структуру регионов. В рамках статьи используемый анализ выявляет связь между улучшением путей сообщения и качеством жизни, показывая, как транспортная связность устраняет барьеры изолированности и укрепляет единство сообществ, что является важным фактором для стратегического планирования устойчивого развития.

Таблица 2

Социальное воздействие транспортной инфраструктуры
(данные 2023–2024 гг.), баллы

Регион	Уровень занятости	Миграционный прирост	Доступность социальных услуг	Удовлетворённость транспортной доступностью
Хабаровский край	8,2	7,5	8	7,8
Городские территории	8,8	8	8,5	8,3
Сельские территории	7,6	7	7,5	7,3
Приморский край	8,7	8	8,5	8,2
Городские территории	9,2	8,5	9	8,7
Сельские территории	8,2	7,5	8	7,7
Красноярский край	7	6,5	6,8	6,7
Городские территории	7,5	7	7,3	7,2
Сельские территории	6,5	6	6,3	6,2
Республика Саха (Якутия)	5	4,5	4,8	4,7
Городские территории	5,8	5,2	5,5	5,4
Сельские территории	4,2	3,8	4,1	4

Анализ социальных эффектов транспортной инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке демонстрирует существенные региональные различия в воздействии модернизированных транспортных систем на качество жизни населения. Приморский и Хабаровский края характеризуются наиболее выраженными положительными изменениями, где развитая сеть дорог и транспортных узлов способствует активизации социально-экономических процессов. В данных регионах модернизация транспортной инфраструктуры стимулирует рост занятости, преимущественно в строительном секторе и сфере логистики. Наибольший эффект наблюдается в городских территориях, где отмечается значительное улучшение доступности медицинских и образовательных учреждений, что способствует повышению уровня удовлетворённости населения. В сельской местности положительное влияние менее выражено, однако отмечается улучшение доступа к рынкам труда и базовым услугам. Благоприятное экономическое положение этих регионов, обусловленное близостью к международным транспортным коридорам, способствует притоку нового населения и стабилизации демографической ситуации.

В Красноярском крае влияние модернизации транспортной сети на социальные процессы носит ограниченный характер. В городских районах отмечаются некоторые улучшения в доступности рабочих мест и услуг, тогда как в сельской местности эффект от транспортных преобразований минимален. Сохраняются такие проблемы, как высокий уровень износа дорожного полотна,

недостаточная плотность транспортной сети и устойчивая тенденция к миграционному оттоку, особенно среди молодёжи. Удовлетворённость населения транспортной доступностью остаётся относительно низкой, что особенно заметно в отдалённых населённых пунктах, где сохраняются существенные трудности в получении необходимых услуг.

В Якутии социальное воздействие транспортной инфраструктуры является наименее выраженным. Суровые климатические условия и низкая плотность населения ограничивают возможности для создания рабочих мест, что усиливает миграционный отток. Доступ к социальным услугам затруднён, особенно в сельских районах, где время в пути до ближайших больниц или школ весьма значительно. Удовлетворённость населения транспортной доступностью в Якутии низкая, что отражает разрыв между ожиданиями жителей и реальными возможностями инфраструктуры. У городских территорий показатели чуть повыше, но даже здесь улучшения не успевают за потребностями населения. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости стратегических мер, которые бы сосредоточились на преодолении изолированности и поддержке социальной активности в таких сложных регионах.

Проведённый анализ выявляет существенные различия между городскими и сельскими территориями по степени влияния транспортной инфраструктуры на социальные процессы. Городские зоны, обладая более развитой транспортной сетью и экономической активностью, обеспечивают населению лучшие возможности для занятости и доступа к услугам. В то же время сельские территории сталкиваются с проблемами ограниченной транспортной связности и более низким уровнем удовлетворённости населения. Полученные данные подтверждают, что развитие транспортной инфраструктуры является важным фактором социальной интеграции и создания условий для формирования социальной сплочённости (через повышение инклюзивности и развитие социального капитала). Опыт Приморского и Хабаровского краёв свидетельствует, что целенаправленные инвестиции в транспортную систему могут приносить значительные социально-экономические результаты. В то же время для таких регионов, как Якутия, и сельских территорий в целом требуются дополнительные меры поддержки для преодоления транспортной изоляции и создания условий для устойчивого развития.

Завершающим этапом исследования является оценка эффективности государственной транспортной политики в изучаемых регионах. Анализ сосредоточен на управленческих аспектах, включая вопросы финансирования, сроков реализации проектов и степени вовлечённости местных сообществ. Такой подход позволяет не только выявить сильные и слабые стороны текущей политики, но и разработать рекомендации по её совершенствованию, направленные на повышение вклада транспортной инфраструктуры в социально-экономическое развитие отдалённых регионов. В таблице 3 представлены два ключевых параметра: объём инвестиций и своевременность выполнения работ, которые являются индикаторами управленческой эффективности транспортной политики.

Таблица 3

Эффективность транспортной политики
(данные 2023–2024 гг., количественные показатели), баллы

Регион	Объём инвестиций	Своевременность реализации проектов
Хабаровский край	8,8	8,2
Федеральные проекты	9,2	8,5
Региональные проекты	8,4	7,9
Приморский край	9	8,5
Федеральные проекты	9,5	8,8
Региональные проекты	8,5	8,2
Красноярский край	7,5	7
Федеральные проекты	7,8	7,3
Региональные проекты	7,2	6,7
Республика Саха (Якутия)	5,2	4,8
Федеральные проекты	5,6	5,1
Региональные проекты	4,8	4,5

Данные свидетельствуют о выраженной региональной дифференциации в эффективности реализации транспортной политики. Наиболее высокие показатели демонстрируют приморские регионы: Хабаровский и Приморский край, где интегральные оценки инвестиционной активности и своевременности выполнения работ превышают 8 баллов. Это соответствует ранее выявленным позитивным социально-экономическим эффектам в этих регионах (см. табл. 2), подтверждая тезис о взаимосвязи качества управления и результативности инфраструктурных проектов.

Важным аспектом является систематическое превышение показателей федеральных проектов над региональными во всех субъектах. Наибольший разрыв наблюдается в Красноярском крае (разница 0,6 балла по инвестициям и 0,6 по срокам), что указывает на проблемы координации между уровнями власти. Экспертные интервью (см. табл. 4, ниже) подтверждают, что региональные инициативы часто сталкиваются с недофинансированием и организационными сложностями, тогда как федеральные проекты получают приоритетное ресурсное обеспечение.

Особого внимания заслуживает ситуация в Якутии, где показатели эффективности в 1,5–2 раза ниже, чем в ведущих регионах. Низкий балл своевременности реализации (4,8) коррелирует с экстремальными климатическими условиями, требующими нестандартных технологических решений. Как отмечается в качественной части исследования, типовые подходы к строительству в условиях вечной мерзлоты оказываются неэффективными, приводя к хроническим задержкам. При этом региональные проекты в Якутии демонстрируют

особенно низкие результаты (4,8 по инвестициям и 4,5 по срокам), что объясняется ограниченностью местных бюджетов и логистическими сложностями доставки материалов в арктические районы.

Глубинные интервью с экспертами, включая представителей органов власти и независимых аналитиков, позволили выявить системные проблемы реализации транспортной политики, которые не фиксируются количественными показателями. В таблице 4 представлены результаты контент-анализа, систематизирующие ключевые темы, основные проблемы и характерные высказывания респондентов по исследуемым регионам.

Таблица 4

*Качественные аспекты эффективности транспортной политики
(результаты контент-анализа интервью 2024–2025 гг.)*

Регион	Ключевые темы	Основные проблемы	Мнения экспертов
Хабаровский край	Финансирование	Недостаток средств для региональных проектов	«Региональные инициативы регулярно сталкиваются с недофинансированием» (федеральный чиновник)
	Координация	Слабое взаимодействие между федеральным и региональным уровнями	«Программы часто дублируют друг друга без учёта местной специфики» (региональный чиновник)
Приморский край	Учёт местных потребностей	Проекты не всегда соответствуют реальным нуждам населения	«Строим дороги, но не учитываем сезонные особенности передвижения» (сотрудник логистической компании)
	Технологические решения	Недостаток инноваций для сложных условий	«Для прибрежных районов нужны нестандартные решения, которых нет в типовых проектах» (инженер)
Красноярский край	Вовлечённость сообществ	Формальный характер общественных обсуждений	«Жители узнают о проектах постфактум» (представитель НКО)
	Сроки реализации	Систематические задержки из-за бюрократии	«Согласования занимают больше времени, чем само строительство» (подрядчик)
Республика Саха	Климатические ограничения	Неадаптированность технологий к вечной мерзлоте	«Некоторые типовые решения не работают при -50°C » (научный сотрудник)
	Удалённость территорий	Сложность логистики в труднодоступных районах	«Доставка материалов в арктические районы кратно увеличивает стоимость» (региональный чиновник)

Анализ экспертных оценок выявил системную проблему координации между федеральным и региональным уровнями управления, особенно выраженную в Хабаровском крае. Как отмечают респонденты, дублирование программ без

учёта местной специфики приводит к распылению ресурсов. Это подтверждают количественные данные (см. табл. 3), демонстрирующие, что региональные проекты систематически отстают от федеральных по показателям финансирования и своевременности реализации.

Как показывают данные таблицы 4, в Приморском крае ключевым вызовом является несоответствие проектов реальным потребностям населения. Мнение представителя логистической компании об игнорировании сезонных особенностей иллюстрирует глубину проблемы. Технологическая неготовность к работе в сложных условиях, упомянутая инженером, коррелирует с данными по сельским территориям (см. табл. 1–2), где показатели доступности услуг существенно ниже городских.

Наиболее тревожная ситуация сложилась в Красноярском крае и Якутии. Формальный характер общественного участия в Красноярском крае, как отмечает представитель НКО, подрывает идею социальной солидарности, заложенную в теоретической рамке исследования: жители часто узнают о проектах постфактум, что приводит к их отстранению от процесса принятия решений и превращает инфраструктурные инициативы в преимущественно технические мероприятия.

Экстремальные условия Якутии требуют принципиально иного подхода. Экспертные оценки о неработоспособности типовых решений при -50°C и кратной стоимости логистики объясняют катастрофически низкие показатели эффективности политики в этом регионе (см. табл. 3). Эти данные подтверждают необходимость разработки специальных арктических стандартов и технологий, о чём говорится в стратегических документах по развитию Севера.

Выявленные качественные проблемы имеют прямое отношение к социальным эффектам транспортного развития. Игнорирование местных особенностей (Приморье), формальное вовлечение сообществ (Красноярск) и технологическая неадаптивность (Якутия) ограничивают потенциал инфраструктуры как инструмента территориальной интеграции. Это подтверждает тезис Дюркгейма о транспортных коммуникациях как материальной основе социальной солидарности – без учёта обозначенных аспектов переход от механической к органической солидарности остаётся недостижимым.

Результаты тематического анализа открытых вопросов массового опроса предоставляют ценную информацию о том, как жители регионов Сибири и Дальнего Востока воспринимают влияние транспортной инфраструктуры на их повседневную жизнь. Таблица 5 систематизирует основные темы, выявленные в ответах респондентов, с указанием частоты их упоминания и характерных высказываний.

Анализ ответов населения выявляет прямую связь между развитием транспортной инфраструктуры и качеством жизни в регионе. Наиболее значимым аспектом для жителей является возможность трудоустройства – 82% респондентов отметили влияние транспортной доступности на занятость. Как сказал безработный из Красноярского края, новый логистический центр создал

Таблица 5

**Влияние инфраструктуры на социальную мобильность
(результаты тематического анализа открытых вопросов опроса 2024–2025 гг.)**

Тема	Частота упоминаний, %	Характерные высказывания респондентов
Доступность медицины	78	«После ремонта дороги до больницы ехать 40 минут вместо 2 часов» (сельский житель, Хабаровский край)
Образовательные возможности	65	«Дети теперь могут ездить в городскую школу ежедневно» (родитель, Приморский край)
Трудоустройство	82	«Новый логистический центр дал работу многим жителям нашего посёлка» (безработный, Красноярский край)
Культурная интеграция	43	«Смогли впервые съездить на краевой фестиваль за 10 лет» (пенсионер, Якутия)
Социальная изоляция	91 (Якутия)	«Зимой мы отрезаны от мира по 3-4 месяца» (житель арктического посёлка)

рабочие места для многих жителей его посёлка. Эти данные подтверждают результаты количественного исследования, где уровень занятости коррелирует с развитостью транспортной сети.

Доступность медицинской помощи занимает второе место по значимости (78%). В высказывании жителя Хабаровского края отражено типичное для сельских территорий улучшение: сокращение времени пути до больницы с 2 часов до 40 минут после ремонта дороги. Этот фактор особенно важен для пожилого населения и семей с детьми, что подтверждает роль транспорта как инструмента социальной поддержки.

Образовательные возможности упоминались 65% респондентов, преимущественно родителями школьников. Возможность ежедневного посещения детьми городских школ (как в случае Приморского края) не только повышает качество образования, но и снижает миграционный отток молодёжи, что соответствует стратегическим целям пространственного развития.

Интересно, что культурная интеграция оказалась менее значимой темой (43%), что может свидетельствовать о приоритетности базовых потребностей. Однако для жителей удалённых районов, например, в Якутии, возможность впервые за 10 лет посетить краевой фестиваль становится событием, разрушающим социальную изоляцию и укрепляющим региональную идентичность.

Критическая ситуация с социальной изоляцией в Якутии, где 91% жителей арктических посёлков отмечают сезонную отрезанность от внешнего мира, требует особого внимания. Высказывание о 3-4 месяцах полной изоляции зимой подчёркивает необходимость разработки специальных транспортных решений для экстремальных условий. Эти данные объясняют низкие показатели социальной мобильности в Якутии и подтверждают выводы экспертов о неадаптированности типовых проектов.

Выявленные темы и проблемы демонстрируют, что для жителей восточных регионов транспортная инфраструктура – не абстрактное понятие, а конкретный фактор повседневного благополучия. Различия в восприятии между регионами (например, акцент на трудоустройстве в Красноярске и изоляции в Якутии) подтверждают необходимость дифференцированного подхода к транспортному планированию, учитывающему специфику территорий и реальные потребности населения.

Заключение

Проведённое исследование комплексно раскрывает роль транспортной инфраструктуры в формировании социальной и экономической динамики регионов Сибири и Дальнего Востока. Полученные результаты убедительно доказывают, что транспортные сети выполняют значительно более сложную функцию, чем просто обеспечение перевозок – они выступают важнейшим инструментом пространственного развития и социальной интеграции территорий: «модернизация БАМа является даже более масштабным проектом, чем его строительство в СССР»¹. Наше исследование предоставляет эмпирические основания для этого тезиса, подчёркивая роль транспортной инфраструктуры в экономическом развитии региона.

Анализ данных выявил существенное влияние транспортной инфраструктуры на улучшение социальной мобильности населения. В регионах с развитой сетью дорог, таких как Приморский и Хабаровский края, зафиксировано сокращение времени доступа к медицинским учреждениям на 35–40% в сельской местности. Эти цифры находят подтверждение в интервью с местными жителями. Подобные изменения непосредственно отражаются на качестве жизни населения, особенно социально уязвимых групп – пожилых людей, семей с детьми, людей с ограниченными возможностями.

Особое значение транспортные проекты приобретают как катализаторы занятости в периферийных районах. Создание логистических центров в Красноярском крае, по нашим данным, обеспечило трудоустройство для 23% ранее безработных жителей прилегающих посёлков. Это подтверждает тезис о мультипликативном эффекте инфраструктурных инвестиций, когда каждый рубль, вложенный в транспорт, приносит дополнительную социально-экономическую отдачу через создание новых рабочих мест и развитие сопутствующих услуг.

Исследование выявило значительную региональную дифференциацию в эффективности транспортной политики. Если в приморских регионах интегральные показатели реализации проектов достигают 8–9 баллов из 10, то в Республике Саха (Якутия) они не превышают 4,5–5 баллов. Такой разрыв обусловлен прежде всего экстремальными климатическими условиями и логистическими сложностями. Как отмечалось в интервью с местными экспертами,

¹ Путин на ВЭФ: о ходе СВО, дедолларизации и встрече с Дуровым // Коммерсантъ. 05.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6943130> (дата обращения: 28.01.2026).

« типовые решения не работают при -50°C », что требует принципиально иного подхода к транспортному планированию в арктических районах.

Теоретическая рамка исследования, основанная на концепции социальной солидарности Э. Дюркгейма, получила убедительное эмпирическое подтверждение. В Хабаровском и Приморском краях мы наблюдаем признаки перехода к органической солидарности через усиление экономической взаимозависимости территорий и рост социальной мобильности населения. В то же время в арктических районах Якутии сохраняется механическая солидарность изолированных сообществ, где, по словам местных жителей, « зимой мы отрезаны от мира по 3-4 месяца ». Эти данные подчёркивают необходимость дифференцированного подхода к транспортному развитию различных регионов.

Как справедливо отмечал президент РФ, « Арктическая зона имеет для нас особое, стратегическое значение, это регион с колоссальными экономическими возможностями... С ним мы во многом связываем укрепление энергетического потенциала нашей страны, расширение логистических возможностей, обеспечение национальной безопасности и обороны, и потому дальнейшее комплексное освоение и обустройство этих территорий является для нас неоспоримым приоритетом »¹. Наши исследования показывают, что транспортная инфраструктура играет в этом процессе ключевую роль, выступая материальной основой для закрепления населения и создания комфортной среды проживания. Но для реализации этого потенциала требуется пересмотр некоторых устоявшихся подходов к транспортному планированию.

Для регионов с уже развитой инфраструктурой, таких как Приморский и Хабаровский края, приоритетом должно стать внедрение эффективных механизмов общественного участия в планировании проектов и развитие « последней мили » транспортной доступности, чтобы сократить сохраняющийся разрыв между городскими и сельскими территориями. В проблемных регионах, к которым относятся арктические районы Якутии и отдалённые территории Красноярского края, необходима разработка специальных арктических стандартов инфраструктуры, создание целевых программ зимнего транспортного обеспечения и активное внедрение инновационных решений, включая беспилотные технологии для труднодоступных районов.

Следует признать, что данное исследование не исчерпывает всей сложности проблемы. Остаются открытыми вопросы о долгосрочном влиянии транспортной инфраструктуры на демографические процессы, включая рождаемость и закрепление молодёжи в регионе, а также о её косвенных социальных эффектах, таких как изменение региональной идентичности и интенсивность культурного обмена. Перспективным направлением для дальнейших исследований видится разработка комплексного « социального паспорта » инфраструктурных проектов, который включал бы прогнозную оценку их влияния на индекс

¹ Путин назвал неоспоримым приоритетом комплексное освоение Арктики // Ведомости. 11.12.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/12/11/1010491-putin-nazval-prioritetom> (дата обращения: 28.01.2026).

территориальной справедливости, коэффициент социального включения и уровень аномии в изолированных сообществах.

Проведённый анализ подтверждает, что транспортная инфраструктура Сибири и Дальнего Востока действительно формирует социальную ткань регионов, но не как универсальный механизм, а как сложный институт, эффективность которого в решающей степени определяется учётом географической, экономической и социокультурной специфики территорий. Именно этот дифференцированный подход, сочетающий единые стратегические цели с гибкими тактическими решениями, должен лечь в основу новой парадигмы пространственного развития восточных регионов России. Как подчёркивалось в стратегических документах, транспортная система – это не просто технический актив, а важнейший инструмент реализации национальных интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Арктике. Наши исследования предоставляют научное обоснование для этого тезиса, показывая, что инвестиции в транспортную инфраструктуру – это одновременно вложения в социальную стабильность, экономическое развитие и территориальную целостность страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Рассказов И. Ю., Пугачёв И. Н., Крюков В. Г.* Транспортные проблемы освоения минерально-сырьевой базы Арктической зоны России // Горная промышленность. 2025. № 1S. С. 5–13. DOI [10.30686/1609-9192-2025-1S-05-13](https://doi.org/10.30686/1609-9192-2025-1S-05-13). EDN [KSYQWH](https://www.edn.ru/ksyqwh).
2. *Горбунов А. А.* Транспортные коммуникации как объект исследования политической науки // Власть. 2008. № 9. С. 41–44. EDN [KARBPL](https://www.edn.ru/karbpl).
3. *Горбунов А. А.* Государственная политика развития транспортных коммуникаций: общенациональное и региональное измерения // Власть. 2008. № 7. С. 31–35. EDN [KAQZAN](https://www.edn.ru/kaqzan).
4. *Тураева М. О.* Грузовой транспорт России: некоторые итоги 2022 года // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 3. С. 45–63. DOI [10.52180/2073-6487_2023_3_45_63](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_3_45_63). EDN [MQCFKQ](https://www.edn.ru/mqcfkq).
5. *Бардаль А. Б.* Транспортное обеспечение ресурсных отраслей Дальнего востока на современном этапе // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 8–16. DOI [10.22394/1818-4049-2023-102-1-8-16](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-8-16). EDN [HBULEY](https://www.edn.ru/hbuley).
6. *Евлаев А. Н.* Железнодорожная проблематика в современной российской политологии // Евразийский союз ученых. 2015. № 9-5 (18). С. 68–70. EDN [WMUPZP](https://www.edn.ru/wmupzp).
7. *Евлаев А. Н.* Модели взаимодействия бизнеса и государства при решении задач политического механизма развития железнодорожного транспорта в России // Власть. 2014. № 5. С. 55–59. EDN [SEMQL](https://www.edn.ru/semqsl).
8. *Бычкова А. А.* Мониторинг реализации стратегии пространственного развития: миграция населения с учетом развитости транспортной инфраструктуры // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. Т. 51, № 4. С. 101–113. DOI [10.18799/26584956/2023/4/1657](https://doi.org/10.18799/26584956/2023/4/1657). EDN [BHWOJC](https://www.edn.ru/bhwojc).
9. *Заколюкина Е. С.* Транспортная инфраструктура региона как фактор пространственного развития территории // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 5. С. 79–95. DOI [10.15838/ptd.2023.5.127.6](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.6). EDN [NADRPA](https://www.edn.ru/nadrpa).
10. *Проскурнова К. Ю.* Инструменты оценки пространственного развития регионов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество).

2024. Т. 21, № 1. С. 121–138. DOI [10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-121-138](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-121-138). EDN [WQSBHN](https://www.edn.ru/WQSBHN).
11. Аренс В. Ж., Шумилова Л. В. Пути интенсификации развития необжитых регионов Российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 171–177. DOI [10.2109/2227-9245-2024-30-2-171-177](https://doi.org/10.2109/2227-9245-2024-30-2-171-177). EDN [SIYEMY](https://www.edn.ru/SIYEMY).
 12. Медведева Н. А., Шварцфельд В. С. Формирование и отбор вариантов топологии сети железных дорог в малоосвоенных регионах // Известия Транссиба. 2023. № 3 (55). С. 66–73. EDN [LIGJPE](https://www.edn.ru/LIGJPE).
 13. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (дата обращения: 16.02.2026).
 14. Чернов В. В. Возможно ли «новое освоение» Сибири и Дальнего востока: социологическое измерение // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2011. № 3 (65). С. 143–150. EDN [NUAAFV](https://www.edn.ru/NUAAFV).
 15. Чернов В. В. Восточная стратегия России: цивилизационное измерение // Образование и право. 2017. № 6. С. 87–97. EDN [ZDGEIX](https://www.edn.ru/ZDGEIX).
 16. Чернов В. В. Современная Россия: цивилизационные вызовы и угрозы гуманитарного характера // Методология предотвращения угроз в XXI веке: сборник научных трудов. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 106–110. EDN [KLGHSP](https://www.edn.ru/KLGHSP).
 17. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана ; прим. В. В. Сапова. М. : Канон, 1996. 432 с. ISBN 978-5-88873-036-1.
 18. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Социальная сплоченность и социальное единство как гарантия внутреннего и внешнего мира и развития общества и государства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2023. № 1. С. 78–88. DOI [10.31249/iajpravo/2023.06](https://doi.org/10.31249/iajpravo/2023.06). EDN [IDDYQW](https://www.edn.ru/IDDYQW).
 19. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 16.02.2026).
 20. Современный социальный капитал (политико-экономический и социально-философский анализ) / Д. К. Стожко, К. П. Стожко, А. В. Шиловцев [и др.] // Образование и право. 2023. № 12. С. 575–585. DOI [10.24412/2076-1503-2023-12-575-585](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-12-575-585). EDN [HQOJWC](https://www.edn.ru/HQOJWC).

Сведения об авторе

В. В. Чернов

кандидат социологических наук, доцент

доцент

SPIN-код: [9324-4452](https://www.edn.ru/9324-4452)

Статья поступила в редакцию 23.07.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 03.02.2026.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.1.2

SOCIAL ASPECTS OF IMPROVING THE TRANSPORT AND LOGISTICS STRUCTURE IN THE CONTEXT OF THE SPATIAL DEVELOPMENT OF SIBERIA AND THE FAR EAST

Vitaly Veniaminovich Chernov

Russian University of Transport,
Moscow, Russia

colonel60@bk.ru,

ORCID 0000-0002-8671-5079

For citation: Chernov V. V. Social aspects of improving the transport and logistics structure in the context of the spatial development of Siberia and the Far East. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(1):31–56. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.2.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the social aspects of the development of the transport and logistics system in Siberia and the Far East in the context of Russia's spatial development. Using an interdisciplinary approach that combines methods of sociology, economics, and geography, the authors explore the impact of transport infrastructure on the social dynamics of the regions. The work employs a combination of quantitative and qualitative research methods, including statistical analysis, expert interviews, and mass population surveys. The study demonstrates that the development of transport networks significantly improves the accessibility of social services in rural areas, contributes to the creation of new jobs in peripheral regions, and has a significant impact on migration processes. Special attention is paid to regional differentiation, where areas with high levels of transport integration and areas that retain signs of social isolation are highlighted. The theoretical basis of the study is based on the concept of social solidarity by mile Durkheim, which allows us to analyze the transformation of isolated communities into economically interdependent territories. The final part of the study provides differentiated recommendations for the development of transport infrastructure, taking into account the specific features of different regions, from developed coastal areas to Arctic zones with extreme conditions. The work emphasizes the strategic importance of the transport system for ensuring national unity and economic development in Russia's eastern regions, which aligns with the key provisions of government policy in this area.

Keywords: transport infrastructure, spatial development, social solidarity, territorial integration, Siberia, the Far East, accessibility of services, migration processes, government policy, logistics, Arctic zone, quality of life

REFERENCES

1. Rasskazov I. YU., Pugachyov I. N., Kryukov V. G. Transport challenges of developing the mineral resources in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Russian Mining Industry=Gornaia promyshlennost*. 2025;(1S):5–13. (In Russ.). DOI 10.30686/1609-9192-2025-1S-05-13.
2. Gorbunov A. A. Transport communications as a subject of political science [Transportny'e kommunikacii kak ob'ekt issledovaniya politicheskoy nauki]. *Authority=Vlast'*. 2008;(9):41–44. (In Russ.).

3. Gorbunov A. A. Governmental policy to develop transportation communications: national and regional aspects [Gosudarstvennaya politika razvitiya transportny'x kommunikacij: obshhenacional'noe i regional'noe izmereniya]. *Authority=Vlast'*. 2008;(7):31–35. (In Russ.).
4. Turaeva M. O. Erformance of Russian freight transport in 2022: some outcomes. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences=Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. 2023;(3):45–63. (In Russ.). DOI [10.52180/2073-6487_2023_3_45_63](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_3_45_63).
5. Bardal A. B. Transport support of the resource industries of the Far East at the present stage. *Power and Administration in the East of Russia=Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2023;(1):8–16. (In Russ.). DOI [10.22394/1818-4049-2023-102-1-8-16](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-8-16).
6. Evlaev A. N. Railway issues in modern Russian political science. *Eurasian Union of Scientists=EvrAzijskij soyuz ucheny'x*. 2015;(9-5):68–70. (In Russ.).
7. Evlaev A. N. Models of government-business cooperation in the development of railway transport in Russia. *Authority=Vlast'*. 2014;(5):55–59. (In Russ.).
8. Bychkova A. A. Monitoring of the spatial development strategy implementation: population migration taking into account transport infrastructure development. *Journal of Wellbeing Technologies=Vektory blagopoluchia: ekonomika i sotsium*. 2023;51(4):101–113. (In Russ.). DOI [10.18799/26584956/2023/4/1657](https://doi.org/10.18799/26584956/2023/4/1657).
9. Zakolyukina E. S. Transport infrastructure as a factor in the territory's spatial development. *Problems of Territory's Development=Problemy razvitiia territorii*. 2023;27(5):79–95. (In Russ.). DOI [10.15838/ptd.2023.5.127.6](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.5.127.6).
10. Proskurnova K. Yu. Tools for assessing regional spatial development. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2024;21(1):121–138. (In Russ.). DOI [10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-121-138](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-121-138).
11. Arens V. Zh., Shumilova L. V. Ways to intensify the uninhabited regions development in the Russian Federation. *Transbaikal State University Journal=Vestnik Zabaiikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;30(2):171–177. (In Russ.). DOI [10.2109/2227-9245-2024-30-2-171-177](https://doi.org/10.2109/2227-9245-2024-30-2-171-177).
12. Medvedeva N. A., Shvartcfeld V. S. Formation and selection of railway network topology options in undergrowned regions. *Journal of Transsib Railway Studies=Izvestiya Transsiba*. 2023;(3):66–73. (In Russ.).
13. The spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036: approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 4146-r dated December 28, 2024. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (accessed: 16.02.2026). (In Russ.).
14. Chernov V. V. The possibility of “new reclamation” of Siberia and the Far East: sociological dimension. *RSUH/RGGU bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art studies=Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvoznanie*. 2011;(3):143–150. (In Russ.).
15. Chernov V. V. The eastern strategy of Russia: a civilizational dimension. *Education and law=Obrazovanie i pravo*. 2017;(6):87–97. (In Russ.).
16. Chernov V. V. Modern Russia: civilizational challenges and humanitarian threats. In: *Methodology of threat prevention in the 21st century. Collection of scientific papers. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvenny'j universitet; 2022. P. 106–110. (In Russ.)*.

17. Durkheim E. On the division of social labor [O razdelenii obshhestvennogo Truda]. Moscow: Kanon; 1996. 432 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88873-036-1.
18. Umnova-Konyuxova I. A., Aleshkova I. A. Social cohesion and social unity as a guarantee of internal and external peace and development of society and the state. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law=Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seria 4: Gosudarstvo i pravo*. 2023;(1):78–88. (In Russ.). DOI [10.31249/iajpravo/2023.06](https://doi.org/10.31249/iajpravo/2023.06).
19. Decree of the President of the Russian Federation No. 645 dated 26 October 2020 “On the strategy for the development of the Arctic Zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period up to 2035”. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (accessed: 16.02.2026). (In Russ.).
20. Stozhko D. K, Stozhko K. P, Shilovtsev A. V., [et al.]. Modern social capital (political, economic and sociophilosophical analysis). *Education and law=Obrazovanie i pravo*. 2023;(12):575–585. (In Russ.). DOI [10.24412/2076-1503-2023-12-575-585](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-12-575-585).

Information about the Author

V. V. Chernov
Candidate of Sociology
Associate Professor

The article was submitted 23.07.2025; approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 03.02.2026.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ К ОСТРОТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ: СРАВНЕНИЕ СТЕПЕНИ ЗНАЧИМОСТИ

Илья Васильевич Дудин

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия
dudiniv99@mail.ru,
ORCID 0000-0002-0025-9958

Для цитирования: Дудин И. В. Объективные факторы отношения населения современной России к остроте социальных противоречий: сравнение степени значимости // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 1. С. 57–80. DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.3. EDN XYPSQF.

Аннотация. Восприятие межгрупповых противоречий определяется как объективным положением индивидов в системе социально-экономических неравенств, так и их субъективными мировоззренческими установками. При этом в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных учёных находятся обычно субъективные факторы, хотя на отношение индивидов к социальным конфликтам способны оказать существенное воздействие и их объективные характеристики. Предикторы отношения россиян к различным противоречиям и их сравнительная значимость изучены недостаточно, что обуславливает актуальность проблематики в условиях кардинальных изменений в стране и мире, а также обострения внешних вызовов для России в последние годы. Исследование направлено на анализ обстоятельств, обусловивших тот факт, что традиционным для массового сознания населения России в последние десятилетия является болезненное восприятие многих межгрупповых противоречий. Выявлена новая тенденция: набор беспокоящих россиян социальных противоречий за последние 20 лет изменился довольно сильно. В статье на данных репрезентативного общероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН 2024 года с использованием регрессионного анализа выявлены наиболее значимые объективные факторы, определяющие ощущение граждан страны, что в российском обществе присутствуют острые межгрупповые противоречия. Установлено в частности, что на болезненность восприятия межгрупповых противоречий действуют прежде всего такие объективные факторы, как проживание в характеризующихся наибольшей глубиной социальных неравенств Москве и Санкт-Петербурге, нисходящая динамика материального положения, а также наличие в повседневной жизни за год перед опросом серьёзных проблем. При этом для работающей части населения страны большое значение имеют также уровень образования, продолжительность рабочей недели и своевременность выплаты заработной платы, а среди неработающих респондентов вероятность болезненного восприятия противоречий (дополнительно к общим для всех россиян факторам) повышена у мужчин и семейных респондентов.

Ключевые слова: социальные противоречия, межгрупповые конфликты, межгрупповые противоречия, консолидация общества, социальная напряжённость, массовое сознание

Введение

Каждое общество обладает своими уникальными особенностями, включая характерные для него социальные противоречия. Однако среди них всегда присутствуют те противоречия, которые воспринимаются людьми острее всего. Это восприятие зависит от многих факторов, которые можно условно разделить на объективные, отражающие реальное место индивида в системе неравенств (уровень дохода или образования, место проживания и т. д.), и субъективные, отражающие его мировоззренческие установки, в том числе и восприятие им своего места в этой системе.

В современной литературе широко распространено мнение, что именно субъективные характеристики способны сильнее всего повлиять на восприятие межгрупповых противоречий и конфликтов. Однако это не значит, что объективные факторы, со своей стороны, не оказывают влияние на оценки россиянами социальных конфликтов. Наоборот, они также имеют большую значимость для формирования отношения к реальности, будучи неразрывно связаны с общей картиной восприятия окружающего мира.

Целью исследования автор выбрал оценку сравнительной значимости различных объективных факторов восприятия россиянами основных межгрупповых противоречий. Исходя из этой цели определены объект, предмет и задачи исследования. Объектом выступает население страны как носитель массового сознания, предметом – объективные факторы восприятия россиянами рассматриваемого противоречия. В ходе анализа данных выполнены следующие задачи: выделены объективные факторы, которые потенциально могут способствовать острому восприятию населением России основных межгрупповых противоречий; осуществлена оценка сравнительной значимости этих факторов методом регрессионного анализа; определены перспективы и характер динамики восприятия населением страны основных межгрупповых противоречий российского социума.

Методологические и методические предпосылки исследования

В настоящее время в научном дискурсе принято считать, что в число факторов, определяющих восприятие межгрупповых противоречий, входят как объективное место граждан в системе социально-экономических неравенств, так и их мировоззренческие особенности, включая отражение этого места в массовом сознании [1; 2]. Одним из ключевых объективных факторов восприятия противоречий поэтому считают обычно доступность каналов социальной мобильности для индивида. Концепция «туннельного эффекта» А. Хиршмана предполагает, что восходящая социальная мобильность повышает терпимость

массовых слоёв населения к любым проявлениям социальных неравенств. Только в таком случае неравенства становятся для населения легитимными [3]. И напротив – нисходящая мобильность, как своя, так и «таких же людей, как они сами», снижает толерантность к межгрупповым неравенствам и, соответственно, противоречиям между различными социальными группами.

Данный тезис находит подтверждение у В. Е. Гимпельсона, который отмечает, что индивиды, успешно использующие «социальные лифты», демонстрируют бóльшую готовность к принятию существующего неравенства, в то время как «спускающиеся» вниз склонны выступать за ограничение неравенства. Острота восприятия социальных неравенств снижается и по мере роста доходов населения, сокращения бедности и расширения каналов мобильности [4]. Е. В. Реутов и его коллеги также выделяют важность расширения каналов социальной мобильности для менее острого восприятия социальных неравенств, при этом акцентируя своё внимание и на таких аспектах, как повышение уровня доходов основной массы населения и снижение уровня бедности [5].

Среди прочих особо значимых объективных факторов восприятия межгрупповых противоречий исследователи выделяют состояние здоровья [6], а также доступ к качественной медицинской помощи и образованию [7]. Так, И. И. Корчагина и Л. М. Прокофьева акцентируют внимание на особой важности этих факторов для восприятия социально-экономических неравенств в России, подчёркивая обострённый запрос на социальную справедливость среди пожилых и малообеспеченных граждан [8]. Ё. Козал и Г. Гюнал в своём исследовании с использованием логистической регрессии также обращали внимание на то, что восприятие неравенств, в особенности экономического характера, тесно связано как с субъективными оценками людьми своего материального благополучия и общей удовлетворённостью их своей жизнью, так и с такими объективными параметрами, как место жительства и уровень образования [9].

При рассмотрении факторов, формирующих восприятие социальных противоречий, стоит обратить внимание и на причины, обуславливающие возникновение социальной напряжённости и её эскалацию в социальные противоречия и конфликты. К их числу В. И. Глотов и его коллеги относят такие экономические факторы, как снижение уровня жизни населения, недостаточный объём социальной поддержки, высокую долговую нагрузку при низкой платёжеспособности и несвоевременную выплату заработной платы [10]. В социально-трудовой области, по их мнению, напряжённость провоцируют высокий уровень криминогенности, распространение социально значимых заболеваний, рост безработицы, обострение трудовых конфликтов и низкий уровень защищённости прав работников. Политические предпосылки возникновения напряжённости включают низкую оценку эффективности деятельности региональных органов власти и идеологическую поляризацию общества. Кроме того, значимым фактором является неблагоприятная экологическая ситуация, проявляющаяся в наличии многочисленных мусорных полигонов, высоком уровне загрязнения атмосферы и водных объектов [10].

Зарубежные исследователи, как и отечественные, обращают внимание на то, что неравенство доходов усугубляет восприятие конфликтов и даже классовую поляризацию. Так, Маркез-Ромо утверждает, что это неравенство усиливает восприятие конфликтов почти во всех социальных группах, причём сильнее всего этот эффект проявляется среди людей, занимающих низкое социально-экономическое положение, а слабее всего и менее устойчив он среди представителей верхнего слоя среднего класса [11]. Хертель и Шёнек продемонстрировали, что граждане стран с большей долей домохозяйств со средним доходом, а также с более высокими показателями ВВП на душу населения и Индекса человеческого развития, реже говорят о наличии в их обществах острых социальных противоречий [12].

В. Рансиман считает, что объективные различия в доходах, образовании, социально-профессиональном статусе и доступе к ресурсам формируют предпосылки относительной депривации, которая, в свою очередь, способствует росту конфликтности и ощущения несправедливости происходящего в обществе [13]. Подобной точки зрения придерживаются также С. Шнайдер [14] и Е. Хаддон [15]. Они показали, что реальные уровни экономического неравенства и характер распределения доходов влияют на субъективные оценки социальной справедливости. При этом люди, находящиеся на более низких социальных позициях по доходу, образованию или классовой принадлежности, склонны воспринимать социальную систему как менее легитимную и более конфликтную.

Тесно связана с перечисленными выше экономическими факторами, усугубляющими восприятие социальных противоречий, и территориальная структура. М. Ву и его коллеги продемонстрировали, что место проживания и во многом обусловленная этим доступность ресурсов влияют на восприятие неравенства и социальных противоречий [16]. В сельских или периферийных регионах выраженность относительной депривации, как правило, выше из-за объективно более низкой доступности инфраструктуры и возможностей развития. Г. Тот и его коллеги показали, что урбанистические и пространственные факторы (жилищная сегрегация, планировка города) влияют на социальную изоляцию и – опосредованно – на восприятие неравенства/противоречий [17].

Вместе с тем влияние объективных характеристик, выступающих в стабильные экономические периоды значимыми детерминантами восприятия неравенств, может нивелироваться в периоды быстрых социальных трансформаций. Согласно Ж. Т. Тощенко, в условиях кризиса и нестабильности такие объективные характеристики, как уровень образования, доходов или квалификации, утрачивают свою силу в массовом сознании, уступая первенство субъективным эмоциональным оценкам происходящих перемен [18].

Существенный вклад в понимание механизмов восприятия социальных противоречий внесли и исследования объективной депривации. С. Т. Кво и его коллеги показали, что объективная депривация (нестабильная занятость, ограниченный доступ к ключевым социальным услугам и т. п.) формирует психологические и поведенческие последствия, сопоставимые по силе с субъективными

ощущениями несправедливости. Это подтверждает взаимодополняемость объективных и субъективных факторов восприятия межгрупповых противоречий [19].

В отечественной литературе обращалось внимание также на то, что отношение населения к проблеме противоречий российского общества влияет на отношение к несправедливости сложившихся в обществе «правил игры» и недоверие к большинству институтов власти. При этом на отношение к разным противоречиям оказывают воздействие разные группы факторов, а у ощущения отсутствия в обществе острых противоречий – свой набор детерминант [20].

Важный вывод из всего вышесказанного заключается в том, что влияние объективного положения индивида на его восприятие социальных противоречий проявляется как напрямую, прежде всего через уровень его доходов, так и опосредованно, через его субъективно воспринимаемый социальный статус, опыт дискриминации или ожидания мобильности. Важную роль при этом играет и групповая принадлежность, находящая отражение в идентичностях человека (классовых, слоевых и т. д.).

В целом анализируемые работы подтверждают также, что восприятие социальных противоречий является результатом не просто сосуществования, а сложного взаимодействия объективных структурных факторов и субъективных оценок. Доход, образование, возраст, место проживания, социальные сети, доступ к ресурсам и возможности мобильности – все эти параметры формируют устойчивые различия в оценках справедливости, конфликтности и легитимности социальной системы, оказывающих, в свою очередь, значимое влияние на восприятие остроты межгрупповых противоречий в обществе. Взятые в совокупности, упомянутые выше исследования дают основание утверждать, что влияние на восприятие социальных противоречий не могут оказать исключительно объективные или субъективные причины – они связаны друг с другом как в материальных условиях жизни индивидов и социальных групп, так и в их мировоззренческих установках. Однако для оценки характера их взаимосвязи и сравнительной значимости в условиях многочисленности этих факторов и ограничений методов регрессионного анализа необходимо сначала выделить как наиболее значимые объективные факторы, так и наиболее значимые субъективные факторы, обуславливающие остроту восприятия межгрупповых противоречий в обществе. В данной статье решалась первая из этих задач, связанная с определением сравнительной значимости для формирования этого восприятия различных объективных факторов.

Методика и результаты применения метода регрессионного анализа для населения в целом

С целью определить сравнительную значимость влияния объективных факторов (в т. ч. объективного материального благополучия) на отношение населения к наличию и остроте социальных противоречий в современном российском обществе использовался метод логистической регрессии. Для отбора показателей был проведён корреляционный анализ взаимосвязей

всех без исключения переменных объективного характера из массива данных Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН¹. Этот анализ основывался на использовании коэффициента корреляции Спирмена. Основой для последующего построения моделей логистической регрессии послужили переменные, показавшие в ходе этого анализа наибольшую значимость связи с утверждениями об отсутствии каких-либо острых межгрупповых противоречий в российском обществе. Именно эти утверждения и послужили зависимой переменной для построенных регрессий. Помимо регрессии использовались таблицы сопряжённости, данные которых позволили установить степень статистической значимости выявленных связей (применялся критерий хи-квадрат).

Отбор переменных для регрессий был направлен на максимальное сокращение в ходе анализа числа включаемых в анализ переменных за счёт выявления наиболее значимых из них. При этом корреляционный анализ позволил исключить мультиколлинеарные переменные, которые могли бы негативно сказаться на качестве построенных моделей, исказив результаты анализа.

Само построение моделей происходило в несколько этапов. Для первой модели были отобраны социально-демографические характеристики, которые являются традиционными основаниями для выделения социальных групп, поэтому она была названа нами «базовой». Именно на её основе были построены все последующие модели, включившие в себя другие объективные переменные. Показатели, вошедшие в базовую модель, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Описание независимых переменных, вошедших в базовую модель регрессионного анализа

Показатель (n = 2000)	Распределение значений
Пол	<ul style="list-style-type: none"> • Мужской – 46,7% (база) • Женский – 53,3%
Наличие занятости	<ul style="list-style-type: none"> • Не работают – 29,5% (база) • Работают – 70,5%
Наличие профессионального образования и его уровень	<ul style="list-style-type: none"> • Без профессионального – 16,5% (база) • Среднее профессиональное или незаконченное высшее – 50,0% • Высшее – 30,4% • Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук – 3,1%

¹ Мониторинг состояния массового сознания россиян реализуется при поддержке Российского научного фонда в рамках нескольких поддержанных РНФ проектов, начиная с 2014 года. 15-я его волна, данные которой используются в статье, проводилась в апреле 2024 г. по общероссийской многоступенчатой квотной выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, а внутри них – по типам поселений, социально-профессиональному статусу (согласно классификации ФСГС РФ), полу и возрасту.

Окончание таб. 1

Показатель (n = 2000)	Распределение значений
Тип населённого пункта	<ul style="list-style-type: none"> • Москва и Санкт-Петербург – 12,6% (база) • Центры субъектов РФ – 27,2% • Прочие города – 29,1% • Сёла и ПГТ – 31,1%
Возраст	• Непрерывная переменная, значения от 18 до 88 лет

Прежде всего стоит отметить, что в этой модели в качестве базовых использовались те факторы, которые в теории сильнее всего влияют на обострённое восприятие противоречий. Так, в научном дискурсе представлены мнения, что не работающие, не имеющие профессионального образования, проживающие в мегаполисах, а также мужчины склонны острее относиться к имеющимся в обществе противоречиям [17, 21]. Далее к базовой модели поочерёдно добавлялись иные объективные факторы, показавшие наибольшую значимость при корреляционном анализе. Список этих переменных представлен в таблице 2.

Таблица 2

Описание независимых переменных объективного характера, вошедших в последующие модели

Показатель	Распределение значений
Изменения в материальном положении за последний год, n = 1922	<ul style="list-style-type: none"> • Ухудшилось – 22,9% (база) • Улучшилось – 77,1%
Сталкивались или не сталкивались за последний год с какими-либо серьёзными проблемами, n = 2000	<ul style="list-style-type: none"> • Сталкивались – 71,8% (база) • Не сталкивались – 28,2%
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп, n = 2000	<ul style="list-style-type: none"> • Есть – 7,4% (база) • Нет – 92,6%
Доходы от собственности, n = 2000	<ul style="list-style-type: none"> • Нет – 96,1% (база) • Есть – 3,9%
Логарифм индивидуального дохода, n = 1881	• Непрерывная переменная

Представленные в таблице 2 дополнительные независимые переменные объективного характера также неоднократно упоминаются в литературе как значимые в связи с проблематикой восприятия межгрупповых противоречий. Так, среди не упомянутых в рамках теоретического обзора научных публикаций представлены в том числе и мнения, что семьи с инвалидами чаще несут дополнительные финансовые затраты (на медикаменты, транспорт, адаптацию жилья). Кроме того, для них характерно снижение дохода из-за ухода, а также ограниченный доступ к социальным службам – это повышает их чувствительность к политике распределения ресурсов, к ресурсам социальных сетей и к дискриминации на рынке труда. Когда базовые потребности и права ставятся под

вопрос, даже абстрактные или мелкие социальные противоречия воспринимаются как угроза личному благополучию [22].

Если говорить о важности доходов от собственности (от сдачи в аренду, от вкладов и т. д.), то стоит обратить внимание на тот факт, что наличие собственности и возможность дохода от неё связаны с более высоким уровнем социального доверия и ощущением автономии. Те, кто обладают собственностью и имеют от неё доход, воспринимают других индивидов менее враждебно и ощущают меньшую зависимость от ресурсов своих социальных сетей или общества в целом, а также реже видят угрозы для себя [23].

Неоднократно отмечалась в литературе, как было показано в теоретическом обзоре, и роль для восприятия межгрупповых противоречий социальных неравенств различного характера, а также таких представленных в таблице 2 характеристик индивидов, как динамика материального положения, уровень доходов, столкновение с серьёзными проблемами в повседневной жизни.

По результатам предварительного корреляционного анализа различных объективных характеристик респондентов и отсутствия у них восприятия каких-либо межгрупповых противоречий было установлено, что некоторые из представленных в таблице 2 факторов продемонстрировали подобную связь – статистически значимую, хотя и слабую. Так, коэффициент корреляции Спирмена составлял для фиксации наличия в российском обществе острых межгрупповых противоречий респондентами и изменений в их материальном положении за последний год $0,155^{**1}$, а для наличия за последний год каких-либо серьёзных проблем – $0,190^{**}$.

В ходе добавления к базовой модели логистической регрессии дополнительных независимых переменных были построены пять промежуточных моделей и одна итоговая, содержащая в себе сразу все рассматриваемые переменные. Результаты по базовой и итоговой моделям представлены в таблице 3, а по промежуточным моделям – в таблице 1 Приложения.

Таблица 3

Результаты построения регрессионных моделей с дополнительными индикаторами

Независимые переменные	Модели	
	Базовая	Итоговая
Пол (база – мужской)	0,141	0,207
Возраст	-0,004	0,007
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>		
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	0,101	0,138
Высшее образование	0,400	0,278

¹ Знак ** у показателей коэффициента корреляции Спирмена означает, что корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Окончание таб. 3

Независимые переменные	Модели	
	Базовая	Итоговая
Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	-0,223	-0,627
Наличие занятости (<i>база – не работающие</i>)	-0,255	-0,121
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>		
Областные, краевые, республиканские центры	0,788**	0,999**
Районные центры и города, не являющиеся районными	0,925***	0,830*
ПГТ и сёла	1,447***	1,493***
Изменения в материальном положении за последний год (<i>база – ухудшилось</i>)	-	1,465***
Сталкивались или не сталкивались за последний год с какими-либо серьёзными проблемами (<i>база – сталкивались с проблемами</i>)	-	0,954***
Логарифм индивидуального дохода	-	-0,188
Доходы от собственности (<i>база – нет таких доходов</i>)	-	-0,232
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (<i>база – есть</i>)	-	0,013

В таблицах приведены значения коэффициентов β при соответствующих независимых переменных, *** – 1-процентный уровень значимости, ** – 5-процентный уровень значимости, * – 10-процентный уровень значимости коэффициентов. Жирным шрифтом здесь и ниже выделены показатели, превышающие 0,700.

Прежде всего, стоит проанализировать результаты по данным базовой модели. Наиболее значимым для восприятия каких-либо противоречий как острых оказался тип поселения, при этом показатели его значимости были очень высокими ($\beta = 1,447$ у жителей сельской местности). Это сопоставимо с выводами М. Ву [16] и демонстрирует, что знаменитое противоречие «между городом и селом» до сих пор имеет огромное значение. Прослеживается и зависимость остроты восприятия противоречий от административного статуса населённого пункта – чем он выше, а следовательно, чем глубже социальные неравенства в силу большей сложности социальной структуры, тем острее его жители склонны воспринимать существующие в российском обществе социальные противоречия.

Данные таблиц сопряжённости подтверждают этот вывод. Так, только 6,3% жителей двух столиц не видят в современной России острых противоречий, в то же время среди проживающих в сёлах и ПГТ этот показатель выше в 3,5 раза – 21,9%. Эти данные соотносятся и с уже отмечавшейся в литературе закономерностью, что для москвичей и петербуржцев характерно более острое восприятие многих межгрупповых противоречий в современной России [24]. Подобные результаты могут отчасти объясняться тем, что Москва и Санкт-Петербург не только отличаются наиболее глубокой социальной дифференциацией, но и представляют повышенный интерес как для мигрантов из других регионов страны, так и для иностранцев, прибывших из стран постсоветского

пространства. В итоге повышается конкуренция на рынке труда, появляется угроза размывания привычного образа жизни, актуализируется необходимость сохранения собственной культуры. Как следствие – повышенная напряжённость и болезненность восприятия социальных противоречий не только экономического, но и социокультурного характера.

В дополнительных объективных переменных, которые были последовательно добавлены в модели 1–5 (табл. 3), особое внимание привлекают две: динамика материального положения (модель 1) и наличие у респондентов серьёзных проблем за год до опроса (модель 2). Оба фактора способствуют более болезненному восприятию окружающей действительности, в том числе и межгрупповых противоречий. Высокая значимость этих переменных сохранилась и в итоговой модели.

Подобные результаты можно наблюдать и в анализе с использованием таблиц сопряжённости. Так, испытавшие положительные изменения в своём материальном положении за последний год примерно в 3,5 раза чаще не видят острых противоречий в российском обществе в сравнении с теми, кто испытал его негативную динамику, – 18,0% против 5,3% соответственно. Ещё больше показатель доли не видящих острых противоречий среди тех, кто не сталкивался за последний год с серьёзными проблемами, – 26,4%.

Отдельно обратим внимание на переменную, отображающую наличие у респондентов высшего образования. При этом стоит отметить парадоксальность полученных результатов: обладатели высшего образования склонны спокойнее воспринимать межгрупповые противоречия. Однако имеющие два высших образования или степень магистра и выше, наоборот, видят противоречия в современном российском обществе заметно чаще респондентов с другими уровнями образования. При этом такие переменные, как возраст, пол и индивидуальный доход не продемонстрировали статистически значимой связи.

Таким образом, построенные модели логистической регрессии показали, что из объективных факторов больше всего на остроту восприятия противоречий влияют тип поселения по месту жительства (причём острее всего воспринимают межгрупповые противоречия жители столичных мегаполисов, а спокойнее всего относятся к ним жители сельской местности), нисходящая динамика материального положения и наличие в жизни респондентов за год перед опросом серьёзных проблем.

Особенности восприятия остроты межгрупповых противоречий работающими и неработающими россиянами

В ходе анализа было обнаружено, что восприятие межгрупповых противоречий сильно различается у работающих и неработающих россиян (несмотря на, казалось бы, невысокие показатели самой переменной «наличие занятости» в вышеописанных моделях регрессии). Поэтому было решено провести дополнительный регрессионный анализ значимости объективных факторов для

остроты восприятия противоречий работающими и неработающими респондентами.

Модели для логистической регрессии по работающим и неработающим россиянам были построены по тому же принципу, что и общие: для базовой модели использовались те же ключевые социально-демографические характеристики респондента и далее к ней поочередно добавлялись различные независимые переменные. Всего было добавлено 8 таких переменных, представленных в таблице 4.

Таблица 4

Описание независимых переменных, вошедших в модели регрессии по работающим респондентам

Показатель	Распределение значений
Профессиональный статус, $n = 2000$	Рабочие до 4-го разряда включительно – 21,5% (база)
	Рабочие от 5-го разряда и выше – 14,1%
	Работники сферы торговли и бытового обслуживания – 15,0%
	Специалисты на должностях, не предполагающих высшее образование, – 15,2%
	Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, – 24,3%
	Руководители разных уровней – 5,1%
	Предприниматели и самозанятые – 4,8%
Тип собственности предприятия, $n = 1409$	Негосударственное – 60,7% (база) Государственное – 39,3%
Обеспечение работодателем своевременной выплаты заработной платы, $n = 1409$	Не обеспечивает – 4,2% (база) Обеспечивает – 95,8%
Обеспечение работодателем «белой» зарплаты, $n = 1409$	Не обеспечивает – 37,1% (база) Обеспечивает – 62,9%
Обеспечение работодателем оплаты отпуска и больничного листа в предусмотренных российским законодательством размерах, $n = 1409$	Не обеспечивает – 33,6% (база) Обеспечивает – 66,4%
Оформление отношений с работодателем, $n = 1409$	Не на официальной и/или на непостоянной основе – 20,5% (база) На официальной постоянной основе – 79,5%
Продолжительность рабочей недели, $n = 1368$	От 45 часов – 43,0% (база) До 45 часов включительно – 57,0%
Логарифм индивидуального дохода	Непрерывная переменная

На значимость представленных в таблице 4 переменных уже обращалось внимание при теоретическом анализе проблемы восприятия межгрупповых

противоречий. Однако помимо упомянутого в нём соблюдения базовых трудовых прав работников, внимания заслуживает и фактор, связанный с продолжительностью рабочей недели. Исследование китайских учёных показало, что сверхурочная работа также существенно связана со снижением субъективного восприятия своего социального статуса и чувством социальной исключённости. Переработки усиливают ощущение эксплуатации и несправедливости происходящего, что в итоге уменьшает чувство принадлежности к сообществу в целом или социальной группе и, как следствие, способно повысить болезненность восприятия имеющихся в обществе социальных конфликтов [25]. Нельзя забывать и о роли социальных идентичностей – чем сильнее групповая идентичность и чем теснее она связана с «угнетённой» или «властной» позицией, тем острее индивид воспринимает межгрупповые противоречия и угрозы [26]. Также стоит упомянуть, что сотрудники государственного сектора чаще склонны демонстрировать выраженные ценности самоотдачи, ориентации на социальное благо и конформизма по сравнению с работниками частного сектора [27], что снижает остроту переживания ими межгрупповых конфликтов.

Отметим, что в переменной «продолжительность рабочей недели» использовано значение в 45 часов, т. к. это медианное и среднее значение по массиву. При этом на этапе построения итоговой модели ко всем вышеописанным переменным, включённым в регрессионный анализ по работающим, были добавлены сразу все переменные из таблицы 2. Результаты построения базовой и итоговой моделей по работающим респондентам представлены в таблице 5, по промежуточным моделям – в таблице 2 Приложения.

Таблица 5

Результаты построения регрессионных моделей по работающим респондентам

Независимые переменные	Модели	
	Базовая	Итоговая
Пол (база – мужской)	-0,069	-0,236
Возраст	-0,001	0,001
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>		
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	0,375	0,139
Высшее образование	0,843**	0,707
Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	-0,332	-1,209
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>		
Областные, краевые, республиканские центры	0,547	0,927
Районные центры и города, не являющиеся районными	0,708	0,757
ПГТ и сёла	1,199***	1,450***
Продолжительность рабочей недели – до 45 часов включительно и более 45 часов (база – от 45 часов)	-	0,661***

Окончание таб. 5

Независимые переменные	Модели	
	Базовая	Итоговая
Тип собственности предприятия – государственное или негосударственное (база – негосударственное)	-	-0,114
Логарифм индивидуального дохода	-	-0,125
<i>Профессиональный статус (база – рабочие до 4-го разряда включительно)</i>		
Предприниматели и самозанятые	-	0,104
Руководители разных уровней	-	-0,299
Специалисты на должностях с высшим образованием	-	0,016
Специалисты на должностях без высшего образования	-	0,449
Работники сферы торговли и бытового обслуживания	-	0,581
Рабочие от 5-го разряда и выше	-	0,387
Обеспечение работодателем своевременной выплаты заработной платы (база – нет)	-	1,200
Обеспечение работодателем «белой» зарплаты (база – нет)	-	0,441
Обеспечение работодателем оплаты отпуска и больничного листа в предусмотренных российским законодательством размерах (база – нет)	-	0,151
Оформление отношений с работодателем (база – не на официальной постоянной основе)	-	-0,722
Изменения в материальном положении за последний год (база – ухудшилось)	-	1,324***
Наличие за последний год каких-либо серьёзных проблем (база – сталкивались с проблемами)	-	0,907***
Доходы от собственности (база – нет таких доходов)	-	0,431
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (база – есть)	-	0,050

Как видим, и в базовой, и во всех последующих моделях, построенных для работающей части респондентов, жители двух столиц, на фоне характерных для Москвы и Санкт-Петербурга глубочайших социальных неравенств и больших миграционных потоков, склонны воспринимать противоречия в целом болезненнее жителей других типов поселений. То же касается и двух других наиболее значимых переменных в проведённом анализе – изменений в материальном положении и наличия каких-либо серьёзных проблем за последний год, что в очередной раз подтверждает их стабильно высокое влияние на восприятие остроты противоречий в российском обществе.

Однако итоговый анализ восприятия остроты межгрупповых противоречий работающими россиянами позволил сделать новые выводы. Так, «позитивный» характер наличия у респондента высшего образования для смягчения восприятия остроты межгрупповых противоречий у работающих даже усилился, причём такое изменение прослеживается во всех моделях. При этом наличие двух высших образований или степени магистра и выше вновь продемонстрировало

свою негативную роль в плане более острого восприятия социальных противоречий. Подтверждение этого факта нашлось и в данных таблицах сопряжённости. Если имеющие одно высшее образование не видят острых противоречий чаще, чем россияне в среднем (19,3% против 15,5%), то респонденты, имеющие два высших образования или степень магистра и выше, наоборот, воспринимают противоречия намного острее остальных – лишь 5,8% респондентов в этой группе вообще не видят острых противоречий в российском обществе. Пол, возраст и индивидуальный доход оказались для работающих россиян, как и для россиян в целом, не значимы. Малозначимыми оказались и показатели типа собственности предприятия, на котором работает респондент, а также его профессиональный статус. Стоит отметить лишь высокую относительно других профессиональных групп склонность к более спокойному восприятию противоречий у специалистов на должностях без высшего образования и у высококвалифицированных рабочих (от пятого разряда и выше).

Ещё одним показателем с достаточно высокой степенью значимости оказалось обеспечение работодателем респондента своевременной выплатой заработной платы. Добросовестное соблюдение этого трудового права заметно понижает градус остроты восприятия противоречий в российском обществе. Однако такие результаты прослеживаются только в итоговой модели.

На восприятие работающей частью населения острых социальных противоречий заметно влияет и продолжительность их рабочей недели. Респонденты, у которых этот показатель ниже среднего по массиву (18,1%), относятся к наличию противоречий в российском обществе куда спокойнее тех, у кого это значение выше среднего (10,4%). Это соотносится с полученными ранее выводами о роли баланса труда и отдыха как одного из важнейших факторов, влияющих на восприятие россиянами всего комплекса проблем, связанных с межгрупповыми противоречиями в обществе и собственным социальным благополучием [28], а также с уже упоминавшимися выводами, полученными китайскими учёными [25].

Среди других результатов анализа по таблицам сопряжённости стоит выделить также высокую значимость для работающих такого фактора восприятия остроты противоречий, как наличие в семье инвалидов 1-й и 2-й групп. Так, те работающие, у кого есть подобные члены семьи, видят острые противоречия в российском социуме в 1,5 раза чаще тех, у кого их нет.

Подводя итоги анализа восприятия межгрупповых противоречий в российском обществе работающими россиянами, можно сделать вывод о том, что их взгляды воспроизводят характерную для страны в целом картину. Однако есть и отличия – для них большее значение в формировании оценок имеют уровень образования, а также условия занятости, прежде всего продолжительность рабочей недели и своевременность выплаты заработной платы.

Есть ли свои особенности восприятия остроты противоречий в российском обществе у неработающей части населения? С целью получения ответа на этот вопрос для данной группы респондентов ($n = 589$) были построены отдельные

модели логистической регрессии. В базовую модель вошли всё те же социально-демографические характеристики, к которым в итоговой модели были добавлены дополнительные объективные переменные из общего регрессионного анализа. Уникальной для неработающих была только одна переменная – семейное положение, в которой базовой категорией послужили вдовы или разведённые (34,2%). Результаты построения моделей регрессии по неработающим представлены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты построения регрессионных моделей по неработающим респондентам

Независимые переменные	Модели		
	Базовая	1	Итоговая
Пол (база – мужской)	0,748*	0,684	0,813
Возраст	-0,005	-0,008	-0,007
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>			
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	-0,199	-0,187	-0,156
Высшее образование	-0,324	-0,316	-0,026
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>			
Областные, краевые, республиканские центры	1,537	1,529	1,913
Районные центры и города, не являющиеся районными	1,705*	1,703*	1,788
ПГТ и сёла	2,289***	2,302***	2,565***
Семейное положение (вдовы или разведённые и остальные) (база – вдовы или разведённые)	-	-0,215	-0,542
Изменения в материальном положении за последний год – осталось прежним или улучшилось (база – ухудшилось)	-	-	1,768***
Наличие за последний год каких-либо серьёзных проблем (база – сталкивались с проблемами)	-	-	1,135***
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (база – есть)	-	-	-0,325
Логарифм индивидуального дохода	-	-	-0,047

Как видно из данных таблицы 6, тип поселения по месту жительства является одной из наиболее значимых переменных для восприятия остроты противоречий и среди неработающих россиян. При этом проживание в ПГТ и сёлах ещё сильнее влияет на более спокойное восприятие противоречий, чем в среднем по стране.

Отдельно стоит отметить поменявший свою направленность, в сравнении с ситуацией среди работающих граждан, вектор влияния уровня высшего образования на остроту восприятия противоречий. Среди неработающих наличие

поствысшего образования, наоборот, понижает градус болезненности восприятия противоречий ($\beta = 1,291$ в итоговой модели), в то время как наличие просто высшего образования, его повышает. Смена вектора влияния касается и показателя доходов от собственности, который также продемонстрировал для данной группы высокую значимость, однако уже с негативной направленностью (-1,119).

Семейное положение неработающих как фактор восприятия остроты межгрупповых противоречий не явилось значимым фактором. Зато важным фактором стала значимость не проявившей себя в других линиях анализа переменной, характеризующей пол респондентов. Как оказалось, неработающие женщины намного спокойнее воспринимают межгрупповые противоречия российского общества, нежели неработающие мужчины (19,7% женщин против 11,8% мужчин не видят таких противоречий).

В заключение отметим, что для неработающих, как и для работающих россиян особо значимыми в формировании оценок восприятия остроты противоречий является динамика их материального положения за последний год, а также наличие серьёзных проблем, с которыми они столкнулись за последний год перед опросом.

Выводы

Многие межгрупповые противоречия российского общества по-прежнему воспринимаются гражданами страны особо остро. При этом причины такого отношения неоднородны и зачастую далеко не очевидны. Однако в последние годы можно наблюдать признаки трансформации сознания российского общества в условиях кардинальных изменений в стране и мире, сочетания в нём как традиционных, так и инновационных компонентов в восприятии межгрупповых противоречий. Это восприятие характеризуется пусть и медленным, но всё же ростом спокойного отношения к ним среди россиян: вдвое выросло за последние 20 лет число тех, кто не видит острых противоречий в нашем социуме.

Результаты исследования позволяют заключить, что, несмотря на несомненную значимость субъективных факторов для формирования оценок россиянами остроты межгрупповых противоречий, многие объективные факторы повседневной жизни респондентов значимо влияют на восприятие остроты ключевых социальных противоречий. Можно выделить три основных объективных фактора, повышающих болезненность восприятия межгрупповых противоречий среди россиян. Во-первых, проживание в Москве и Санкт-Петербурге – с характерными для них глубокими социальными неравенствами: не видят острых противоречий в них только 6,3% опрошенных. Во-вторых, это нисходящая динамика материального положения, свидетельствующая о недавнем ухудшении условий жизни человека. В-третьих, наличие у респондентов серьёзных проблем за последний год перед опросом, которые также вынуждают индивида болезненнее воспринимать всю окружающую действительность, в том числе и межгрупповые противоречия.

Основные факторы остроты восприятия межгрупповых противоречий в российском обществе имеют для работающей и неработающей части населения не только общие, но и уникальные составляющие. Для работающих россиян уникальными значимыми предикторами выступают уровень образования и продолжительность рабочей недели. В свою очередь, только для неработающей части населения важным фактором является гендерная принадлежность.

В целом проведённый анализ подтвердил, что на остроту восприятия межгрупповых противоречий влияют многие факторы, о роли которых в этой связи говорили как отечественные, так и зарубежные учёные. В их числе нисходящая социальная мобильность, место жительства, пол и переработки. Однако результаты исследования показали также, что в отношении к противоречиям есть у россиян и не фиксирувавшаяся ранее специфика, проявляющаяся в том, что сам по себе уровень доходов в отрыве от субъективного его восприятия не повышает уровень болезненности восприятия межгрупповых противоречий. Это же касается и наличия/отсутствия доходов от собственности. Стоит также отметить и выявленную значимость среди неработающих семейного положения и гендера при формировании их восприятия остроты межгрупповых противоречий в современном российском обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин [и др.] ; под ред. Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 424 с. ISBN 978-5-7777-0873-1. DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731). EDN XJGBFE.
2. Тихонова Н. Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 6–30. DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30). EDN OXRIAV.
3. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development // The quarterly journal of economics. 1973. Vol. 87, № 4. P. 544–566.
4. Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18, № 2. С. 216–248. EDN SKFTQB.
5. Реутов Е. В., Захаров В. М., Реутова М. Н. Социальное неравенство в российском обществе: характер и особенности восприятия // Власть. 2018. Т. 26, № 6. С. 28–34. DOI [10.31171/vlast.v26i6.5885](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5885). EDN VBFZSI.
6. Easterlin R. A. How Does Health Affect Happiness? // An Economist's Lessons on Happiness. Cham : Springer, 2021. P. 33–39. DOI [10.1007/978-3-030-61962-6_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-61962-6_4).
7. Слободенюк Е. Д., Мареева С. В., Каравай А. В. Представления о неравенстве как фактор инвестиций в человеческий капитал: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 29–41. DOI [10.31857/S013216250024234-0](https://doi.org/10.31857/S013216250024234-0). EDN EZZMVN.
8. Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 4. С. 4–21. DOI [10.17323/demreview.v9i4.16742](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742). EDN DOBOJS.

9. Erdölek Kozal Ö., Gürel Günal G. Kicking away the ladder or not? Unraveling income inequality perceptions in the world // *Ege academic review*. 2023. Vol. 23, № 4. P. 709–726. DOI [10.21121/eab.1355923](https://doi.org/10.21121/eab.1355923).
10. Глотов В. И., Бахтизин А. Р., Волкова М. И. Социальная напряжённость в субъектах Российской Федерации. Анализ причин и последствий // *Федерализм*. 2019. № 4 (96). С. 142–160. DOI [10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-142-160](https://doi.org/10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-142-160). EDN **ACDRZU**.
11. Márquez Romo C., Bienstman S., Gangl M. Increasingly polarized? Inequality, prosperity, and perceived socioeconomic conflict in advanced economies (1987–2019) // *European Sociological Review*. 2025. P. 1–18. DOI [10.1093/esr/jcaf052](https://doi.org/10.1093/esr/jcaf052). EDN **FVKRNM**.
12. Hertel F., Schöneck N. Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs // *Acta Sociologica*. 2019. P. 1–19. DOI [10.1177/0001699319847515](https://doi.org/10.1177/0001699319847515).
13. Runciman W. G. *Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century England*. London; New York : Routledge, 1966. 374 p.
14. Schneider S. M. Why income inequality is dissatisfying – perceptions of social status and the inequality-satisfaction link in Europe // *European Sociological Review*. 2019. Vol. 35, № 3. P. 409–430. DOI [10.1093/esr/jcz003](https://doi.org/10.1093/esr/jcz003). EDN **MAFUDN**.
15. Haddon E., Wu C. How Does Actual Inequality Shape People’s Perceptions of Inequality? A Class Perspective // *Sociological Perspectives*. 2021. Vol. 65. P. 1–23. DOI [10.1177/07311214211062106](https://doi.org/10.1177/07311214211062106).
16. Wu M., Yan Ya, Kong D. The Impact of Social Environment Perception on Relative Deprivation among Residents in Rural Tourism Destinations // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, № 20. P. 8937. DOI [10.3390/su16208937](https://doi.org/10.3390/su16208937). EDN **RHICGB**.
17. Inequality is rising where social network segregation interacts with urban topology / G. Tóth, J. Wachs, R. Di Clemente [et al.] // *Nature Communications*. 2021. Vol. 12, № 1. P. 11–43. DOI [10.1038/s41467-021-21465-0](https://doi.org/10.1038/s41467-021-21465-0). EDN **NWNXHI**.
18. Тощенко Ж. Т. Раскол общественного сознания – угроза преобразованию России // *Вестник ТюмГУ*. 2009. № 4. С. 4–19. EDN **KYDRDN**.
19. Associations of objective and subjective relative deprivation with health, happiness, and life satisfaction / Ch. T. Kuo, D. R. Chen, P. Sh. Liao, I. Kawachi // *SSM. Population Health*. 2024. Vol. 28. P. 101727. DOI [10.1016/j.ssmph.2024.101727](https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101727). EDN **RWCAXE**.
20. Тихонова Н. Е., Дудин И. В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы // *Социологическая наука и социальная практика*. 2023. Т. 11, № 2. С. 6–24. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1). EDN **HGVOFG**.
21. Male warriors and worried women? Understanding gender and perceptions of security threats / D. Stevens, S. Bulmer, S. Banducci, N. Vaughan-Williams // *European Journal of International Security*. 2021. Vol. 6, № 1. P. 44–65. DOI [10.1017/eis.2020.14](https://doi.org/10.1017/eis.2020.14). EDN **FZCDQH**.
22. Sarkar R., Parween S. Disability and Exclusion: Social, Education and Employment Perspectives // *Bhutan Journal of Research and Development*. 2021. Vol. 10, № 2. P. 29–47. DOI [10.17102/bjrd.rub.10.2.003](https://doi.org/10.17102/bjrd.rub.10.2.003). EDN **VTIHRH**.
23. Han S. Homeownership, Income and Social Trust: Exploring Dynamics Between Homeownership, Income, and Individuals’ Perceptions of Autonomy and Social Trust in South Korea // *Social Indicators Research*. 2024. Vol. 176. P. 569–591. DOI [10.1007/s11205-024-03481-x](https://doi.org/10.1007/s11205-024-03481-x). EDN **ZFXUOB**.
24. Дудин И. В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы // *Социологический журнал*. 2024. Т. 30, № 1. С. 90–112. DOI [10.19181/socjour.2024.30.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.5). EDN **GTQHVY**.

25. *Chen Y., Li P., Yang C.* Examining the Effects of Overtime Work on Subjective Social Status and Social Inclusion in the Chinese Context // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17, № 9. P. 3265. DOI [10.3390/ijerph17093265](https://doi.org/10.3390/ijerph17093265). EDN NEMQKI.
26. *Tajfel H., Turner J.* An integrative theory of intergroup conflict // Intergroup relations: Essential readings / Eds. M. A. Hogg, D. Abrams. New York, NY : Psychology Press, 2021. P. 94–109.
27. *Bilgram M. F., Hansen J. R., Wulff J. N.* Public and private differences in employees' values: a cross-country investigation of Schwartz's basic human values theory // International Public Management Journal. 2023. Vol. 26, № 6. P. 807–828. DOI [10.1080/10967494.2023.2195212](https://doi.org/10.1080/10967494.2023.2195212). EDN HGQDTE.
28. *Дудин И. В.* Основные факторы острого восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными в 2024 г. // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 45–66. DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.3). EDN KOBQGD.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Результаты построения промежуточных регрессионных моделей
для населения в целом

Независимые переменные	Модели				
	1	2	3	4	5
Пол (база – мужской)	0,121	0,212	0,209	0,141	0,144
Возраст	-0,001	-0,001	-0,005	-0,004	-0,004
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>					
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	0,024	0,080	0,172	0,101	0,092
Высшее образование	0,263	0,313	0,415	0,399	0,377
Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	-0,787	-0,327	-0,373	-0,226	-0,255
Наличие занятости (база – не работающие)	-0,331	-0,183	-0,342	-0,255	-0,264
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>					
Областные, краевые, республиканские центры	1,031***	0,826**	0,918**	0,789**	0,784**
Районные центры и города, не являющиеся районными	1,084***	0,875**	0,934**	0,925***	0,916***
ПГТ и сёла	1,557***	1,378***	1,629***	1,448***	1,438***
Изменения в материальном положении за последний год (база – ухудшилось)	1,489***	-	-	-	-

Окончание таб. 1

Независимые переменные	Модели				
	1	2	3	4	5
Сталкивались или не сталкивались за последний год с какими-либо серьёзными проблемами (база – сталкивались с проблемами)	-	1,013***	-	-	-
Логарифм индивидуального дохода	-	-	0,151	-	-
Доходы от собственности (база – нет таких доходов)	-	-	-	0,044	-
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (база – есть)	-	-	-	-	0,306

Таблица 2

Результаты построения промежуточных регрессионных моделей по работающему населению

Независимые переменные	Модели					
	1	2	3	4	5	6
Пол (база – мужской)	-0,156	-0,074	-0,017	-0,161	-0,075	-0,070
Возраст	-0,004	-0,002	-0,003	-0,001	-0,001	-0,001
<i>Наличие профессионального образования (база – нет такого образования)</i>						
Среднее профессиональное образование или незаконченное высшее	0,425	0,374	0,398	0,318	0,339	0,380
Высшее образование	0,888***	0,830**	0,801**	0,910	0,766**	0,850**
Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	-0,651	-0,349	-0,681	-0,122	-0,425	-0,323
<i>Тип поселения по месту жительства (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>						
Областные, краевые, республиканские центры	0,877	0,557	0,761	0,544	0,534	0,550
Районные центры и города, не являющиеся районными	1,014*	0,713	0,795	0,685	0,667	0,711
ПГТ и сёла	1,518***	1,209***	1,401***	1,201***	1,231***	1,200***
Продолжительность рабочей недели – до 45 часов включительно и более 45 часов (база – от 45 часов)	0,678***	-	-	-	-	-
Тип собственности предприятия – государственное или негосударственное (база – негосударственное)	-	0,045	-	-	-	-
Логарифм индивидуального дохода	-	-	0,081	-	-	-

Окончание таб. 2

Независимые переменные	Модели					
	1	2	3	4	5	6
<i>Профессиональный статус (база – рабочие до 4-го разряда включительно)</i>						
Предприниматели и самозанятые	-	-	-	0,095	-	-
Руководители разных уровней	-	-	-	-0,395	-	-
Специалисты на должностях с высшим образованием	-	-	-	0,181	-	-
Специалисты на должностях без высшего образования	-	-	-	0,444	-	-
Работники сферы торговли и бытового обслуживания	-	-	-	0,449	-	-
Рабочие от 5-го разряда и выше	-	-	-	0,255	-	-
Обеспечивает ли работодатель своевременную выплату заработной платы (база – нет)	-	-	-	-	0,140	-
Обеспечивает ли работодатель «белую» зарплату (база – нет)	-	-	-	-	0,434	-
Обеспечивает ли работодатель оплату отпуска и больничного листа в предусмотренных российским законодательством размерах (база – нет)	-	-	-	-	-0,071	-
Как оформлены отношения с работодателем (база – не на официальной постоянной основе)	-	-	-	-	-	-0,030
Изменения в материальном положении за последний год (база – ухудшилось)	-	-	-	-	-	-
Сталкивались или не сталкивались за последний год с какими-либо серьёзными проблемами (база – сталкивались с проблемами)	-	-	-	-	-	-
Доходы от собственности (база – нет таких доходов)	-	-	-	-	-	-
В семье есть инвалиды / нет инвалидов 1-й и 2-й групп (база – есть)	-	-	-	-	-	-

Сведения об авторе

И. В. Дудин

младший научный сотрудник

SPIN-код: 3798-0076

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 24.02.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.3)

OBJECTIVE FACTORS IN THE ATTITUDES OF THE MODERN RUSSIA POPULATION TOWARDS THE ACUTENESS OF SOCIAL CONTRADICTIONS: A COMPARISON OF SIGNIFICANCE DEGREE

Il'ya Vasil'evich Dudin

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

dudiniv99@mail.ru,

ORCID [0000-0002-0025-9958](https://orcid.org/0000-0002-0025-9958)

For citation: Dudin I. V. Objective factors in the attitudes of the modern Russia population towards the acuteness of social contradictions: a comparison of significance degree. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(1):57–80. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.1.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.3).

Abstract. The perception of intergroup conflicts is determined both by the objective position of individuals in the system of socio-economic inequalities and by their subjective worldview attitudes. At the same time, both domestic and foreign scholars usually focus on subjective factors that influence the perception of intergroup conflicts. However, objective characteristics can also have a significant impact on individuals' attitudes toward social conflicts. The reasons for their influence on Russians' attitudes toward various conflicts are far from simple, and their comparative significance is far from obvious. Given the role of this issue in the context of radical changes in the country and the world, as well as the intensification of external challenges for Russia in recent years, it is particularly important to understand why, as shown in the article, the painful perception of many intergroup conflicts has been traditional for public consciousness in Russia in recent decades. A new trend, however, is that the set of social contradictions that have been troubling Russians over the past 20 years has changed quite significantly. Based on data from a representative nationwide study conducted by the IS FCTAS RAS in 2024, this article uses regression analysis to show which factors currently have the strongest influence on the perception of Russian citizens that there are acute intergroup conflicts in Russian society. In particular, it has been demonstrated that the painful perception of intergroup conflicts is primarily influenced by such objective factors as living in Moscow and St. Petersburg, which are characterized by the deepest social inequalities, a downward trend in material well-being, and the presence of serious problems in their lives in the year preceding the survey. At the same time, for the working part of the country's population, the level of education, the length of the working week, and the timeliness of wage payments are also of great importance, while among the unemployed, the likelihood of a painful perception of conflicts (in addition to the factors common to all Russians) is increased by being male and having a family.

Keywords: social contradictions, intergroup conflicts, intergroup contradictions, social consolidation, social tension, mass consciousness

REFERENCES

1. Tikhonova N. E., Mareeva S. V., Anikin V. A. et al. Society of unequal opportunities: social structure of modern Russia. N. E. Tikhonova, ed. Moscow: Ves' Mir; 2022. 424 p. (In Russ.). DOI [10.55604/9785777708731](https://doi.org/10.55604/9785777708731).
2. Tikhonova N. E. The worldviews and identities of the mass strata of modern Russian society. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology=Mir Rossii. Sociologiya. E'tnologiya*. 2020;29(1):6–30. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30).
3. Hirschman A., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development. *The quarterly journal of economics*. 1973;87(4):544–566.
4. Gimpelson V. E., Monusova G. A. Perception of inequality and social mobility. *Higher School of Economics Economic Journal=Ekonomicheskii zhurnal VShE*. 2014;18(2):216–248. (In Russ.).
5. Reutov E. V., Zakharov V. M., Reutova M. N. Social inequality in the Russian society: character and features of perception. *Authority=Vlast'*. 2018;26(6):28–34. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v26i6.5885](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i6.5885).
6. Easterlin R. A. How does health affect happiness? In: An economist's lessons on Happiness. Cham: Springer; 2021. P. 33–39. DOI [10.1007/978-3-030-61962-6_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-61962-6_4).
7. Slobodenyk E. D., Mareeva S. V., Karavay A. V. Perceptions of inequality as a factor of investments in human capital (an empirical analysis). *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(6):29–41. (In Russ.).
8. Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Subjective perception of social inequality – the population opinion about social justice. *Demographic Review=Demograficheskoye obozreniye*. 2022;9(4):4–21. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v9i4.16742](https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742).
9. Erdölek Kozal Ö., Gürel Günel G. Kicking away the ladder or not? Unraveling income inequality perceptions in the world. *Ege academic review*. 2023;23(4):709–726. DOI [10.21121/eab.1355923](https://doi.org/10.21121/eab.1355923).
10. Glotov V. I., Bakhtizin A. R., Volkova M. I. Social tension in Russian regions. Analysis of causes and consequences. *Federalism=Federalizm*. 2019;4(96):142–160. (In Russ.). DOI [10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-142-160](https://doi.org/10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-142-160).
11. Márquez Romo C., Bienstman S., Gangl M. Increasingly polarized? Inequality, prosperity, and perceived socioeconomic conflict in advanced economies (1987–2019). *European Sociological Review*. 2025:1–18. DOI [10.1093/esr/jcaf052](https://doi.org/10.1093/esr/jcaf052).
12. Hertel F., Schöneck N. Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*. 2019:1–19. DOI [10.1177/0001699319847515](https://doi.org/10.1177/0001699319847515).
13. Runciman W. G. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth-century England. London; New York: Routledge; 1966. 374 p.
14. Schneider S. M. Why income inequality is dissatisfying – perceptions of social status and the inequality-satisfaction link in Europe. *European Sociological Review*. 2019;35(3):409–430. DOI [10.1093/esr/jcz003](https://doi.org/10.1093/esr/jcz003).
15. Haddon E., Wu C. How does actual inequality shape people's perceptions of inequality? A class perspective. *Sociological Perspectives*. 2021;(65):1–23. DOI [10.1177/07311214211062106](https://doi.org/10.1177/07311214211062106).
16. Wu M., Yan Y., Kong D. The impact of social environment perception on relative deprivation among residents in rural tourism destinations. *Sustainability*. 2024;16(20):8937. DOI [10.3390/su16208937](https://doi.org/10.3390/su16208937).
17. Tóth G., Wachs J., Clemente R. Di., [et al.]. Inequality is rising where social network segregation interacts with urban topology. *Nature Communications*. 2021;12(1):11–43. DOI [10.1038/s41467-021-21465-0](https://doi.org/10.1038/s41467-021-21465-0).

18. Toschenko Zh. T. The split of public consciousness as a threat to Russia's transformation. *Herald of Tyumen State University=Vestnik of Tyumen State University*. 2009;(4):4–19. (In Russ.).
19. Kuo Ch. T, Chen D. R, Liao P. S, Kawachi I. Associations of objective and subjective relative deprivation with health, happiness, and life satisfaction. *SSM. Population Health*. 2024;(28):101727. DOI [10.1016/j.ssmph.2024.101727](https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101727).
20. Tikhonova N. E., Dudin I. V. The main contradictions of the Russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):6–24. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.1).
21. Stevens D., Bulmer S., Banducci S., Vaughan-Williams N. Male warriors and worried women? Understanding gender and perceptions of security threats. *European Journal of International Security*. 2021; 6(1):44–65. DOI [10.1017/eis.2020.14](https://doi.org/10.1017/eis.2020.14).
22. Sarkar R., Parween S. Disability and exclusion: social, education and employment perspectives. *Bhutan Journal of Research and Development*. 2021;10(2):29–47. DOI [10.17102/bjrd.rub.10.2.003](https://doi.org/10.17102/bjrd.rub.10.2.003).
23. Han S. Homeownership, income and social trust: exploring dynamics between homeownership, income, and individuals' perceptions of autonomy and social trust in South Korea. *Social Indicators Research*. 2024;(176):569–591. DOI [10.1007/s11205-024-03481-x](https://doi.org/10.1007/s11205-024-03481-x).
24. Dudin I. V. The nation's attitude towards the main social contradictions in Russian society: current state, dynamics, factors. *Sociological Journal=Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2024;30(1):90–112. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2024.30.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.5).
25. Chen Y., Li P., Yang C. Examining the effects of overtime work on subjective social status and social inclusion in the Chinese context. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(9):3265. DOI [10.3390/ijerph17093265](https://doi.org/10.3390/ijerph17093265).
26. Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict. In: M. A. Hogg & D. Abrams, eds. *Intergroup relations: essential readings*. New York: Psychology Press; 2021. P. 94–109.
27. Bilgram M. F., Hansen J. R., Wulff J. N. Public and private differences in employees' values: a cross-country investigation of Schwartz's basic human values theory. *International Public Management Journal*. 2023;26(6):807–828. DOI [10.1080/10967494.2023.2195212](https://doi.org/10.1080/10967494.2023.2195212).
28. Dudin I. V. Key factors of Russians' acute perception of the contradiction between rich and poor in 2024. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):45–66. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.3).

Information about the Author

I. V. Dudin

junior researcher

ResearcherID: [GWV-2162-2022](https://orcid.org/0009-0001-9000-2162)

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 24.02.2026.

УДК 316.64
DOI: 10.19181/snsp.2026.14.1.4
EDN: QMOAKF

Научная статья

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ЭВТАНАЗИИ: ОСОБЕННОСТИ, ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ

Наталья Евгеньевна Тихонова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

Для цитирования: Тихонова Н. Е. Отношение россиян к эвтаназии: особенности, динамика и факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 14, № 1. С. 81–107. DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.4. EDN QMOAKF.

Аннотация. Учитывая актуализацию проблемы эвтаназии в мире в условиях нарастания тяжёлых раковых и генетических заболеваний, на данных Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН 2024 г. и World Values Survey (2006 и 2017–2022 гг.) в статье показано, что в своём отношении к эвтаназии россияне делятся на две практически равные группы. Каждая из них имеет своё ядро и периферию, члены которой занимают колеблющуюся или промежуточную между ядрами этих групп позицию. Столь неоднозначная ситуация не является чем-то уникальным – в общемировом контексте Россия занимает в отношении её населения к эвтаназии промежуточное положение между странами «коллективного Запада» и «мирового большинства», постепенно сближаясь с последними. При этом восприятие россиянами эвтаназии представляет собой не изолированный компонент их мировоззрения, а тесно связано с другими его «блоками». Даже принадлежность к тем или иным возрастным или религиозным группам важна не сама по себе, а прежде всего через её влияние на формирование определённых систем мировоззрения. Ключевым с точки зрения сравнительной значимости влияющих на восприятие эвтаназии мировоззренческих факторов является отношение к жизни как к ценности. Тесно связано это отношение также с установками на соблюдение требований закона и моральных норм – как и отрицание ценности жизни, морально-правовой релятивизм повышает толерантность к эвтаназии. Ещё одним важным фактором, влияющим на отношение к ней россиян, выступает степень интегрированности человека в социум, проявляющаяся через характер его идентичностей и характерный для него уровень межличностного и институционального доверия. Чем она выше, тем ниже толерантность к эвтаназии. Из объективных факторов, наиболее тесно связанных с отношением к эвтаназии, самыми значимыми являются наличие серьёзных проблем со здоровьем у самого человека или членов его домохозяйства, а также способствующее его «выгоранию» нарушение у него баланса работы и отдыха, значимо повышающие толерантность к ней.

Ключевые слова: эвтаназия, восприятие эвтаназии, отношение к эвтаназии, ассистированное самоубийство, помощь при смерти, нормы, ценности, массовое сознание

© Тихонова Н. Е., 2026

Введение

Одним из наиболее значимых по своим последствиям изменений в жизни человечества в последние годы является трансформация отношения ко всему живому, имеющая неоднозначный характер. С одной стороны, активно развивается биоэтика, принимаются новые законодательные акты, направленные на защиту здоровья человека и охрану животных, и т. д. С другой стороны, по мере роста значимости автономности и права распоряжаться собой (в том числе и собственной жизнью) во многих странах растёт толерантность к эвтаназии. Её пассивная форма уже сейчас допускается в большинстве стран мира. Всё больше становится и стран, в которых разрешена активная эвтаназия. Эти процессы отражают изменение в общественном сознании представлений о жизни и смерти, о праве человека, как и любого другого живого существа, не только на жизнь, но и на «лёгкую» смерть как одном из их базовых прав.

В России эвтаназия запрещена законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», определяющем эвтаназию как ускорение смерти пациента по его просьбе, и является уголовно наказуемым преступлением. Однако насколько это соответствует существующим в обществе представлениям о гуманности? Как воспринимают россияне эвтаназию и каких изменений можно ожидать в данной области в среднесрочной перспективе? Необходимость ответить на эти вопросы, с одной стороны, связана с тем, что именно эвтаназия (в отличие, например, от самоубийства) носит надындивидуальный характер и в наибольшей степени требует регулирования со стороны общества, поскольку может быть не только добровольной, но и «принудительной». С другой стороны, рост тяжёлых форм раковых и генетических заболеваний на фоне слабого развития паллиативной помощи также актуализирует эти вопросы.

Из этого мы и исходили, сделав предметом своего исследования отношение россиян к эвтаназии, а его целью – определение вектора изменений этого отношения в последние 20 лет, особенностей его на фоне ситуации в других странах, а также выявление факторов, в наибольшей степени связанных с формированием этого отношения.

Проблема эвтаназии в литературе

На первый взгляд, проблеме эвтаназии уже посвящён значительный объём литературы, в том числе – и немалое число работ, опубликованных российскими учёными¹. Однако в основном это работы, посвящённые различным юридическим аспектам данной проблемы, и прежде всего – её рассмотрению в контексте биоюриспруденции (см., напр.: [1; 2; 3]). Достаточно широко распространены в отечественной научной литературе и работы, посвящённые эвтаназии

¹ Так, в научной электронной библиотеке eLibrary.ru содержатся тысячи научных статей и книг, посвящённых этой тематике. Только за 2024–2025 гг. вышли около полутора сотен публикаций, в той или иной степени связанных с проблемой эвтаназии.

в контексте биоэтики (этики жизни) (см., напр.: [4; 5]). Реже, но встречаются также работы, рассматривающие эвтаназию как философскую или социальную проблему (см., напр.: [6; 7; 8; 9]).

При этом само понятие эвтаназии до сих пор трактуется исследователями по-разному¹. На его трактовку, и это уже отмечалось учёными [10], оказывает влияние прежде всего то, является ли тот или иной исследователь её сторонником или противником. Чаще всего, согласно исследованиям, негативно относятся к эвтаназии сторонники развития паллиативной помощи. В то же время сторонники того, что право на распоряжение собственной жизнью является фундаментальным правом человека, чаще воспринимают эвтаназию нейтрально или положительно [11]. Значим для отношения к ней и фактор принадлежности к определённому поколению [12]. Наиболее широкий список факторов, формирующих отношение к эвтаназии, рассмотрен в работе Р. Инглхарта в соавторстве с коллегами [13]. Среди наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на отношение к эвтаназии, авторы называют как макропоказатели (динамику экономической ситуации и ухудшение ситуации в здравоохранении; показатели детской смертности и ожидаемой продолжительности жизни; историю паразитарных заболеваний в стране), так и показатели микроуровня (отношение человека к религии, значимость для него ценностей автономии и т. д.).

В отличие от западных стран, в нашей стране внимание социологов к проблеме отношения населения к эвтаназии и формирующих его факторов намного меньше. В основном оно сосредоточено на взглядах на этот вопрос студентов, к которым соответствующая проблематика может иметь непосредственное отношение, – медиков, юристов и т. п. (см., напр.: [14; 15]). Тем не менее работы более общего характера всё же есть. Их эмпирической базой служат как результаты международных исследований, в которых принимала участие Россия (World values survey, European values survey и др.), так и внутрисоссийских опросов ВЦИОМа, ФОМа и других центров изучения общественного мнения или академических центров². Вышедшие по итогам этих исследований публикации касаются, соответственно, как сравнительного анализа отношения к эвтаназии россиян и жителей других стран или регионов мира (см., напр.: [16, 17]), так и особенностей этого отношения у россиян в целом или разных их групп (см., напр.: [18; 19; 20]).

¹ Иногда наряду с активной выделяют также пассивную эвтаназию, когда врач не прибегает к действиям, способствующим поддержанию жизни пациента. Различают также добровольную или не добровольную эвтаназию, эвтаназию по медицинским показаниям или по просьбе человека и т. д.

² Право на смерть: допустима ли эвтаназия? // ФОМ : сайт. 05.06.2012. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/10469> (дата обращения: 03.05.2025); Россияне о помощи неизлечимо больным // Левада-Центр : сайт. 15.06.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/06/15/rossiyane-o-pomoshhi-neizlechimobolnym> (дата обращения: 03.05.2025) (Левада-Центр включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента); Эвтаназия: за и против // ВЦИОМ : сайт. 11.02.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/evtanaziya-za-i-protiv> (дата обращения: 03.05.2025).

В целом, кратко суммируя результаты исследований российских учёных, можно утверждать, что отношение россиян к эвтаназии неоднозначно, но назвать его безусловно отрицательным нельзя. При этом, согласно исследованию ВЦИОМ 2024 года, «россиян, декларирующих положительное отношение к эвтаназии, отличает молодой и зрелый возраст (31–40% среди 18–44-летних), а также проживание в городах с населением от 100 тыс. человек и больше... Противников, напротив, отличает пожилой возраст... проживание в Северо-Кавказском ФО и в сельской местности»¹. В числе ключевых результатов данного исследования и фиксация того факта, что в России среди аргументов против эвтаназии часто встречается «вероятность мошенничества/коррупции».

Что же касается молодёжи, то она во всём мире более склонна к принятию эвтаназии [12]. Однако если, например, немецкие студенты допускали её в середине 2010-х гг. в 70,6% случаев, то в России, где её сторонники среди студенческой молодёжи также уже тогда составляли большинство, оно было менее значительно – 56,7% [16, с. 95]. При этом, хотя религиозные и политические установки играют определённую роль для формирования отношения к эвтаназии как в Германии, так и в России, решающим фактором отношения к ней оказались опасения, что эвтаназия будет криминализована [16].

Отдельно надо сказать и об анализе факторов, определяющих отношение к эвтаназии и смежным практикам, проведённом М. Г. Рудневым на материалах всероссийского опроса ЦЕССИ 2014 года с использованием портретной методики Ш. Шварца. Он показал, что в России для формирования отношения к эвтаназии оказываются малозначимы ценности автономности и консервативные ценности, зато ярко прослеживается отрицательная роль ценностей благожелательности². Малозначима при контроле других переменных (в исследовании использовался регрессионный анализ) оказалась для России и религиозность [20]. По итогам своего исследования М. Г. Руднев выдвинул предположение, что «в России ведущей переменной, отвечающей за регуляцию нормативных взглядов на эвтаназию, выступает ценность жизни как таковой... Однако это апостериорное объяснение результатов требует дальнейшей проверки в новых исследованиях» [20, с. 89]. К сожалению, впоследствии такая проверка не была проведена.

Методология, методика и эмпирическая база исследования

Особенности предпринятого исследования с точки зрения выработки его методологии и методики определялись прежде всего его поисковым характером. Именно такой тип исследований способен принести новые, неожиданные

¹ Эвтаназия, или право на смерть // ВЦИОМ : сайт. 26.08.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehvtanazija-ili-pravo-na-smert> (дата обращения: 03.05.2025).

² Этот на первый взгляд парадоксальный результат может быть связан со страхом криминализации эвтаназии в российских условиях, о котором говорилось выше, или недоверием пациентов к врачам, что отмечал и сам М. Г. Руднев.

знания за счёт установления связей и закономерностей, наличие которых до начала исследования не предполагалось. Соответственно, такие исследования, проводимые обычно в условиях высокой неопределённости знаний об изучаемом объекте, не предполагают выдвижения конкретных гипотез.

Изучение факторов, определяющих отношение россиян к эвтаназии, относится пока именно к таким предметным областям с высокой степенью неопределённости. Даже из очень краткого обзора литературы, приведённого выше, понятны несколько важных обстоятельств. Во-первых, это то, что эмпирических социологических исследований отношения россиян к эвтаназии и формирующих его факторов у населения в целом было проведено в нашей стране за последние три десятилетия очень мало, а до этого данная проблема не изучалась вовсе. Во-вторых, подавляющее большинство исследований, которые были за это время проведены, относились лишь к отдельным, сравнительно немногочисленным социальным группам (студенчеству, жителям отдельных областей или представителям определённых профессий). В-третьих, все исследования отношения россиян к эвтаназии показали значимые отличия ситуации в России в данной области от ситуации в западных странах (иная роль религиозного фактора и ценностей автономии и благожелательности, опасения криминализации данной сферы и т. д.), что обуславливает по меньшей мере проблематичность прямого заимствования западных концепций и методик изучения отношения населения к эвтаназии. В-четвёртых, наиболее глубокие исследования этой проблематики были проведены на данных, относящихся ещё к середине 2010-х гг., а, как свидетельствуют опросы служб общественного мнения, отношение населения нашей страны к эвтаназии довольно быстро меняется. В-пятых, сами эти опросы говорят о том, что хотя количественные различия между разными выделенными на основе объективных критериев (возраст, пол, место жительства и т. п.) группами есть, однако качественных различий между ними не прослеживается, а значит факторы, обуславливающие отношение к эвтаназии, имеют субъективный характер и их надо искать в мировоззренческих особенностях людей. Пожалуй, именно значимость специфики нормативно-ценностных систем для формирования отношения к эвтаназии – то немногое, в чём согласны все исследователи данной проблемы, хотя в том, какие именно компоненты этой системы играют для него решающую роль, согласия между ними нет. В то же время ими подчёркивается, что условия жизни россиян также имеют значение для принятия или непринятия ими эвтаназии, однако пока не вполне понятно, что именно в их прежнем опыте оказывает решающее значение на формирование их отношения к ней.

Учитывая всё вышесказанное, с точки зрения методологии предпринятого исследования необходимо было рассмотреть максимально широкий круг норм, ценностей, установок массовых слоёв российского населения, охватывающий самые разные аспекты их мировоззрения – от отношения к отдельным нормам морали до терминальных ценностей и жизненных целей. Кроме того, массив данных, выступающий эмпирической базой исследования, должен был

содержать все основные ранее упоминавшиеся как в зарубежной, так и в отечественной литературе субъективные факторы, способные повлиять на формирование отношения россиян к эвтаназии.

Ещё одно значимое для выработки методологии нашего исследования обстоятельство заключалось в том, что наряду с субъективными факторами надо было учесть также максимально широкий спектр объективных обстоятельств жизни людей, формирующих их жизненный опыт и взгляды. Особое место среди них занимают такие особенности жизни, как наличие в составе домохозяйств тяжело больных, состояние собственного здоровья респондентов, наличие практик бескорыстной помощи посторонним людям и т. д.

Четвёртым повлиявшим на методологию изучения нами отношения россиян к эвтаназии и определяющих его факторов стал поиск ответа на вопрос о том, что должно быть индикатором отношения к эвтаназии. Учитывая очень сильную зависимость выбора между нейтральным отношением к ней или её принятием от формулировок вопросов в анкете, в качестве основного такого индикатора был выбран вариант её однозначного отрицания.

Всем этим требованиям отвечал массив мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН, проведённого в апреле 2024 г. (N=2000). Данный Мониторинг проводится уже более 10 лет по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны по федеральным округам, а внутри них – по типам поселений, возрасту и полу респондентов. В качестве индикатора отношения к эвтаназии был выбран ответ «Никогда не может быть оправдано» на вопрос анкеты «Какие из следующих поступков, на Ваш взгляд, никогда не могут быть оправданы, какие допустимы иногда, а к чему надо относиться снисходительно?». Этот вопрос замерял отношение к 18 осуждаемым официальной моралью (а отчасти и законом) действиям, в числе которых был и ряд действий, отражающих отношение человека к живым существам (аборт, самоубийство, жестокое обращение с животными). Наряду с полным отрицанием этих действий вопрос предусматривал также ответы «Иногда это допустимо», «К этому надо относиться снисходительно» и «Затрудняюсь ответить». В вопросе не разъяснялось, что такое эвтаназия, но, как показывают результаты уже упоминавшегося опроса ВЦИОМа, проведённого практически одновременно с опросом ИС ФНИСЦ РАН, свыше 90% населения страны подразумевает под ней ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями¹.

Методика исследования была построена с учётом приведённых выше методологических соображений. В её основе, наряду с динамическим, сравнительным и иными видами содержательного анализа, лежали прежде всего две версии корреляционного анализа. Одна из них предполагала проверку силы связей с помощью показателей хи-квадрата с использованием алгоритма Chaid, а вторая – использование коэффициента корреляции Спирмена. Две, а не одна

¹ Эвтаназия, или право на смерть // ВЦИОМ: сайт. 26.08.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehvtanazija-ili-pravo-na-smert?ysclid=ml1etbftrv8622930409> (дата обращения: 03.05.2025).

версия корреляционного анализа использовались по нескольким причинам. Во-первых, это обеспечивало бóльшую надёжность полученных выводов. Во-вторых, эти методы несколько различаются, поэтому только использование и того, и другого позволяло быть уверенным в том, что ничего действительно значимого не упущено. Наконец, в-третьих, у каждого из них есть свои плюсы – так, использование Chaid позволяет сравнивать сразу сотни переменных с точки зрения силы их связей с зависимой переменной (которой в нашем случае выступало отрицание эвтанази), а коэффициент корреляции Спирмена более привычен и понятен отечественному социологическому сообществу.

Технически использование этих версий корреляционного анализа означало, что сначала все переменные, входящие в массив данных опроса ИС ФНИСЦ РАН, анализировались с помощью алгоритма Chaid, а затем с помощью коэффициента корреляции Спирмена проверялись показатели этой связи для 65 переменных¹, продемонстрировавших наибольшую значимость на первом этапе анализа (его итоги для наиболее тесно связанных с отношением к эвтаназии переменных представлены в таблице в Приложении).

Следующий этап работы заключался в том, что для 65 рассматривавшихся переменных с помощью таблиц сопряжённости было проверено, как именно проявляются в абсолютных показателях для групп, различающихся их ответами на соответствующие вопросы, расхождения в восприятии допустимости эвтанази. При этом оказалось, что ранжирование по разрывам в показателях их отношения к эвтаназии у полярных по их ответам групп не совпадает с результатами ранжирования с использованием Chaid-анализа или по показателям коэффициента корреляции Спирмена. Это объясняется тем, что часть вопросов анкеты носила альтернативный характер, другие представляли собой шкалы и т. д. Ключевые особенности полярных по их отношению к эвтаназии групп также охарактеризованы ниже.

Наряду с данными Мониторингового опроса ИС ФНИСЦ РАН эмпирической базой исследования при анализе динамики отношения к эвтаназии послужили также данные исследования World Values Survey (WVS) – международного исследовательского проекта, в котором участвуют десятки стран². Для анализа динамики отношения к эвтаназии были использованы данные 5-й и 7-й волн этого исследования, проходивших в России в 2006 и 2017 гг.

Отношение россиян к эвтаназии и его динамика

Прежде чем переходить к анализу факторов, определяющих отношение россиян к эвтаназии, рассмотрим общую картину этого отношения и его динамику. Как видно на рисунке 1, россияне разделились весной 2024 г. в своём отношении к ней на две равные части – 50% считали, что она не может быть оправдана,

¹ Использование регрессионного анализа для проверки значимости столь большого числа переменных было заведомо невозможно.

² Официальный сайт исследования World Values Survey: www.worldvaluessurvey.org.

а другие оправдывали её, хотя и с оговорками (около трети связывали её допустимость с обстоятельствами и 15% считали её допустимой в любом случае). Такое отношение гораздо лояльнее, чем оценки допустимости самоубийства или жестокого обращения с животными, хотя и жёстче, чем отношение к абортам.

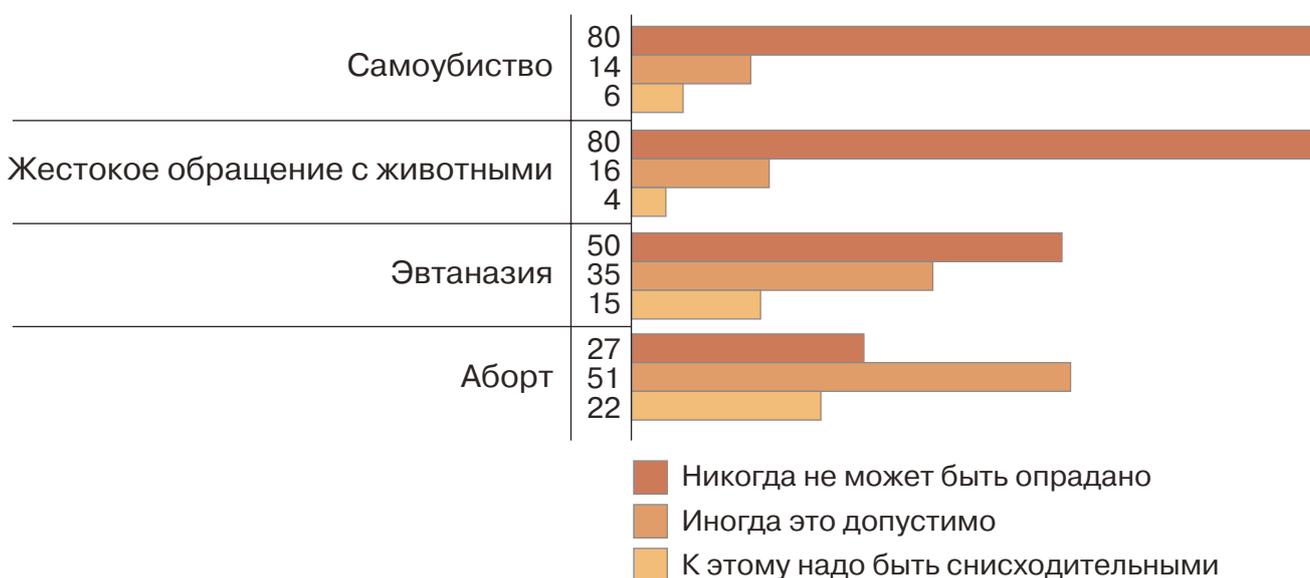

Рис. 1. Отношение россиян к нормам, регулирующим отношение к живым существам, апрель 2024 г., %

Примечание. Не указаны данные по позиции «затрудняюсь ответить».

Что касается динамики отношения к эвтаназии, то за последнюю четверть века в России просматривается рост её отрицания – возможно, в силу лучшего понимания того, что она собой представляет. Об этом свидетельствуют, в частности, данные исследования World Values Survey. В вопросе о допустимости эвтаназии, предусматривающем ответы от «никогда не допустимо» до «всегда допустимо», используется десятибалльная шкала. Если принять за признание недопустимости эвтаназии выбор 1–4-й позиций этой шкалы, то доля её противников выросла с 2006 по 2017 г. с 33% до 44%. Более того, если в 2006 году только 22% выбирали первую, самую жёсткую позицию, то в 2017 году таких было уже 27%¹. Этот рост происходил прежде всего за счёт всё большей определённости взглядов представителей массовых слоёв населения нашей страны в данном вопросе – за 11 лет на 3 п. п. уменьшилась доля занимающих промежуточную позицию (выбравших 5–6-ю позиции) и на 7,5 п. п. – число затруднившихся с ответом на вопрос о допустимости эвтаназии. Кроме того, число её сторонников, выбравших на рассматриваемой шкале позиции с 7-й по 10-ю, уменьшилось с 26% до 22%, причём число выбравших 10-ю позицию, т. е. полную допустимость эвтаназии, сократилось даже на 6 п. п. (с 18% до 12%).

Если же говорить о месте России на общемировом фоне по восприятию её населением допустимости эвтаназии, то, как видно из приведённых

¹ Рассчитано по данным соответствующих волн исследования на официальном сайте WVS. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp> и URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 16.05.2025).

на рисунке 2 данных, наша страна находится в этом отношении между странами «коллективного Запада» и наиболее экономически развитыми из не входящих в их состав странами, представляющими различные цивилизации. Это не только в очередной раз подтверждает специфику нормативно-ценностных систем россиян, но и демонстрирует, что Россия в отношении её населения к ряду норм ближе к «мировому большинству», чем к странам Запада.

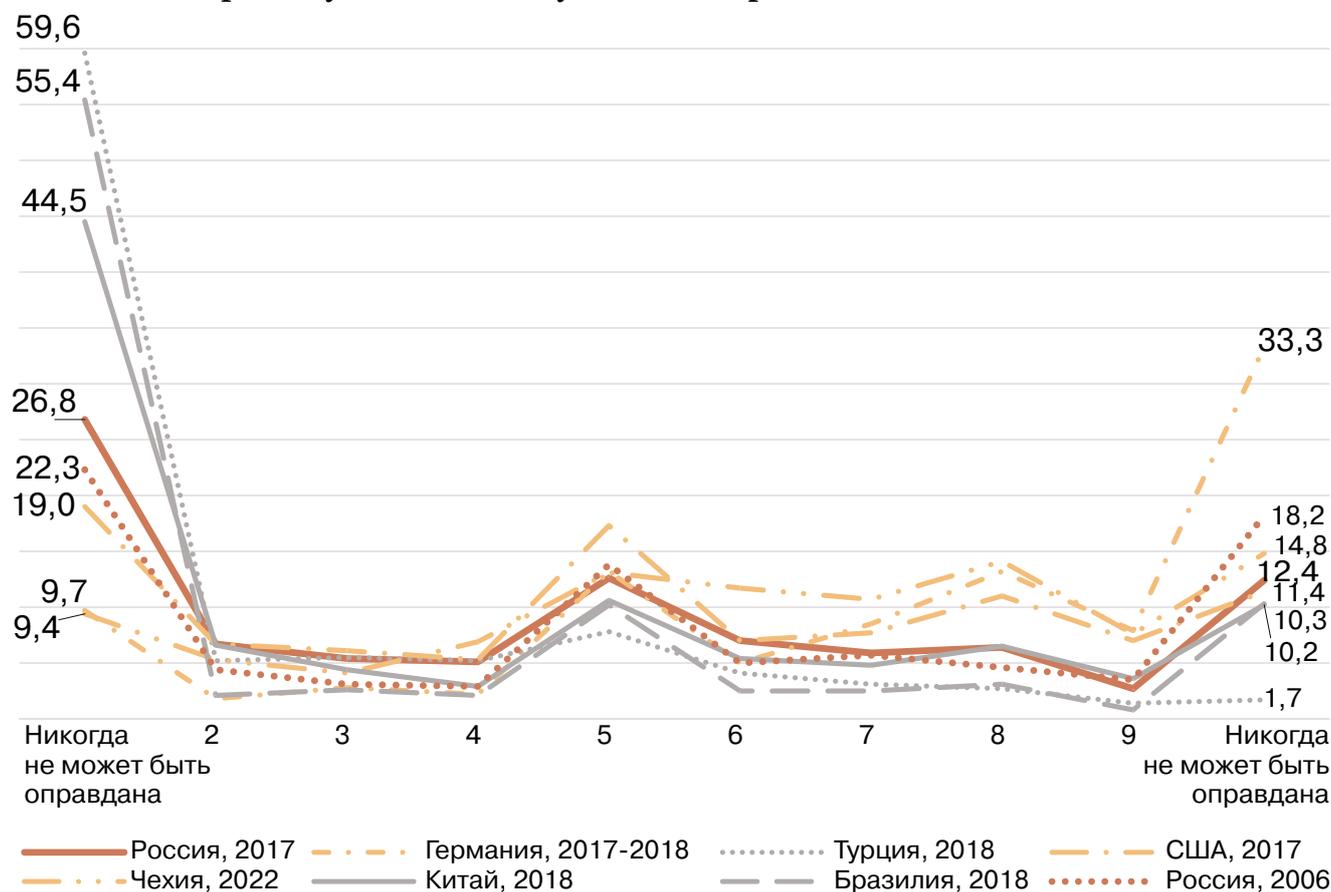

Рис 2. Отношение россиян и граждан некоторых других стран к проблеме эвтаназии, WVS, %¹

Примечание. Не указаны данные по позиции «затрудняюсь ответить».

Если сравнить два этих типа стран по доле негативно относящихся к эвтаназии (т. е. выбирающих на шкале отношения к ней 1–4-ю позиции), позитивно относящихся к ней (выбирающих 7–10-ю позиции) и неопределившихся в своём к ней отношении (выбирающих 5–6-ю позиции и затруднившихся с ответом), то промежуточное положение России станет ещё нагляднее (табл. 1). При этом всё большее тяготение россиян в своём отрицании эвтаназии к странам «мирового большинства» и при таком методе оценки проявляется достаточно ярко.

¹ Данные по каждой из представленных на рисунке 2 стран взяты с официального сайта исследования WVS: URL: www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 13.04.2025). Данные по России за 2006 год приводятся по: WVS Wave 5 (2005–2009). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp> (дата обращения: 13.04.2025). Вопрос об эвтаназии в анкетах WVS идёт под № Q188.

Таблица 1

Специфика отношения к эвтаназии в разных странах, *WVS*, %

Страны	Отношение к эвтаназии:		
	Негативное и скорее негативное	Не определились в своём к ней отношении	Позитивное и скорее позитивное
<i>Страны «мирового большинства» (2018 г.)</i>			
Турция	76	16	9
Бразилия	62	21	17
Китай	58	17	25
<i>Россия (2006 и 2017 гг.)</i>			
Россия, 2017	44	29	27
Справочно: Россия, 2006	33	35	32
<i>Страны «коллективного Запада» (2017–2022 гг.)</i>			
США	37	26	37
Чехия	26	27	47
Германия	17	21	63

Таким образом, хотя сейчас россияне разделены в своём отношении к эвтаназии примерно поровну, но доля её противников постепенно растёт. Причём жёсткость взглядов как тех, так и других различна. Так, лишь менее трети сторонников эвтаназии считают её допустимой всегда, а остальные связывают её допустимость с обстоятельствами.

Место отношения к эвтаназии в системе моральных норм россиян

Результаты корреляционного анализа показали, что теснее всего отношение к эвтаназии связано с отношением к другим нормам морали и права. Соответственно, этим связям в исследовании было уделено особое внимание. Отправной точкой анализа связи отношения к эвтаназии с восприятием других моральных норм выступили результаты факторного анализа оценок россиянами 18 осуждаемых законом или официальной моралью действий, отношение к которым замерялось в опросе ИС ФНИСЦ РАН 2024 года. Как показало применение метода главных компонент (вращение Варимакс с нормализацией Кайзера)¹, отношение к эвтаназии (факторный вес 0,599) попадает в одну группу с нормой о недопустимости жестокого обращения с животными (факторный вес 0,903). Остальные нормы для этого фактора, который условно можно

¹ Объяснённая совокупная дисперсия 63,3%.

назвать «отношение к живым существам», имели очень низкие факторные веса (не выше 0,120). Достаточно высокий факторный вес (0,537) отношение к эвтаназии имело также в составе фактора, который условно можно назвать «отношение к закону», где оно соседствовало с недопустимостью уклонения от налогов, дачи/получения взятки и т. п. Это означает, что мотивы отношения к эвтаназии могут быть очень разными, поскольку, подразумевая под ней даже одни и те же практические действия, россияне вкладывают в само понятие «эвтаназия» разный ценностный смысл – от пренебрежения принципом сакральности жизни до действия, означающего нарушение законов. Однако прежде всего оно связано для них все-таки с ценностью жизни, прерывать которую по чьему-то внешнему желанию даже из благих побуждений нельзя.

Об этом же свидетельствовал и уже упоминавшийся выше корреляционный анализ. В частности, анализ связи между собой отношения к эвтаназии и к другим моральным нормам с помощью коэффициента Спирмена показал, что наиболее тесно отношение к эвтаназии связано с отношением к аборту (коэффициент Спирмена – 0,403¹) (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент корреляции Спирмена для связи отношения к эвтаназии и ряда других моральных норм, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г.²

Действия	Коэффициент корреляции Спирмена для отношения к эвтаназии и к соответствующим действиям ³	Доля считающих соответствующие действия недопустимыми среди россиян в целом, %
<i>Отношение к действиям, связанным с восприятием жизни как ценности</i>		
Аборт	0,403 (83%)	27
Самоубийство	0,312 (93%)	81
Жестокое обращение с животными	0,233 (89%)	80
<i>Отношение к прочим действиям и явлениям, регулируемым нормами морали или закона</i>		
Проституция	0,373 (89%)	73
Уклонение от уплаты налогов	0,327 (78%)	66
Уклонение от службы в армии	0,327 (70%)	54
Однополые браки	0,322 (97%)	87
Пьянство, алкоголизм	0,287 (81%)	68

¹ Здесь и далее все корреляции значимы на уровне 0,01.

² В таблице приведены только нормы, продемонстрировавшие наиболее тесную связь с отношением к эвтаназии.

³ В скобках указана доля считающих недопустимым соответствующие действия среди считающих эвтаназию недопустимой

Окончание таб. 2

Действия	Коэффициент корреляции Спирмена для отношения к эвтаназии и к соответствующим действиям ³	Доля считающих соответствующие действия недопустимыми среди россиян в целом, %
Гомосексуализм	0,273 (94%)	84
Хамство, нецензурная брань	0,271 (77%)	66
Дача/получение взятки	0,262 (83%)	71
Обогащение за счёт других	0,259 (89%)	79
Воспитание детей однополыми парами	0,248 (94%)	86

Среди считающих аборт недопустимым 83% считают эвтаназию недопустимой ни при каких условиях. Это максимальный показатель по выделенным на основании ответов на все вопросы анкеты группам, что логично, поскольку и в том, и в другом случае речь идёт о прерывании чужой жизни. Коэффициент корреляции Спирмена для связи оценок эвтаназии и самоубийства составляет 0,312, а среди противников самоубийства к эвтаназии отрицательно относятся 58% респондентов.

Таким образом, предположение М. Г. Руднева, что «ведущей переменной, отвечающей за регуляцию нормативных взглядов на эвтаназию, выступает ценность жизни как таковой» [20, с. 89], нашла своё подтверждение на наших данных.

Учитывая взаимосвязь отношения к эвтаназии с отношением к святости жизни вообще и человеческой жизни в частности, отметим, что её сакральность, предполагающая одновременную недопустимость эвтаназии, аборта и самоубийства, характерна для 22% россиян. Считаю же допустимыми все три эти формы прерывания жизни всего 15%. Однако эвтаназия, в отличие от аборта и самоубийства, может для части россиян рассматриваться и как акт гуманизма – не случайно 42% отрицающих самоубийство и 17% считающих недопустимым аборт считали эвтаназию возможной.

В наибольшей степени различаются доли противников и сторонников этих форм прерывания человеческой жизни у студентов вузов и пенсионеров: среди первых они составили в 2024 году 16% и 23% соответственно, т. е. были обратны картине по россиянам в целом (22% и 15%). У пенсионеров же характерные для всех россиян тенденции прослеживаются ещё более выражено, а доли противников и сторонников одновременно всех трёх этих форм прерывания жизни (эвтаназии, аборта и самоубийства) составляли в использованном массиве данных 28% и 11% соответственно. Возрастная дифференциация воспроизводит эти различия, но в более сглаженной форме.

Однако это не означает девальвации ценности человеческой жизни по мере смены поколений, и если говорить о перспективах изменения отношения населения страны к эвтаназии в контексте роли для него ценности жизни, то стоит

отметить зависимость распространённости этой ценности от внешних событий. Так, например, о своём негативном отношении к абортам заявляли от 19% респондентов в тяжёлом 2000 году, когда страна ещё только начинала приходить в себя после кризиса 1998–1999 гг. [21, с. 375] до 42% в благополучном во всех отношениях 2013 году [22, с. 188]. Напомним – в не самом простом 2024 году, когда шла СВО на Украине и действовало огромное количество наложенных на страну экономических санкций, аборт считали недопустимым ни при каких условиях 27% респондентов, т. е. на 8 п. п. больше, чем в 2000 году, но на 15% меньше, чем в 2013 году. Отношение к самоубийству изменилось за последние десятилетия меньше, однако с 2000 по 2024 г. доля считающих самоубийство недопустимым также выросла на 8 п. п.¹ На роль динамики экономической ситуации в формировании отношения к эвтаназии как общемировую тенденцию обращалось внимание и Р. Инглхартом с коллегами [13].

Высокими являются не только показатели связи отношения к эвтаназии с другими моральными нормами, отражающими отношение к жизни как ценности, но и с рядом других не одобряемых моралью действий – проституцией, уклонением от уплаты налогов, однополыми браками и т. д. (табл. 2). В целом прослеживается следующая закономерность – среди отрицательно относящихся к эвтаназии шире распространено отрицание также других осуждаемых в массовом сознании поступков. Таким образом, отношение к эвтаназии связано не только с отношением к живому и жизни в целом, но и со склонностью к моральному релятивизму и чувствительностью к осуждению определённых действий с позиций морали и/или закона.

Обратимся теперь к другим, не относящимся к сфере морали факторам, также влияющим на отношение россиян к эвтаназии.

Сравнительная роль субъективных и объективных факторов отношения к эвтаназии

Как уже упоминалось выше, для оценки связей между отношением к эвтаназии и различными объективными и субъективными характеристиками респондентов на первом этапе анализа был использован алгоритм Chi-squared Automatic Interaction Detector (Chaid), обеспечивающий нахождение значимых связей между переменными и их сравнение между собой по значимости. Проведённый с использованием этого алгоритма на 662 переменных массива данных ИС ФНИСЦ РАН 2024 года анализ показал, что отношение человека к эвтаназии связано не только с его отношением к другим моральным нормам. Далее по значимости следует большой блок переменных, которые свидетельствуют об ощущении респондентом «вписанности» в социум, интегрированности в него – при наличии такой интегрированности толерантность к эвтаназии у опрошенных ниже. Ключевую роль среди переменных, имеющих наиболее тесную связь

¹ Данные за 2000 год взяты из: [21, с. 375].

с отношением к эвтаназии, играют символические идентичности¹ и доверие (как межличностное, так и институциональное). То есть речь идёт не о включённости в объективные социальные связи/сети, а о внутреннем ощущении интегрированности в социум через принадлежность к различным группам и об уровне доверия к окружающим: чем глубже человек интегрирован в социум, тем чаще он склонен считать, что эвтаназия недопустима ни при каких условиях и нужно искать другие пути решения проблем. Этот вывод подтвердила и проверка с помощью коэффициентов корреляции Спирмена (см. Приложение), а также сравнение взглядов на эвтаназию в полярных по рассматриваемым основаниям группах.

Наиболее значимыми оказались при этом чётко выраженные идентичности респондентов с людьми определённой национальности и гражданами России, а также с людьми той же веры (религии), той же профессии или рода занятий, с теми, кто разделяет их взгляды на жизнь, и некоторые другие символические идентичности (табл. 3). Чем многообразнее эти субъективно ощущаемые социальные связи, тем меньше вероятность, что человек будет позитивно относиться к эвтаназии. Более того, те, кто не просто «вписаны» в социум через систему разнообразных идентичностей, но и ощущают, что могут влиять на происходящее в нём (т. е. воспринимают себя как имеющих властный ресурс), характеризуются максимальной после противников абортёров долей противников эвтаназии (67%).

Таблица 3

Оценки близости к людям, считающим эвтаназию недопустимой среди россиян с различными идентичностями, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г., %²

Идентичности	Доля не приемлющих эвтаназию, %		Разрыв между группами, раз
	Ощущают близость с этими людьми	Не ощущают близости с ними	
С людьми той же национальности	59	30	2,0
С гражданами России	59	31	1,9
С теми, кто живёт в их городе или селе	57	33	1,7
С людьми той же веры, религии	60	35	1,7
С людьми такого же возраста, поколения	55	33	1,7
С людьми такого же материального достатка	56	35	1,6

¹ Вопрос об идентичностях формулировался в анкете следующим образом: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие, хотя и живут рядом, близкими для нас не становятся. О каких из нижеперечисленных групп Вы могли бы сказать "да, это – мы"?». Далее, когда речь идёт об идентичностях, то имеются в виду выбравшие по отношению к той или иной социальной группе вариант ответа «В значительной степени», а не «В некоторой степени» или «Не ощущаю близости», которые также допускались как ответы на соответствующий вопрос. Проверялось отношение к 19 идентичностям.

² В таблице приведены только те идентичности, для которых разрывы в показателях у полярных групп имели качественный характер и одновременно более чем вдвое превышали величину статистической погрешности.

Окончание таб. 3

Идентичности	Доля не приемлющих эвтаназию, %		Разрыв между группами, раз
	Ощущают близость с этими людьми	Не ощущают близости с ними	
С теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся	60	41	1,5
С людьми, близкими им по политическим взглядам	59	39	1,5
Со всеми людьми на планете	61	43	1,4
С теми, кто находится у власти	67	47	1,4
С европейцами	64	47	1,4
С людьми той же профессии, рода занятий	56	43	1,3
Со своей семьёй	51	38	1,3
С теми, кто разделяет их взгляды на жизнь	52	40	1,3
С товарищами по работе, учёбе	55	42	1,3
С теми, кто добился успеха	57	44	1,3

Примечание. В таблице не представлены ответившие на вопрос об их близости с соответствующими группами «В некоторой степени», показатели которых близки к средним по массиву, а также затруднившиеся с ответом.

Отношение к эвтаназии в российских условиях связано и с восприятием человеком своих контрагентов по социальным взаимодействиям как надёжных партнёров. Это подтверждается, в частности, ответами на вопрос о доверии (к родственникам, сослуживцам, разного рода социальным институтам и т. д.) (табл. 4). Ключевую роль играет при этом доверие к членам семьи, однако статистически значимо и доверие к ряду других групп и институтов, вопрос о которых задавался в ходе опроса. Чем выше уровень этого доверия, тем чаще эвтаназия воспринимается как недопустимая. Таким образом, на отношении к ней сказывается скорее восприятие социума как «своего», дружественного по отношению к себе, чем страх перед злоупотреблением правом на принятие решения об эвтаназии, иначе негативизм по отношению к ней чаще встречался бы у не доверяющих своему окружению и социальным институтам.

Таблица 4

Доля не приемлющих эвтаназию россиян в зависимости от уровня межличностного и институционального доверия, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г., %¹

Объекты доверия	Уровень доверия		Разрыв между полярными группами, раз
	Доверяют полностью	Вообще не доверяют	
Члены семьи	52	29	1,8
Родственники	57	38	1,5

¹ В таблице приведены только те объекты доверия из 24, отношение к которым замерялось в ходе опроса, для которых разрывы в полярных группах имели качественный характер и одновременно более чем вдвое превышали величину статистической погрешности.

Окончание таб. 4

Объекты доверия	Уровень доверия		Разрыв между полярными группами, раз
	Доверяют полностью	Вообще не доверяют	
Коллеги	65	44	1,5
Соседи	61	45	1,4
Церковь	55	41	1,3
Президент России	52	42	1,2

Примечание. В таблице не представлены ответившие на вопрос о доверии «Отчасти» и затруднившиеся с ответом.

Менее значимо, но всё же существенно повышает вероятность негативного отношения к эвтаназии и корреспондирующееся со степенью интегрированности в общество отношение к существующей в российском обществе системе социальных неравенств. Так, например, среди тех, кто считает, что наличие или отсутствие связей «с нужными людьми» входит в число наиболее болезненных для современной России неравенств, убеждёнными противниками эвтаназии являются 53% опрошенных, а среди не упоминающих эту проблему в числе значимых для неё неравенств – лишь 37%. Практически так же выглядят эти показатели и для воспринимающих данное неравенство как одно из наиболее болезненных для себя лично – 53% и 35% соответственно.

Наконец, существенно повышают вероятность оказаться в числе не приемлющих эвтаназию и некоторые особенности ценностей и стремлений человека, тоже связанные со степенью его интегрированности в социум, в частности – значимость для него материального благополучия, наличие таких целей, как воспитание хороших детей или возможность честно прожить свою жизнь, а также возможности реализации этих устремлений. Так, среди тех, кто считает, что им уже удалось реализовать цель «честно прожить свою жизнь», противниками эвтаназии являются 53%, среди уже не надеющихся её реализовать таких 37%, а среди тех, кто даже не ставил её перед собой, – 21%¹. Для цели «воспитать хороших детей» соответствующие показатели составили 55%, 46% и 36%, для цели «жить не хуже других» – 56%, 46% и 36%. В рамках одних и тех же возрастных групп эти различия сохраняются. Прослеживается и связь отношения к эвтаназии с установкой на роль материального благополучия: среди считающих, что главное в жизни свобода, противники эвтаназии составляют 54%, а среди отдающих приоритет материальному благополучию – 41%.

Отдельно, учитывая традиционное для западных исследований отношение к эвтаназии внимание к роли религиозных взглядов и к ценности автономии, надо сказать и про особенности их взаимосвязи в России. Судя по нашим данным, важно не то, верит или не верит человек в Бога или к какой именно из традиционных для России конфессий он себя относит, а то, относит ли он себя вообще к какой-то из них или нет. В условиях нашей страны это отражает

¹ Допускался также ответ «Пока не добился(лась), но считаю, что ещё добьюсь».

скорее уровень конформизма индивида, чем его реальную приверженность определённой религиозной доктрине. Не случайно минимальна доля противников эвтаназии среди тех сравнительно немногочисленных россиян, кто верит в существование высшей силы, но ни к какой конфессии не принадлежит (8%), – 37%. Это перекликается со взглядами другой нетипичной для россиян по самопозиционированию в отношении к религии группы – атеистов (13%). Среди них противников эвтаназии всего 39%. В то же время среди характеризующих себя как православных или мусульман этот показатель одинаков и составляет 53%.

Что же касается ценности автономии, то возможность самостоятельно распоряжаться своей жизнью пока не связывается в сознании россиян с правом на эвтаназию. Во всяком случае, никакие суждения, которые можно было бы рассматривать как индикаторы значимости этой ценности, статистически значимых связей с отношением к эвтаназии в нашем исследовании не продемонстрировали.

Объективные характеристики человека в гораздо меньшей степени влияют на вероятность для него оказаться в числе противников эвтаназии, чем особенности его мировоззрения. Тем не менее такие значимые характеристики есть, и прежде всего это наличие проблем со здоровьем. Как видно на рисунке 3, отрицание эвтаназии характерно для большинства тех, кто в последний год перед опросом не сталкивался с серьёзными проблемами со здоровьем у себя или своих близких. В то же время большинство тех, кто оценивает собственное здоровье как плохое или включает проблемы с ним в число серьёзно беспокоивших их в последний год проблем, допускают эвтаназию, хотя обычно и с оговорками.

Рис. 3. Отношение к эвтаназии в группах, сталкивавшихся или не сталкивавшихся в своей повседневной жизни с серьёзными проблемами со здоровьем у себя или своих близких, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г., %

При этом неважно, о чьём здоровье идёт речь – своём или других членов семьи. В обоих случаях большинство (55–57%) говорит о допустимости эвтаназии. Таким образом, реальное столкновение с серьёзными заболеваниями обуславливает рост толерантности к эвтаназии, а отсутствие такого опыта способствует её восприятию как недопустимой.

Из остальных объективных характеристик, влияющих на отношение респондентов к эвтаназии, стоит назвать:

- ведущие к ощущению «загнанности» и «выгорания» разовые или временные приработки в стратегиях выживания, а также серьёзные нарушения баланса работы и отдыха. Так, приработки как стратегия выживания снижают долю отрицающих эвтаназию до 40%, а у оценивающих баланс работы и отдыха у себя как плохой¹ этот показатель опускается даже до 35%;
- тип собственности предприятия, на котором работает человек. Если среди работающих в бюджетной сфере и системе государственного управления эвтаназию отрицают 57%, то среди работников частного сектора таких от 40% у самозанятых до 45% у работников приватизированных предприятий;
- возраст – по мере его увеличения доля отрицающих эвтаназию растёт, доходя среди тех, кто старше 65 лет, до 55%.

Однако все эти факторы обладают меньшей статистической значимостью, чем перечисленные выше (см. также Приложение), а их роль обуславливается прежде всего разной вероятностью встретить те или иные характеристики мировоззрения в соответствующих группах. Так, чувство «загнанности» из-за отсутствия стандартной занятости, обеспечивающей в удовлетворительном масштабе основные потребности, – важный фактор снижения степени интегрированности в общество. Среди тех, например, кто оценивает баланс работы и отдыха у себя как хороший, почти половина – 48% – имеют 7 и более чётко выраженных идентичностей, и 70% доверяют родственникам, при том что среди оценивающих этот баланс как плохой таких почти вдвое меньше – 26 и 42% соответственно. Роль типа собственности предприятия, на котором работает респондент, – результат сложившейся ещё в 1990-е гг. специфики нормативно-ценностных систем работников разных секторов экономики [21], когда на предприятия частного сектора уходили относительно чаще люди с повышенной значимостью для них ценности материального благополучия и пониженной – ценности самореализации. Возраст прямо связан с восприятием жизни как ценности и с распространённостью морально-правового релятивизма, о чём уже говорилось выше.

Подчеркнём также, что совмещение упомянутых выше объективных характеристик может существенно увеличивать вероятность положительного отношения к эвтаназии. Так, среди имеющих в составе домохозяйств инвалидов I или II групп и одновременно плохо оценивающих свой баланс работы и отдыха

¹ В анкете присутствовали также ответы «Хорошо» и «Удовлетворительно».

лишь 27% считают эвтаназию недопустимой. Это ещё одно свидетельство того, что «выгорание» ведёт к снижению значимости человеческой жизни с сопутствующим ростом толерантности к эвтаназии.

Выводы

В своём отношении к эвтаназии россияне делятся на две практически равные группы – половина их её не приемлет, а половина считает либо допустимой при определённых условиях, либо, реже, допустимой без всяких оговорок. И хотя жёсткость позиции отрицающих её различна, важно то, что доля её противников постепенно увеличивается. Медленнее, но растёт и доля допускающих её. Это говорит о том, что население нашей страны постепенно вырабатывает осознанную позицию по отношению к данному феномену, ещё несколько десятилетий назад полностью отсутствовавшему в общественном сознании.

Если говорить о том, как выглядят взгляды россиян на эвтаназию на фоне мнения на этот счёт граждан других стран, то они довольно типичны в том смысле, что широкое представительство альтернативных взглядов на это явление характерно для всех стран. Тем не менее для разных типов стран прослеживается общая закономерность: если для граждан стран «коллективного Запада» характерно скорее принятие эвтаназии (в зависимости от степени консервативности их взглядов с большей или меньшей однозначностью), то для стран «мирового большинства» – убеждённость в её недопустимости. На этом фоне позиция России имеет свою специфику, поскольку она занимает промежуточное положение между этими полюсами, хотя с годами её тяготение к позиции стран «мирового большинства» усиливается.

Взгляды россиян на эвтаназию связаны в основном с особенностями их мировоззрения, хотя есть и связанные со спецификой жизненного опыта факторы, также влияющие на их отношение к ней. При этом многие традиционно рассматривающиеся как важные для формирования позиции человека факторы (в частности, его принадлежность к тем или иным возрастным или религиозным группам) значимы не сами по себе, а через их влияние на распространённость разных систем взглядов или же разную вероятность столкнуться со связанными с отношением к эвтаназии объективными проблемами. Так, например, у молодёжи (прежде всего студентов) гораздо ярче выражен моральный релятивизм, влияющий и на отношение к эвтаназии, в наименьшей степени характерный для пенсионеров. Часто упоминаемая исследователями в связи с отношением к эвтаназии религиозность оказывается важна в России для выработки этого отношения не сама по себе, а также через её связь с другими особенностями мировоззрения – люди, склонные к неконформистской позиции, демонстрируют большую толерантность к ней.

С точки зрения сравнительной значимости различных и зачастую разнонаправленных факторов, влияющих на отношение к эвтаназии, ключевую роль играет восприятие жизни как ценности. При росте значимости ценности жизни,

который хотя и нелинейно, но всё же происходит в России, негативизм к эвтаназии среди разделяющих эту ценность будет нарастать.

Второй по значимости мировоззренческий блок, обуславливающий отношение к эвтаназии, связан с отношением к моральным нормам в целом. Морально-правовой релятивизм и аномия ведут к принятию эвтаназии. События последнего десятилетия способствовали усилению поддержки норм, связанных с взаимоотношениями человека и государства (обязательность уплаты налогов, недопустимость взяток и т. д.) при одновременном смягчении отношения к нормам, регулирующим межличностные отношения. В этих условиях сложно предсказать вектор воздействия данного фактора на отношение к эвтаназии, однако скорее всего будет расти численность полярных по её восприятию групп.

Третий по значимости мировоззренческий блок, влияющий на отношение к эвтаназии, – особенности взглядов, отражающие степень «вписанности» (интегрированности) человека в социум. Чем она выше, тем ниже толерантность к эвтаназии. Речь идёт в первую очередь о специфике идентичностей человека, отражающей его субъективную включённость в различные социальные группы, воспринимаемые как внутренне близкие («Мы»), а также об уровне присущего ему межличностного и институционального доверия. Есть и другие характеристики мировоззрения, которые также говорят о восприятии социума как «своего», т. е. доброжелательного, справедливого и помогающего человеку, хотя они менее тесно связаны с неприятием эвтаназии, чем идентичности и доверие. Это, например, отношение к существующей в российском обществе системе социальных неравенств, наличие серьёзных проблем на работе и т. д. Соответственно, атомизация общества будет вести к росту числа сторонников допустимости эвтаназии, а его консолидация вызовет обратный эффект.

Из объективных факторов, связанных с отношением к эвтаназии, наиболее значимыми являются два. Это, во-первых, наличие серьёзных проблем со здоровьем у самого человека или у других членов его домохозяйства, а во-вторых, существенное нарушение баланса работы и отдыха, обуславливающее возникновение чувства «загнанности» и «выгорания». Сочетание этих факторов существенно увеличивает их воздействие на отношение к эвтаназии, а доля её противников снижается до минимальных значений (27%).

Что же касается остальных особенностей человека, влияющих на его восприятие эвтаназии, то они важны не столько сами по себе, сколько за счёт того, что входят в определённый тип мировоззрения, для которого характерно и её отрицание. При этом религиозность и ценность автономии в российских условиях значимой связи с отношением к эвтаназии не демонстрируют. Не наблюдается и его связи с готовностью помощи людям, которая операционализировалась нами через наличие соответствующих установок, реальную помощь своим контрагентам по онлайн- и офлайн сетям, а также через волонтерство.

В целом можно сказать, что для подавляющего большинства россиян уже не составляет труда определить своё отношение к эвтаназии. Оно формируется у них сейчас не случайным образом, а представляет собой неотъемлемый

компонент их мировоззрения в рамках внутренне единой системы взглядов. Это отношение складывается под воздействием ряда разновекторных факторов, результирующую воздействия которых в ближайшие годы сложно предвидеть. Тем не менее можно ожидать дальнейшего увеличения численности как категорических сторонников эвтаназии, так и её последовательных противников, а также роста значимости тех условий, при которых россияне будут считать эвтаназию допустимой. Особо хотелось бы подчеркнуть также выявившуюся в исследовании значимость многообразия форм «вписанности» в социум и восприятия его как дружественного по отношению к себе для формирования мировоззрения человека вообще и отношения к эвтаназии в частности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Капинус О. С. Эвтаназия в свете права на жизнь : [монография] / О. С. Капинус. М. : Камерон, 2006. 479 с. ISBN 5-9594-0059-6. EDN [QLNGUX](#).
2. Сальников В. П., Стеценко С. Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 32–38. EDN [TWWEMP](#).
3. Мустафаев С. Э. Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 130–135. DOI [10.17803/1994-1471.2016.64.3.130-135](#). EDN [VVBSOJ](#).
4. Антипов А. В. Суицид и эвтаназия в биоэтике: история и современность. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация». 2024. 296 с. ISBN 978-5-88373-820-2. EDN [JVYMLB](#).
5. Рыбакова А. В., Макарова М. Н. Методы эвтаназии лабораторных животных в соответствии с европейской директивой 2010/63 // Международный вестник ветеринарии. 2015. № 2. С. 96–107. EDN [ULGMCX](#).
6. Богомякова Е. С. Эвтаназия как социальная проблема: стратегии проблематизации и депроблематизации // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 1. С. 33–52. EDN [LDFOZL](#).
7. Ивченко И. А. Эвтаназия как выражение свободы воли и права на смерть (историко-философский анализ) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 107. С. 95–100. EDN [KLTCGL](#).
8. Рыбин В. А. Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ : автореф. дис. ...д-ра филос. наук : 09.00.01 / Рыбин Владимир Александрович ; Екатеринбург, 2006. 41 с. EDN [NONXQP](#).
9. Пугачева Н. П., Здоровинин В. А. Философские проблемы ветеринарии в аспекте этики жизни // Национальное здоровье. 2020. № 1. С. 172–175. EDN [FDHCEJ](#).
10. Евсеева Я. В. Эвтаназия: история и современные дебаты. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2021. № 3. С. 12–25. DOI [10.31249/rsoc/2021.03.02](#). EDN [QLTBDT](#).
11. Inbadas H., Carrasco J. M., Clark D. Representations of palliative care, euthanasia and assisted dying within advocacy declarations // Mortality. 2020. Vol. 25, № 2. P. 138–150. DOI [10.1080/13576275.2019.1567484](#).
12. Tormos R., Rudnev M., Bartolomé Peral E. Patterns of change in the justifiability of euthanasia across OECD countries // Frontiers in Political Science. 2023. Vol. 5 (67). DOI [10.3389/fpos.2023.1036447](#). EDN [OHIMTU](#).
13. Inglehart R. C., Nash R., Hassan Q. N., Schwartzbaum J. Attitudes Toward Euthanasia: A Longitudinal Analysis of the Role of Economic, Cultural, and Health-Related Factors //

- Journal of Pain and Symptom Management. 2021. Vol. 62(3), 559–569. DOI [10.1016/j.jpainsymman.2021.01.009](https://doi.org/10.1016/j.jpainsymman.2021.01.009). EDN [WMHNSJM](#).
14. Микиртичан Г. Л., Суворова Р. В. Отношение студентов-медиков к эвтаназии // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. 190–193. EDN [UCMTPV](#).
 15. Наберушкина Э. К., Боженкова А. А. Сравнительный анализ отношения студентов юридических и медицинских факультетов к легализации эвтаназии // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 9 (113). С. 30–35. DOI [10.24158/spp.2023.9.3](https://doi.org/10.24158/spp.2023.9.3). EDN [MJTWFS](#).
 16. Богомяжкова Е. С., Рогожина Е. П. Отношение к эвтаназии в России и Германии: опыт сравнительного анализа // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 88–96. EDN [YMFZSF](#).
 17. Rudnev M., Savelkaeva A. Public support for the right to euthanasia: Impact of traditional religiosity and autonomy values across 37 nations // International Journal of Comparative Sociology. 2018. Т. 59, № 4. DOI [10.1177/0020715218787582](https://doi.org/10.1177/0020715218787582). EDN [IHMCIH](#).
 18. Алабердеева Г. Р. Отношение к эвтаназии (опыт анализа общественного мнения) // Социологические исследования. 2013. № 5 (349). С. 141–144. EDN [QYQLBV](#).
 19. Знаков В. В. Активная и пассивная эвтаназия: как ее понимают россияне (на примере жителей Смоленска и Самары) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3 (56). С. 168–175. EDN [UDZTWP](#).
 20. Руднев М. Г. Нормативные взгляды россиян на эвтаназию и смежные практики: поиск детерминант // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 1. С. 72–97. DOI [10.19181/socjour.2018.25.1.6280](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6280). EDN [LMJQPU](#).
 21. Россия на рубеже веков / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Ю. Чепуренко [и др.]. М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. 448 с. ISBN 5-8243-0175-1. EDN [SIJRBV](#).
 22. Бедность и бедные в современной России / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, Е. И. Пахомова [и др.] ; под общ. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Весь Мир, 2014. 304 с. ISBN 978-5-7777-0575-4. EDN [SXRYHR](#).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица

Коэффициент корреляции Спирмена для отношения к эвтаназии и наиболее тесно связанных с ним переменных¹

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена ²
Отношение к употреблению наркотиков	0,183
Отношение к измене Родине	0,175
Отношение к оскорблению чувств верующих	0,164
Доверие родственникам	0,162
Идентичность с людьми своей национальности	0,161

¹ За исключением переменных, вошедших в таблицу 2.

² Несмотря на достаточно низкие абсолютные значения коэффициента, все корреляции были статистически значимы на уровне 0,01.

Продолжение таблицы

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена ²
Идентичность с гражданами России	0,161
Отношение к публичному проявлению неприязни к представителям других национальностей	0,160
Считают, что в числе самых болезненных неравенств для общества наличие знакомств с «нужными людьми»	0,149
Тип собственности предприятия, на котором работают по найму	0,145
Идентичность с людьми той же веры, религии	0,142
Реализация задачи жить не хуже других	0,137
Идентичность с постоянно нуждающимися	0,130
Идентичность с людьми, близкими им по политическим взглядам	0,129
Считают, что в числе самых болезненных неравенств для них лично наличие знакомств с «нужными людьми»	0,129
Реализация задачи воспитать хороших детей	0,129
Доверие церкви	0,123
Идентичность с людьми такого же материального достатка	0,119
Реализация задачи честно прожить свою жизнь	0,117
Общее число идентичностей	0,116
Проблемы, связанные с их здоровьем или здоровьем других членов их семьи в последний год	0,114
Идентичность со всеми людьми на планете	0,113
Выбор в паре альтернативных суждений «Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл» / «Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна»	0,111
Считают, что в числе самых болезненных неравенств для общества неравенство в возможностях пользования компьютером и интернетом	0,109
Идентичность с теми, кто живёт в их городе или селе	0,108
Выбор в паре альтернативных суждений «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире» / «Россия не должна стремиться к укреплению державной мощи, лучше позаботиться о благосостоянии собственных граждан»	0,108
Последователем какой религии себя считают	0,108
Реализация задачи создать счастливую семью	0,107
Доверие членам семьи	0,107

Окончание таблицы

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена ²
Число символических идентичностей	0,105
Нет значимых лично для них неравенств	0,104
Идентичность с людьми той же профессии, рода занятий	0,102
Доверие президенту России	0,102
К кому Россия ближе по культуре – к Западу или Востоку	0,101
Доверие к соседям	0,099
Реализация задачи иметь свою отдельную квартиру/дом	0,099
Считают, что в числе самых болезненных неравенств для них лично неравенство жилищных условий	0,097
Выбор в паре альтернативных суждений «Ради высоких, общезначимых целей можно пожертвовать личным благополучием» / «Не готовы жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей»	0,090

Сведения об авторе

Н. Е. Тихонова

доктор социологических наук, профессор
главный научный сотрудник
SPIN-код: 1448-9948

Статья поступила в редакцию 16.07.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 20.11.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.1.4

ATTITUDES OF RUSSIANS TOWARDS EUTHANASIA: PECULIARITIES, DYNAMICS AND FACTORS

Natalia Evgenievna Tikhonova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

netichon@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-5826-4418

For citation: Tikhonova N. E. Attitudes of Russians towards euthanasia: peculiarities, dynamics and factors. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(1)81–107. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.4.

Abstract. Taking into account the relevance of the problem of euthanasia in the context of the increase in severe cancer and genetic diseases, the article shows, based on the data of the

Monitoring of the IS FCTAS RAS 2024 (N = 2000) and the World Values Survey (2006 and 2017–2022), that in their attitude towards euthanasia, Russians are divided into two almost equal groups. Each of them has its own core and periphery, the members of which occupy an oscillating or intermediate position between the cores of these groups. Such an ambiguous situation is not something unique – in the global context, Russia occupies an intermediate position between the countries of the “collective West” and the “world majority” in terms of its population’s attitude towards euthanasia, gradually converging with the latter. At the same time, the perception of euthanasia by Russians is not an isolated component of their worldview but is closely related to its other “blocks”. Even belonging to certain age or religious groups is important not in itself, but primarily through its influence on the formation of certain worldview systems. The key factor in terms of the comparative significance of worldview factors influencing the perception of euthanasia is the attitude to life as a value. This attitude is also associated with attitudes towards compliance with the requirements of the law and moral norms – like the denial of the value of life, moral and legal relativism increases tolerance towards euthanasia. Another important factor influencing the attitude of Russians towards it is the degree of a person’s integration into society, which is manifested through the nature of his identities and the level of interpersonal and institutional trust characteristic of him. The higher it is, the lower the tolerance towards euthanasia. Of the objective factors most closely associated with attitudes toward euthanasia, the most significant are the presence of serious health problems in the person himself or members of his household, as well as a violation of the work-rest balance that contributes to his “burnout,” significantly increasing tolerance to it.

Keywords: euthanasia, public attitude towards euthanasia, moral attitudes, assisted suicide, assisted dying, norms, values, mass consciousness

REFERENCES

1. Kapinus O. S. Euthanasia in light of the right to life [E'vtanaziya v svete prava na zhizn]. Moscow: Cameron; 2006. 479 p. (In Russ.). ISBN 5-9594-0059-6.
2. Sal'nikov V. P., Stetsenko S. G. Legal thanatology as an integral part of biojurisprudence. *Legal science: history and the presence=Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2015;(1):32–38 (In Russ.).
3. Mustafayev S. E. Euthanasia: legalization and criminal liability. *Actual problems of Russian law=Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava*. 2016;3(64):130–135. (In Russ.). DOI [10.17803/1994-1471.2016.64.3.130-135](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.64.3.130-135).
4. Antipov A. V. Suicide and euthanasia in bioethics: history and modernity Moscow: Kanon+, ROOI “Reabilitaciya”; 2024. 296 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-820-2.
5. Rybakova A. V., Makarova M. N. Methods of euthanasia of laboratory animals in accordance with the European directive 2010/63. *International bulletin of veterinary medicine=Mezhdunarodny'j vestnik veterinarii*. 2015;(2):96–107 (In Russ.).
6. Bogomiagkova E. S. Euthanasia as a social problem: strategies of problematisation and deproblematisation. *Journal of social policy studies=Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2010;8(1):32–52 (In Russ.).
7. Ivchenko I. A. Euthanasia as an expression of the freedom of will and the right to die (historical and philosophical analysis). *Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences=Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2009;(107):95–100. (In Russ.).
8. Rybin V. A. Philosophical foundations of the problem of euthanasia: methodological analysis. Abstract of a dissertation for the degree of doctor of philosophy. 2006; Ekaterinburg. 41 p. (In Russ.).

9. Pugacheva N. P., Zdorovinin V. A. Philosophical problems of veterinary medicine in the aspect of ethics of life. *National health=Nacional'noe zdorov'e*. 2020;(1):172–175. (In Russ.).
10. Evseeva Ya. V. Euthanasia: history and modern debates. (literature review). *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11=Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociology*. 2021;(3):12–25. (In Russ.). DOI [10.31249/rsoc/2021.03.02](https://doi.org/10.31249/rsoc/2021.03.02).
11. Inbadas H., Carrasco J. M., Clark D. Representations of palliative care, euthanasia and assisted dying within advocacy declarations. *Mortality*. 2020;25(2):138–150. DOI [10.1080/13576275.2019.1567484](https://doi.org/10.1080/13576275.2019.1567484).
12. Tormos R., Rudnev M., Bartolomé Peral E. Patterns of change in the justifiability of euthanasia across OECD countries. *Frontiers in Political Science*. 2023;5(67). DOI [10.3389/fpos.2023.1036447](https://doi.org/10.3389/fpos.2023.1036447).
13. Inglehart R. C., Nash R., Hassan Q. N., Schwartzbaum J. Attitudes toward euthanasia: a longitudinal analysis of the role of economic, cultural, and health-related factors. *Journal of pain and symptom management*. 2021;62(3):559–569. DOI [10.1016/j.jpainsymman.2021.01.009](https://doi.org/10.1016/j.jpainsymman.2021.01.009).
14. Mikirtichan G. L., Suvorova R. V. Attitude of medical students to euthanasia. [Otnoshenie studentov-medikov k e'vtanazii]. *Sociological journal=Sotsiologicheskij zhurnal*. 1996;(1-2):190–193 (In Russ.).
15. Naberushkina E. K., Bozhenkova A. A. Comparative analysis of law and medical faculties students' attitudes towards the legalization of euthanasia. *Society: sociology, psychology, pedagogy=Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika*. 2023;(9):30–35 (In Russ.). DOI [10.24158/spp.2023.9.3](https://doi.org/10.24158/spp.2023.9.3).
16. Bogomiagkova E. S., Rogozhina E. P. Attitudes to euthanasia in Russia and Germany: comparative analysis. *Sociological studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017;3(395):88–96 (In Russ.).
17. Rudnev M., Savelkaeva A. Public support for the right to euthanasia: the Impact of traditional religiosity and autonomy values across 37 nations. *International journal of comparative sociology*. 2018;59(4). (In Russ.). DOI [10.1177/0020715218787582](https://doi.org/10.1177/0020715218787582).
18. Alaberdeeva G. R. Attitudes to euthanasia (an attempt at analyzing public opinion). *Sociological studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013;5(349):141–144. (In Russ.).
19. Znakov V. V. Active and passive euthanasia: how Russians understand it (using the example of residents of Smolensk and Samara). [Aktivnaya i passivnaya e'vtanaziya: kak ee ponimayut rossiyanе (na primere zhitelej Smolenska i Samary')]. *Bulletin of the Russian foundation for humanities=Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2009;3(56):168–175. (In Russ.).
20. Rudnev M. G. Normative views of Russians on euthanasia and related practices: the search for determinants. *Sociological Journal=Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2019;25(1):72–97. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2018.25.1.6280](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6280).
21. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Chepurensko A. Yu. [et al.]. Russia at the turn of the century. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya; 2000. 448 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0175-1.
22. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Paxomova E. I. [et al.]. Poverty and the poor in contemporary Russia. Moscow: Ves' Mir; 2014. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0575-4.

Information about the Author

N. E. Tikhonova

Doctor of Sociology, Professor

Main Researcher

ResearcherID: **G-8413-2015**

Scopus AuthorID: **7006789882**

The article was submitted 16.07.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 20.11.2025.

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

Виктор Анатольевич Авксентьев¹

Светлана Юрьевна Иванова²

Марина Михайловна Шульга³

^{1,3} Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН (ЮНЦ РАН),
Ростов-на-Дону, Россия;

² Северо-Кавказский федеральный
университет (СКФУ),
Ставрополь, Россия

¹ vaavksentev@mail.ru,

ORCID 0000-0003-0762-3529

² isu-socf@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-2375-6348

³ shulgamm@mail.ru,

ORCID 0000-0002-4698-5197

Для цитирования: Авксентьев В. А., Иванова С. Ю., Шульга М. М. Вызовы и угрозы национальной безопасности РФ в северокавказском регионе в контексте геополитического кризиса: мнение экспертов // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 1. С. 108–126. DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.5. EDN OPBIMO.

Аннотация. В условиях сформировавшегося геополитического кризиса на южном стратегическом направлении и начавшейся гибридной войны против России ставка делается на фрагментацию российского общества, подстрекательство межэтнических и межконфессиональных расколов, негативную коррекцию макросоциальных идентичностей. Северный Кавказ, в силу своих социокультурных особенностей, фронтального положения и сохраняющих актуальность нерешённых застарелых проблем, является лёгким полем для подобного воздействия, однако геополитический контекст остаётся на периферии исследовательского интереса научного сообщества региона. Целью статьи является представление результатов анализа данных опроса экспертов – специалистов в сфере идентификации и оценки вызовов и угроз национальной безопасности в северокавказском регионе в контексте геополитического кризиса. Сбор данных осуществлён методом онлайн-опроса в мае – июне 2024 г. Совокупность экспертов состоит из представителей научного сообщества, административных структур, СМИ,

© Авксентьев В. А., 2026

© Иванова С. Ю., 2026

© Шульга М. М., 2026

руководителей НКО и общественных организаций субъектов РФ, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ. Отбор экспертов проводился методом «снежного кома». Значимость именно региональной экспертной оценки обусловлена, с одной стороны, большей погружённостью экспертов в проблему, с другой стороны, тем, что они способны влиять на общественное мнение и процессы, происходящие в регионе. Результаты исследования показывают, что геополитический кризис эксперты определяют как следствие исторически сложившихся противоречий между Россией и Западом, проявляющихся в настоящее время через риски формирования нестабильности функционирования ряда процессов в экономической, политической, информационно-идеологической сферах. Эта ситуация содержит в себе угрозы национальной безопасности России. Триггером современного геополитического кризиса эксперты считают обострение ситуации вокруг Украины и начало специальной военной операции. Геополитический кризис, по мнению экспертов, больше всего влияет на экономическую, идеологическую и информационную сферы развития Северного Кавказа, актуализируя риски информационного манипулирования, ориентированного, прежде всего, на обострение национального вопроса на Северном Кавказе, и возрастание угроз терроризма. Эксперты подчёркивают неоднозначное влияние геополитического кризиса на регион, указывая, что кризис не только породил новые и усилил имеющиеся проблемы и риски в сфере общественной безопасности, но и открыл новые возможности, в числе которых: рост доверия к власти, укрепление гуманистических ценностей, новые векторы партнёрства в экономике, развитие сельского хозяйства, рост туристической привлекательности региона. Эксперты считают приоритетом консолидацию регионального социума вокруг ключевых задач развития страны.

Ключевые слова: геополитический кризис, Северный Кавказ, вызовы экономические, политические, идеологические, мировоззренческие, этнополитические, экспертная оценка

Введение

Северный Кавказ в течение всего периода после распада СССР оставался в поле зрения политиков, учёных, публицистов [1; 2]. Регион, по мнению ряда экспертов, представляет собой одну из фронтальных территорий Российской Федерации [3; 4], что обусловлено противоречивостью протекающих здесь цивилизационных, этнополитических и этносоциальных процессов [5; 6].

Однако в третьем десятилетии XXI в. регион исчез с «первых полос» средств массовой информации, что объясняется двумя обстоятельствами. С одной стороны, обстановка в регионе стала более стабильной [7], с другой – снижение интереса к Северному Кавказу объясняется реформативным информационным поветрием: многие проблемы, поддерживавшие затяжной этнополитический кризис в течение почти трёх десятилетий, сохраняют актуальность, но, за исключением всплесков общественного резонанса, вызванных террористическими актами, перестали выступать в качестве информационных поводов.

Между тем на фоне снижения этнополитической напряжённости на первый план выдвигаются новые или смежные проблемы, в частности – всё более

важным в современной повестке региональных рисков Северного Кавказа становится религиозный фактор [8].

В условиях формировавшегося в течение как минимум десяти лет геополитического кризиса на южном стратегическом направлении и начавшейся гибридной войны против России [9], возросшего деструктивного воздействия на сознание населения ставка делается на фрагментацию общества, подстрекательство к межэтническим и межконфессиональным конфликтам, негативную коррекцию макросоциальных идентичностей [10]. Особое место в этой деятельности отводится дестабилизации обстановки на Северном Кавказе как на геостратегически важной территории со сложными социокультурными процессами. Основным инструментом являются некоторые интернет-ресурсы, деятельность которых направлена на радикализацию настроений жителей Северного Кавказа, особенно молодёжи [11; 12]. Молодёжные сообщества в информационном пространстве региона оказались в ситуации киберфронта [13]. Выявлена целая сеть каналов с националистической риторикой, не переходящих к прямым призывам к протестам против политики властей. Эти каналы отстаивают национальную идентичность народов Северного Кавказа, эксплуатируют тему ассимиляции местных этносов русскими, активно используют историко-травматический контекст [14]. Важная роль в этой практике отводится зарубежным диаспорам северокавказских народов [15; 16; 17].

Анализ более чем 450 статей, вышедших за 2018–2025 гг. в российских журналах, индексируемых в РИНЦ и посвящённых проблемам Северного Кавказа, показал, что даже в опубликованных после 2022 года работах геополитический контекст остаётся на периферии исследовательского интереса и более выражено прослеживается в работах учёных центральных учреждений и федеральных научно-образовательных центров из Южного федерального округа. Северокавказские авторы обращаются к геополитическому фактору чаще всего при изучении влияния санкций на экономические процессы в регионе [18]. Поэтому в рамках анализа вызовов и угроз общественной безопасности на Северном Кавказе авторы данной статьи обратились непосредственно к экспертам, работающим в регионе, среди которых более половины составили практические политики и лидеры мнений, 41% – научные работники. Цель исследования – выявить актуальные угрозы и риски укреплению общероссийской идентичности в северокавказском регионе в условиях резкого обострения геополитических противоречий и ведущейся против России гибридной войны. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о приоритете рисков информационного манипулирования, направленного на обострение национального вопроса на Северном Кавказе.

Методика исследования

Для достижения поставленной цели и верификации гипотезы в мае – июне 2024 г. был проведён опрос экспертов методом онлайн-анкетирования. Анкета

включила в себя 11 основных открытых вопросов, разделённых на три смысловых блока: понимание геополитического кризиса; оценка влияния геополитического кризиса на процессы, происходящие на Северном Кавказе; способы нейтрализации сложившихся вызовов и угроз; а также два вопроса о статусе экспертов. Всего опрошено 17 человек, из которых 7 – представители научного сообщества, 6 – руководители НКО и других общественных организаций, 3 – представители административных структур, 1 – представитель СМИ. В экспертном опросе приняли участие представители всех субъектов РФ, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО): Кабардино-Балкарской Республики (КБР) – 2 эксперта, Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) – 2 эксперта, Республики Дагестан (РД) – 2 эксперта, Республики Ингушетия (РИ) – 3 эксперта, Республики Северная Осетия – Алания (РСО–А) – 3 эксперта, Ставропольского края (СК) – 2 эксперта, Чеченской Республики (ЧР) – 3 эксперта. Отбор экспертов проводился методом «снежного кома». Значимость именно региональной экспертной оценки обусловлена, с одной стороны, большей погружённостью экспертов в проблему, с другой стороны, тем, что они способны влиять на общественное мнение и процессы, происходящие в регионе. Исследование проводилось в рамках реализации научной темы «Укрепление российской идентичности на Северном Кавказе как основа региональной безопасности в условиях геополитического кризиса» (государственное задание ЮНЦ РАН, номер госрегистрации 123111700015–8).

Результаты

Геополитический кризис как феномен современности. Современный период в развитии мира и российского общества часто характеризуют как геополитический кризис. Геополитика, по мнению эксперта – представителя научного сообщества из ЧР, это *«политическая концепция государств и стран, направленная на реализацию государственных и национальных интересов в сфере географического перераспределения территорий. Практика показала, что в основе геополитики некоторых современных государств самоцелью является передел географических границ и притязаний на территории “интересующих” их стран. Последнее характерно для государств, осуществляющих экспансию в отношении других народов и стран на международном уровне. Примером таковых государств являются США, Великобритания, Германия и ряд стран, насаждавших географический детерминизм ещё с эпохи колонизации»*¹. Поэтому, как говорит эксперт, геополитический кризис российского общества является надуманной проблемой – у России нет территориальных запросов, но сложившаяся ситуация *«таит в себе стратегическое противостояние – в столь сложной ситуации внешнеполитического давления коллективного Запада Россия выстраивает многополярную политику с Китаем, Индией, Ираном и т. д.»*.

¹ Курсивом выделены цитаты из ответов экспертов.

Эксперты (4 из 17) обращают внимание на исторические корни геополитического кризиса в современном мире: *«Противостояние России и стран Запада началось как минимум в XIII веке (1242 г., Ледовое побоище). К экономическим (путь из варяга в греки) и территориальным (богатые земли Новгорода) спорам добавлялись колоссальные религиозные разногласия. Попытки распространения католицизма и его влияние на политические отношения сегодня можно сравнить с расширением НАТО на восток. В сущности, это глобальное противостояние продолжается уже не менее 800 лет. Этим обусловлены все войны, которые вела Россия с западным миром, а также частично с миром востока, например – Турцией в XIX веке, которая находилась под влиянием Великобритании»* (СК, представитель общественных организаций). Эксперт – представитель научного сообщества из ЧР, также проводя экскурс в историю взаимодействия России с западными странами, делает вывод, что *«проблемой является не форма и вид правления [в России], а то, что страна [Россия], в условиях острой нехватки ресурсов, является лакомым куском для западных стран, для которых шаткость политической системы в России была бы более приемлемой – в сравнении с сильной, консолидированной формой правления»*.

Современными вехами геополитического противостояния называют Вторую мировую войну, результаты которой инициировали *«попытки военного восстановления территорий бывших колониальных империй, которые исчезли после Второй мировой войны, территориальные споры, возникшие в результате создания некоторых новых независимых государств в Азии, Африке, Европе и т. д., некоторые споры, возникающие в результате искусственного отслеживания границ, борьбы за сырьевые ресурсы и, в частности, за энергоресурсы, за нефть, в частности – за существование и углубление разрыва в экономической и военной мощи между государствами»* (ЧР, представитель общественных организаций), а также распад СССР, усиливший политическое, идеологическое и военное соперничество России и Запада: *«После распада СССР из его состава вышли 15 государств и несколько спорных территорий. Политика коллективного Запада всё это время была нацелена на то, чтобы распространить на эти страны своё влияние. Динамика этого процесса стала носить угрожающий характер для интересов России. Цветные революции прокатились почти по всей границе России... Впервые в новейшее время Россия по-крупному противостояла Западу в 2008 году, когда не отдала Южную Осетию и Абхазию, потом в 2014, – Крым, теперь – Украину. В геополитическом плане России нет необходимости вести войны с целью присоединения территории, ей более чем достаточно собственной территории и собственных ресурсов. Но Россия, как и всякое государство, обязана оберегать эту территорию, свести к минимуму геополитические угрозы, исходящие от других стран»* (РСО–А, представитель научного сообщества).

Триггером современного этапа геополитического кризиса двое экспертов называют события на Украине: *«Если брать неглубоко, то геополитический кризис связывается с проведением СВО на территории Украины и ухудшением отношений с западным блоком стран»* (СК, представитель общественных

организаций); *«Распад старых связей и возникновение новых усилился украинским фактором – он оказался наиболее уязвимым местом в поясе России»* (КЧР, представитель административных структур).

Геополитический кризис как явление часть экспертов (6 экспертов из 17) определяют как состояние нестабильности, точку бифуркации в развитии всего мира. В большей мере эта нестабильность проявляется на уровне международных отношений: напряжённость и конфликты на мировой арене, изменение баланса сил, рост недоверия между государствами, противоречия в распределении и перераспределении сфер влияния; угрозы целям, интересам и приоритетным ценностям отдельных государств и регионов; разрушение политического, экономического, транспортного взаимодействия и сотрудничества; изменение структуры и динамики национальных экономик и мировой экономики в целом. В то же время геополитический кризис способен парализовать функционирование социальных институтов внутри государств и влиять на социальное самочувствие отдельных индивидов.

Эксперты подчёркивают, что в современных условиях *«ни один кризис не может быть чисто региональным, и это подразумевает последствия, которые в некоторой степени затрагивают другие государства, которые не вовлечены напрямую... Причины региональных кризисов многочисленны и обусловлены совокупностью политических, идеологических, экономических, религиозных, культурных, военных, этнических, территориальных и иных претензий»* различных политических акторов (ЧР, представитель общественных организаций).

Геополитический кризис репрезентируется в различных сферах жизни российского общества и мира в целом.

1. В экономической сфере следствием геополитического кризиса являются, прежде всего, санкции: *«в отношении России применены различные меры санкционного характера. Для России ограничены возможности экспорта сырья, что делает уязвимой экономику не только России, но и европейских стран, где, как показывает практика, тоже идёт отмирание малого бизнеса, являющегося основой европейской модели среднего класса»* (ЧР, представитель научного сообщества). При этом используется политика двойных стандартов и нарушаются основополагающие принципы экономического развития: *«частная собственность в капиталистическом мире перестала быть неприкосновенной. Российские финансовые активы, замороженные в банковских структурах в странах Запада, их политики и финансисты намерены использовать для финансирования Киевского режима. Это решение западных элит подрывает доверие к их финансовым институтам. Правительства остальных государств мира больше не будут им доверять и заберут свои финансовые средства со счетов западных банков»* (РД, представитель общественных организаций).
2. В политической сфере основным является тренд на изменение геополитической структуры мира, системы взаимоотношений государств, регионального и национального сотрудничества: *«Текущую перестройку миропорядка*

принято считать переходом к многополярности. Она подразумевает создание альтернативных устаревшим форматам моделей международных отношений и глобального сотрудничества» (РИ, представитель научного сообщества); «Современное состояние международной обстановки характеризуется обострением политического противостояния, вызванного намерением США сохранить однополярный мир, с чем не согласны Россия, КНР и другие страны мирового сообщества» (КЧР, представитель общественных организаций). При этом «...на первый план выходят деструктивные механизмы [решения проблем]. Партнёрство и взаимовыгодное сотрудничество сменяются перманентным конфликтом и готовностью решать проблемы силовым путём... перспективы уладить конфликт с помощью диалога становятся всё более призрачными» (СК, представитель административных структур). Эксперты подчёркивают, что «совершенно чётко прослеживается тенденция игнорирования геополитических интересов России, несмотря на то, что, начиная с 90-х гг. XX века, Россия пытается влиться и быть полноправным участником международных процессов» (ЧР, представитель научного сообщества).

3. Наиболее наглядно геополитический кризис проявляется в стабильности/нестабильности социально-политических процессов. Закономерно, «подобные процессы [перестройка миропорядка] не могут происходить без турбулентности и радикальных изменений, событий (войн – в том числе информационных, гибридных), смещения фокуса (сейчас в восточную часть глобуса)» (РИ, представитель научного сообщества). Военные конфликты идут по всему миру: «чтобы сохранить гегемонию в современном мире, страны Запада во главе с США разработали концепцию войн эпохи постмодерна – “сетевые войны”, и не только. Эти войны постоянно ведутся в физической, социальной, экономической и информационной сферах» (РД, представитель общественных организаций). Именно в российском обществе геополитический кризис, по мнению эксперта – представителя общественных организаций из РСО–А, «может проявляться как усиление напряжённости в межэтнических отношениях», а также актуализирует угрозы терроризма.
4. В информационно-идеологической сфере геополитический кризис проявляется «как в расколе взаимопонимания между разными культурами, так и в трансформации ценностей, на которых основывается развитие общества на разных уровнях: от семьи до межгосударственного взаимодействия» (СК, представитель административных структур). Эксперт – представитель общественных организаций СК подчёркивает остроту этой стороны проявления геополитического кризиса для России: «кризис лежит... и в духовно-нравственной сфере, в поиске национальной идеи российского государства, выработка которой жизненно важна для будущего всех народов, проживающих на этой территории. Что есть Россия? Для чего это государство? Зачем ему такая большая территория? Россия – это грандиозная империя по сути

и по духу? Или уже хватит ей быть таковой – неуклюжей, неуправляемой, старой и отжившей? Может, проще было бы сделать на её месте несколько маленьких, легко управляемых и благополучных “швейцарий”? А будут ли эти осколки “швейцариями” или они станут непредсказуемым “диким полем” с ядерной бомбой? ...уходит ли из России ментально дух цивилизации Достоевского – ещё большой вопрос. Сегодня Россия вновь пытается задать эти вопросы себе и остальному миру, что неизбежно будет выливаться в противостояние с Западом» (СК, представитель СМИ). Рассматривая данный аспект проявления геополитического кризиса следует обратить внимание на двойные стандарты, используемые в информационно-идеологическом поле по отношению к России: «В то время как к России применяются всевозможные санкции в связи с событиями на Украине, израильская агрессия против Палестины, сопровождающаяся массовым уничтожением мирного населения, практически не осуждается западными элитами. Напротив, ведущие западные державы всячески поддерживают Израиль, становясь соучастниками геноцида палестинского народа в секторе Газа. Реакция людей по всему миру на одни и те же события разделилась» (РД, представитель общественных организаций).

Влияние геополитического кризиса на процессы, происходящие на Северном Кавказе. Характеризуя влияние геополитического кризиса на процессы в северокавказском регионе, эксперт – представитель научного сообщества из КБР отмечает, что в «структуре геополитических интересов России весь Кавказ занимает особое место. От степени контролируемости и предсказуемости ситуации в данном регионе в известной степени зависит государственная политическая стабильность, безопасность и устойчивое развитие российского общества, по крайней мере на Юге страны. В связи с этим без урегулирования геополитических проблем на Северном Кавказе и взвешенной региональной политики центра невозможно реализовать основной геополитический интерес российского государства – сохранение целостности геополитического пространства». Эксперт обращает внимание, что «здесь уже давно разыграны важнейшие военно-стратегические и геоэкономические сценарии начала XXI столетия». Аналогичной точки зрения придерживаются и другие эксперты: «Кавказ расположен на пересечении Европы и Азии и всегда был ключевым регионом для геополитической стабильности. В целом стабильность на Кавказе важна для обеспечения безопасности и прогресса всей страны» (КЧР, представитель административных структур); «Кавказский макрорегион – это многоуровневая система, в рамках которой переплетены народы, религии и культуры. Геополитическое пространство Кавказского макрорегиона, формируемое в условиях цивилизационного надлома, многомерно и противоречиво. В каждом субъекте макрорегиона можно выделить властные и оппозиционные образования, борющиеся за различные варианты общественного развития России (государственный, коммунистический, национально-патриотический, конфессиональный). Замедленное структурирование среднего класса усиливает цивилизационную

маргинальность новых и старых социальных образований» (КБР, представитель научного сообщества).

По мнению экспертов, геополитический кризис больше всего влияет на экономическую, идеологическую и информационную сферы региона.

В экономической сфере влияние геополитического кризиса проявляется в том, что наблюдаются *«экономические трудности, безработица и рост цен на продукты и топливо. Молодёжи тяжелее найти работу, а бизнесу – развиваться»* (РИ, представитель общественных организаций), а также *«...и инфляция, и снижение уровня жизни малообеспеченных и средних слоёв населения, и неопределённость, неуверенность в завтрашнем дне»* (РСО–А, представитель научного сообщества), *«снижение уровня жизни населения (обесценивание денег), экономические санкции (невозможность купить некоторые необходимые медикаменты, технику, продукты)»* (РСО–А, представитель научного сообщества). Эксперты отмечают, что *«...экономическая нестабильность и ограничение доступа к рынкам из-за внешних санкций или торговых ограничений могут негативно сказываться на развитии региона»* (РСО–А, представитель общественных организаций).

Пятеро экспертов связывают влияние геополитического кризиса на процессы, происходящие в регионе, с проведением СВО.

Прежде всего отмечается большая вовлечённость региона в процессы, связанные с проведением СВО: *«В силу территориальной близости к Украине (в сравнении со всей страной) южные регионы России испытывают на себе влияние геополитического кризиса гораздо в большей степени, чем, например, условная Сибирь... Понятно, что гуманитарные конвои легче формировать и отправлять из ближайших регионов, и тем более аграрно-животноводческих, чем издалека. Здесь действуют различные сообщества, собирающие помощь, за два года СВО выстроена логистика – кто занимается сбором, кто доставкой, кто продуктами питания, кто обмундированием и вооружением. В эту деятельность вовлечены не только активисты и волонтеры, но и предприятия, учреждения образования, бизнес, органы исполнительной власти, муниципалитеты»* (СК, представитель общественных организаций).

Отмечается также усиление внешнего информационно-идеологического воздействия: *«С начала проведения СВО ожидаемо активизировались финансируемые западными спецслужбами организации, которые пытаются раскачать обстановку в России. Внешнее негативное воздействие на Россию через интернет-ресурсы в 2023 г. увеличилось в 18 раз по сравнению с периодом до начала СВО на Украине»* (КЧР, представитель административных структур).

Артикулируются потенциальные риски роста социальной напряжённости в связи с проведением СВО: *«Во-первых, из многих семей молодые мужчины встали в ружьё, и не все они вернутся домой. Это самое страшное. Во-вторых, ...информационная война разделила общество, выделив из него группу людей, не разделяющих целей СВО, не понимающих истинных мотивов и интересов стран, столкнувшихся с Россией на территории Украины. Это большей частью молодые люди с ещё несформированными ценностями и жизненными принципами.*

Переворот и все последующие политические процессы на Украине произошли с молчаливого согласия равнодушных и при поддержке сбитых с толку украинцев. В-третьих, каждый думающий человек испытывает боль от того, что гибнут с обеих сторон молодые люди, что Запад воюет руками украинцев» (РСО–А, представитель научного сообщества); «Когда закончится СВО, значительно выросшие цены станут ещё более ощутимыми на фоне контраста зарплат (средняя зарплата в СКФО, по данным Северо-Кавказстата, – 40,5 тыс. рублей, добровольцам на СВО выплачивается от 205 тыс. рублей)» (СК, представитель общественных организаций).

В информационно-идеологической сфере геополитический кризис актуализировал *«более чёткую простроенность идеологии в целом в стране и, в частности, в СКФО, и востребованность артикуляции более чёткой, определённой государственной позиции в информационной сфере»* (КБР, представитель СМИ).

Наиболее выраженными рисками региональной стабильности в условиях гибридной войны против России, по мнению экспертов, являются информационное манипулирование и рост террористических угроз.

Информационное манипулирование, по мнению большинства экспертов (9 из 17), ориентировано, прежде всего, на будирование национального вопроса на Северном Кавказе: *«внешние силы осознают, что Кавказ характеризуется множеством этнических групп и конфессий, что создаёт потенциальные источники напряжённости и конфликтов. К примеру, только в КЧР проживают пять субъектообразующих народов (абазины, карачаевцы, ногайцы, русские и черкесы), каждый из которых имеет свою специфичную историю, в которой прослеживаются травмирующие события, оставившие глубокий след в сознании населения и [которые] могут создавать условия для формирования негативного отношения к центральной власти, радикализации и стремлений к самоопределению»* (КЧР, представитель административных структур); *«[риск] прежде всего проявляется в попытках дестабилизировать политическую обстановку посредством информационных атак и попытками разжигания региональных и конфессиональных конфликтов»* (РИ, представитель научного сообщества); *«российскому обществу, в том числе дагестанскому, пытаются навязать идею цивилизационного конфликта и расколоть граждан по религиозному и национальному признаку»* (РД, представитель административных структур). Эксперты отмечают также информационно-идеологическое влияние кризиса на молодёжь: *«этот кризис воздействует на отток представителей творческих профессий, желающих большей свободы для самовыражения, и молодёжи, воспитанной в парадигме философии потребления, привыкшей к определённому комфортному и где-то даже изживенческому существованию и не желающей поступаться ничем»* (КБР, представитель научного сообщества).

Риск актуализации экстремизма и терроризма в регионе подтверждается *«публичными задержаниями лиц, заинтересованных в дестабилизации общественно-политической ситуации в регионе»* (КЧР, представитель общественных организаций): *«активизация терроризма временно дестабилизировала*

геоэтнополитическое сознание, усилила тенденцию маргинализации северокавказского общества, что в целом определило многообразие форм девиантного поведения. Образовалась модель формирования протестного политического поведения: относительно высокая политическая активность населения – контролируемые административным ресурсом выборы, частичная легитимность политической власти» (КБР, представитель научного сообщества).

Эксперт из КБР, представитель СМИ, считает, что «влияние геополитического кризиса на процессы, происходящие в нашем регионе, не столь очевидно».

Эксперт – представитель научного сообщества из РИ считает, что геополитический кризис повлиял на регион только позитивно: «Экономически – дефицита нет, есть изменения на рынке в географии импортёров (Турция, появились Средняя и Центральная Азия, арабские страны – да и вообще Восток, Кавказ). Политически: ...произошёл рост доверия российской власти, политическому курсу за счёт официальной поддержки гуманистических ценностей, выбора правильных сторон в конфликтах, развенчания псевдодемократических взглядов западных стран. Поддерживается и курс на семейные ценности (это, кстати, отличная находка, которая объединяет большинство россиян вне зависимости от религии и пр.). Теперь зерно информационно-пропагандистской работы падает в благодатную почву. Даже тренды в образовании меняются: например, европейские языки не такие востребованные (часто недобор в вузах), зато открываются профили восточных языков (турецкий, китайский, арабский) – молодёжь видит в этих направлениях перспективу».

Эксперт – представитель общественных организаций из РД также выделил факт позитивного влияния геополитической ситуации на развитие региона: «рост турпотоков в Дагестан – многие зарубежные курорты недоступны из-за санкций», однако тут же отмечает и негативную сторону роста турпотоков: «из-за наплыва туристов резко выросли цены в республике на недвижимость, еду, такси и всё остальное. Очень сильно поднялись цены. Вот тут-то и страдают наши местные жители, ведь они ничего хорошего от туризма не получают. На туризме по серым схемам зарабатывают только сфера услуг, гостиничный бизнес и общественное питание. Они зарабатывают хорошие деньги. А все остальные страдают. Нагрузка на всё увеличилась. Огромные пробки на наших дорогах, мусорный завал – как в городах, так и в туристических местах, загрязнение водных ресурсов, сброс сточных вод в Каспийское море. И всё это в конечном итоге может привести к социальной напряжённости».

Способы нейтрализации вызовов и угроз. По мнению экспертов, для нейтрализации существующих вызовов и угроз нужны определённые действия в различных сферах жизни региона.

В экономической сфере необходимо создавать новые рабочие места, особенно для молодых людей, обеспечить повышение уровня жизни населения, искоренение коррупции, рост ВВП и расширение технологий, организовать импортозамещение и сформировать стратегические резервы для устойчивости в кризисных ситуациях, наладить переориентацию экономики на внутренние рынки и т. п.

Важность нейтрализации вызовов и угроз в экономической сфере обусловлена тем, что население региона *«должно ощущать социально-экономический рост, надёжность государства в этом плане»* (КБР, представитель СМИ): *«Человек, которому есть, что терять, сто раз подумает, взвесит, прежде чем идти на риск. Человек, имеющий возможность заработать на достойную жизнь честным трудом, не станет девиантом, преступником, генерирующим угрозы, – с большой долей вероятности. И напротив, если экономическая сфера в регионе организована так, что нет возможности реализовать свои жизненные цели, то люди часто преступают нормы морали, права, религии, нравственности. Именно такие люди используются для подрыва безопасности территории»* (РСО–А, представитель научного сообщества).

В политической сфере, по мнению экспертов, необходима оптимизация механизмов национальной политики: *«продвижение политики включения и диалога между различными этническими и религиозными группами с целью предотвращения политизации этничности и дестабилизации обстановки... Развитие механизмов раннего предупреждения и урегулирования конфликтов, включая меры по преодолению межэтнических и межконфессиональных разногласий»* (РСО–А, представитель общественных организаций); *«усиление роли государствообразующего русского народа, ужесточение наказаний за возбуждение межнациональной и межрелигиозной вражды, пресечение в соцсетях подобных высказываний, блокирование пабликов псевдоисламских проповедников с признаками ваххабизма, неприятия и критики других традиционных конфессий России (уголовная ответственность)»* (СК, представитель общественных организаций), а также оптимизация управления обществом в целом: *«необходима циркуляция политических элит... создание реального правового государства. Только решив внутренние проблемы, можно противостоять угрозам геополитического кризиса»* (РСО–А, представитель научного сообщества).

В сфере безопасности эксперты артикулируют три основные направления работы: 1) *«укрепление суверенитета России, усиленная работа спецслужб, органов безопасности»* (СК, представитель общественных организаций) для обеспечения *«внутренней безопасности, т. е. охрана гражданского населения, инфраструктуры, объектов, принятие законов, правил, осуществление профилактических мер и процедур, призванных выявить террористов и их намерения, предотвратить совершение террористических актов»* (ЧР, представитель общественных организаций); 2) *«укрепление внешних границ, укрепление обороноспособности и создание мощной армии»* (РСО–А, представитель научного сообщества), *«усиление мер безопасности и контртеррористических операций для борьбы с угрозами терроризма и экстремистских действий»* (РСО–А, представитель общественных организаций); 3) *«повышение уровня информационной грамотности и критического мышления в обществе для сдерживания информационного манипулирования»* (РСО–А, представитель общественных организаций), *«создание конкурентоспособных продуктов в сети интернет (например, необходимо серьёзно развивать российский аналог Youtube – RUTUBE), возможно*

даже – полностью суверенный интернет» (СК, представитель общественных организаций). Эксперты отмечают, что «особое внимание необходимо уделить работе в социальных сетях, которые наиболее активно используются деструктивными силами для промывки мозгов и порой вербовки сомневающихся» (СК, представитель административных структур).

В социальной сфере, по мнению экспертов, требуется «улучшение условий жизни и экономического развития региона для снижения социальной напряжённости и уязвимости к экстремистским и террористическим воздействиям» (РСО–А, представитель общественных организаций). Для этого необходимо «укреплять механизмы государственной социальной, экономической поддержки и помощи молодёжи» (КБР, представитель научного сообщества), «необходима прямая работа с молодёжью на всех уровнях взаимодействия: как с городской, так и с сельской молодёжью, с молодёжью из разных социальных групп. Поскольку молодёжь у нас очень разная, то в деле их патриотического воспитания нужно использовать все грани и аспекты патриотизма, которые могут быть ближе к тем или иным группам молодёжи. Кто-то больше проникается идеями патриотизма через занятия различными видами спорта, кто-то через институт семьи, кто-то легче впитывает патриотизм через экологическое волонтерство, добровольческие акции по защите окружающей среды, а кто-то через деятельность в сфере культуры или науки. Поэтому нужно находить и применять в деле патриотического воспитания молодёжи те сферы деятельности, которые интересны и больше подходят конкретным группам нашей многоликой молодёжи. Нужно стараться адресно работать со всеми группами и категориями нашей молодёжи, учитывая всё разнообразие их увлечений и интересов» (РД, представитель административных структур). Требуется также «найти выходы из сложнейших внутрироссийских проблем, первая и главная из которых – демографическая. Эта проблема напрямую и всерьёз угрожает России буквальным распадом, неспособностью удержания огромной территории» (СК, представитель общественных организаций).

Эксперты отмечают, что противостоять существующим угрозам можно только на основе консолидации общества: «Противостоять угрозам может только наше коллективное российское "Мы", наше осознание, что угроза для России – это угроза для каждого из нас. И защитить свою страну означает защитить себя и всех, кто живёт в этой стране, свою культуру, свой образ жизни, свои ценности и свою религию» (РИ, представитель научного сообщества); «Поскольку Россия многоконфессиональное и многонациональное государство, считаю необходимым поддержку национальных ценностей и идентичности, а также укрепление общественного доверия и сплочённости» (РИ, представитель общественных организаций). Основой для консолидации, по мнению экспертов, должно стать «формирование общей национальной идеи» (РИ, представитель научного сообщества), которая должна «декларироваться на масштабных образовательных, молодёжных форумах, других массовых площадках, развивающих социокультурный диалог» (СК, представитель административных структур).

В социокультурной сфере необходимо «создание условий для развития культурного и духовного наследия региона, которые будут способствовать укреплению социальной стабильности и снижению вероятности конфликтов, содействовать формированию позитивных ценностей и идентичности гражданина России, гражданина республики» (КБР, представитель научного сообщества), для чего предлагаются следующие меры:

- укрепление единства «российского многонационального народа на основе идеи патриотизма» (КЧР, представитель общественных организаций);
- «поддержка культурных и образовательных инициатив, направленных на укрепление и увеличение культурного взаимопонимания, повышение осознания и уважения к [этнокультурным] различиям» (РСО–А, представитель общественных организаций);
- «сохранение исторической памяти и повсеместное историческое просвещение. Обращение не только к памяти Великой Отечественной войны, но и к богатейшему победному наследию Российской Империи. Россия должна внятно сформулировать, кто она: светская страна-бензоколонка, из которой выкачивает ресурсы 1% олигархата, или всё-таки действительно большая страна, наследница Советского Союза, государство с глубинными смыслами для совместного сосуществования народов?» (СК, представитель общественных организаций);
- вовлечение российского общества «в процессы, связанные с осмыслением своей гражданской позиции» (ЧР, представитель научного сообщества).

Выводы

Результаты проведённого экспертного опроса выявили палитру мнений северокавказских исследователей, управленцев, общественных деятелей, работников СМИ о содержании и особенностях современного геополитического кризиса, продуцирующего непосредственные угрозы целям и национальным интересам российского государства на Северном Кавказе как на геостратегической территории Российской Федерации. Основное содержание текущей перестройки миропорядка состоит в переходе системы международных отношений к формату многополярности, вызвавшему череду крупных международных конфликтов. В качестве специфики современного этапа развития противоборства эксперты отметили усиление значения и потенциала информационного противоборства сторон конфликтов.

В экспертных интервью раскрыты основные риски, вызванные влиянием геополитического кризиса на ситуацию в северокавказском регионе: высокая вероятность усиления напряжённости в межэтнических отношениях; рост террористических угроз; усиление деструктивного информационного воздействия на регион; усиление межэтнической конкуренции за ресурсы на фоне экономических трудностей.

Эксперты подчёркивают неоднозначное влияние геополитического кризиса на регион, указывая, что кризис не только породил новые и усилил имеющиеся

проблемы и риски в сфере общественной безопасности, но и открыл новые возможности, в числе которых: рост доверия к власти, укрепление гуманистических ценностей, новые векторы партнёрства в экономике, развитие сельского хозяйства, рост туристической привлекательности региона.

В качестве основных мер для нейтрализации существующих вызовов и угроз в различных сферах жизни региона эксперты предлагают: предотвращение политизации этничности; укрепление диалога между различными этническими и религиозными группами; создание возможностей для реализации жизненных целей молодёжи; усиление роли русского народа как государствообразующего; создание условий для сохранения и приумножения культурного и духовного наследия региона. Эксперты отмечают неконсолидированность общества на Северном Кавказе и считают приоритетом консолидацию вокруг ключевых задач развития страны на современном этапе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колосов В. А., Себенцов А. Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 146–163. EDN **RXHOQH**.
2. Аствацатурова М. А., Понделков А. В. Новое прочтение старых проблем Северо-Кавказского федерального округа (политико-управленческое дежавю) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 8 (135) С. 139–143. EDN **DGZCEO**.
3. Магарамов Ш. А. Российский фронт на Северном Кавказе: проблемы периодизации // Журнал фронтальных исследований. 2023. Т. 8, № 4 (32). С. 17–29. DOI **10.46539/jfs.v8i4.514**. EDN **NIGNYK**.
4. Шакирова Е. Ю. Социокультурный фронт современности: результат аксиологических метаморфоз. Вестник ВГУ (Воронежский). Серия: Философия. 2020. № 2 (36). С. 124–130. EDN **EYQDWS**.
5. Атласкиров А. Р. Цивилизационная идентичность в регионах Северного Кавказа (на примерах Адыгеи и Кабардино-Балкарии) // Власть. 2020. Т. 28, № 5. С. 135–142. DOI **10.31171/vlast.v28i5.7588**. EDN **NZAWWO**.
6. Ачкасов В. А. Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряжённости // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 1. С. 33–48. EDN **HVKZKL**.
7. Социально-политические конфликты: теоретические представления и практики урегулирования / Л. И. Никовская, О. М. Михайленок, Л. Н. Тимофеева [и др.] ; отв. ред. Л. И. Никовская, О. М. Михайленок. М. : ФНИСЦ, 2024. 460 с. ISBN 978-5-89697-436-9. DOI **10.19181/monogr.978-5-89697-436-9.2024**. EDN **YKJNSU**.
8. Бритвин А. В. Конфликтологические подходы к предупреждению внешнего влияния на этнорелигиозный фактор (на примере Северного Кавказа) // Власть. 2024. Т. 32, № 5. С. 128–135. DOI **10.24412/2071-5358-2024-5-128-135**. EDN **NZLEVV**.
9. Сугаипова А. М. Геополитика и проблемы обеспечения национальной безопасности России на Северном Кавказе: история и современность // История, теория, практика российского права. 2022. № 15. С. 67–78. EDN **MPVUAV**.
10. Литвинов Н. Д., Милькевич Н. Д., Даржанов А. А. ...Измы Кавказа как идеологическая основа гибридных войн на Северном Кавказе: история и современность // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 34–59. EDN **MKSBDQ**.

11. *Габараева М. Р.* Дискурс «деколониализации» в антироссийских Telegram-каналах, ориентированных на Северный Кавказ (опыт контент-анализа) // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 79–93. DOI [10.31857/S0132162524080069](https://doi.org/10.31857/S0132162524080069). EDN **DKKBXS**.
12. *Авдеев Е. А., Воробьев С. М.* Риски конфликта групповых идентичностей полиэтничной молодежи Северного Кавказа // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 4. С. 104–124. DOI [10.18522/2227-8656.2021.4.8](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.4.8). EDN **PENNTF**.
13. *Лушников Д. А., Ерохин А. М., Сергодеева Е. А.* Молодежь на киберфронтире информационной войны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2025. Т. 18, № 1. С. 130–142. DOI [10.17213/2075-2067-2025-1-130-142](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2025-1-130-142). EDN **QXBJLL**.
14. Идеи «деколониализации» Северного Кавказа в современном общественном дискурсе / Е. В. Федосова, З. В. Канукова, Б. А. Синанов, А. Н. Гадиева // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023 Т. 14, № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/32SCSK423.pdf> (дата обращения: 09.07.2025). EDN **TSKZEC**.
15. *Узнародов Д. И.* Черкесский вопрос на юге России: этнополитические итоги и перспективы // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 3. С. 222–239. DOI [10.31143/2542-212X-2019-3-222-239](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-222-239). EDN **RUGSXZ**.
16. *Рамазанова П. Р.* Влияние внешнеполитической среды на внутреннюю обстановку в республике Дагестан // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 3А. С. 43–50. EDN **WWLMFH**.
17. *Добаев И. П., Добаев А. И., Гаджибеков Р. Г.* Векторы финансирования террористических структур в Северо-Кавказском регионе // Обзор. НЦПТИ. 2018. № 1 (12). С. 18–33. EDN **YUSAKW**.
18. Угрозы, риски и пути для укрепления общероссийской идентичности на Северном Кавказе как предмет научного дискурса / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко [и др.] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 4. С. 656–669. DOI [10.21638/spbu23.2024.404](https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.404). EDN **VQLEEN**.

Сведения об авторах

В. А. Авксентьев

доктор философских наук, профессор
заведующий лабораторией
SPIN-код: **4283-6033**

С. Ю. Иванова

доктор философских наук, профессор
заведующая кафедрой
SPIN-код: **4477-1418**

М. М. Шульга

доктор социологических наук, профессор
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: **8569-6461**

Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 12.11.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.1.5

CHALLENGES AND THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY IN THE NORTH CAUCASUS REGION IN THE CONTEXT OF THE GEOPOLITICAL CRISIS: EXPERTS' OPINION

Viktor Anatolyevich Avksentev¹

Svetlana Yur'evna Ivanova²

Marina Mihaylovna Shulga³

^{1,3} Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russia;

² North Caucasus Federal University (NCFU), Stavropol, Russia

¹ vaavksentev@mail.ru,

ORCID 0000-0003-0762-3529

² isu-socf@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-2375-6348

³ shulgamm@mail.ru,

ORCID 0000-0002-4698-5197

For citation: Avksentev V. A., Ivanova S. Yu., Shulga M. M. Challenges and threats to Russia's national security in the North Caucasus region in the context of the geopolitical crisis: experts' opinion. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(1):108–126. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.5.

Abstract. In the context of the geopolitical crisis that has formed in the southern strategic direction and the hybrid war against Russia that has begun, the opponents are betting on the fragmentation of the Russian society, inciting interethnic and interconfessional schisms, the negative correction of macro-social identities. The North Caucasus, due to its socio-cultural peculiarities, frontier location and preserving the relevance of unsolved outdated problems, is an easy field for such an impact, however, the geopolitical context remains on the periphery of the research interest of the region's scientific community. The purpose of the article is to present the results of the analysis of expert survey data – specialists in the field of identification and assessment of challenges and threats to national security in the North Caucasus region in the context of the geopolitical crisis. Data collection was carried out by the method of online survey in May – June 2024. The set of experts consists of representatives of the scientific community, administrative structures, the media, heads of NGOs and public organizations of the constituent entities of the Russian Federation included in the North Caucasus Federal District. The selection of experts was carried out by the «snow bug» method. The importance of regional expert evaluation is due, on the one hand, to their greater immersion in the problem, on the other hand, to the fact that they are able to influence public opinion and the processes taking place in the region. According to the results of the study, the experts define the geopolitical crisis as the historically developed contradictions between Russia and the West, which are currently manifested in a state of instability in the economic, political, information and ideological spheres. This situation is a tipping point in the

development of the whole world and contains threats to Russia's national security. The trigger of the modern geopolitical crisis, experts call the aggravation of the situation around Ukraine and the beginning of a special military operation. According to experts, the geopolitical crisis has the greatest impact on the economic, ideological, and informational spheres of development in the North Caucasus, increasing the risks of information manipulation aimed primarily at exacerbating the national issue in the North Caucasus and increasing the threat of terrorism. Experts emphasize the ambiguous impact of the geopolitical crisis on the region, pointing out that the crisis has not only created new problems and risks in the field of public safety, but also opened up new opportunities, including increased trust in the government, strengthening of humanistic values, new economic partnerships, agricultural development, and increased tourism attractiveness of the region. Experts consider it a priority to consolidate the regional society around the key development objectives of the country.

Keywords: geopolitical crisis, North Caucasus, challenges economic, political, ideological, value-based, ethno-political, expert assessment

REFERENCES

1. Kolosov V. A., Sebentsov A. B. The North Caucasus in Russian geopolitical discourse *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014;(2):146–163. (In Russ.).
2. Astvatsaturova M. A., Ponedelkov A. V. A new reading of the old problems of the North Caucasus Federal district (political and administrative déjà vu). *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management=Nauka i obrazovanie: xozyajstvo i e'konomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2021;(8):139–143. (In Russ.).
3. Magaramov Sh. A. The Russian frontier in the North Caucasus: issues of periodization. *Journal of Frontier Studies=Zhurnal frontirny'x issledovanij*. 2023;(4):17–29. (In Russ.). DOI [10.46539/jfs.v8i4.514](https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514).
4. Shakirova E. Yu. The sociocultural frontier of modernity: the result of axiological metamorphoses. *Vestnik VGU (Voronezh). Series: Philosophy=Vestnik VGU (Voronezhskij). Seriya: Filosofiya*. 2020;(2):124–130. (In Russ.).
5. Atlaskirov A. R. Civilization identity in the regions of North Caucasus (applying to the examples of Adygea and Kabardino-Balkaria). *Authority=Vlast'*. 2020;28(5):135–142. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v28i5.7588](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7588).
6. Achkasov V. A. North Caucasus: multifactoral ethno-political tension. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2021;(1):33–48. (In Russ.).
7. Nikovskaya L. I., Mikhailenok O. M., Timofeeva L. N., [et al.]. Social and political conflicts: theoretical concepts and settlement practices. Moscow: FNISC RAN; 2024. 460 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-436-9. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-436-9.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-436-9.2024).
8. Britvin A. V. Conflict analysis approaches to preventing external influence on the ethno-religious factor (on the example of the North Caucasus). *Authority=Vlast'*. 2024;32(5):128–135. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-5358-2024-5-128-135](https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-128-135).
9. Sugaipova A. M. Geopolitics and problems of ensuring Russia's national security in the North Caucasus: history and modernity. *History, theory, and practice of Russian law=Istoriya, teoriya, praktika rossijskogo prava*. 2022;(15):67–78. (In Russ.).
10. Litvinov N. D., Milkevich N. D., Darzhanov A. A. ...Isms of the Caucasus as an ideological basis for hybrid wars in the North Caucasus: history and modernity. *Legal Science: History and Modernity=Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2020;(6):34–59. (In Russ.).
11. Gabaraeva M. R. «Decolonization» discourse in anti-russian telegram channels aimed at North Caucasus (a content analysis). *Sociological Studies=Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024;(8):79–93. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524080069](https://doi.org/10.31857/S0132162524080069).

12. Avdeev E. A., Vorobyov S. M. Risks of conflict of group identities of the multiethnic North Caucasus youth. *Humanitarian of the South of Russia=Gumanitarij Yuga Rossii*. 2021;10(4):104–124. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2021.4.8](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.4.8).
13. Lushnikov D. A., Erokhin A. M., Sergodeeva E. A. Youth on the cyber frontline of the information war. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences=Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-e'konomicheskie nauki*. 2025;18(1):129–141. (In Russ.). DOI [10.17213/2075-2067-2025-1-129-142](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2025-1-129-142).
14. Fedosova E. V., Kanukova Z. V., Sinanov B. A., Gadieva A. N. Ideas of «decolonization» of the North Caucasus in contemporary public discourse. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies=Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya*. 2023;14(4). (In Russ.). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/32SCSK423.pdf> (accessed: 09.07.2025).
15. Uznarodov D. I. The cherkessk issue in the South Russia: inner challenges and geopolitical risks. *Caucasology=Kavkazologiya*. 2019;(3):222–239. (In Russ.). DOI [10.31143/2542-212X-2019-3-222-239](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-3-222-239).
16. Ramazanova P. R. The influence of the foreign policy environment on the internal situation in the Republic of Dagestan. *Theories and Problems of Political Studies=Teorii i problemy politicheskikh issledovanii*. 2019;8(3A):43–50. (In Russ.).
17. Dobayev I. P., Dobayev A. I., Gadzhibekov R. G. Vectors of financing terrorist structures in the North Caucasus region. *Review. NCPTI=Obzor. NCPTI*. 2018;(1):18–33. (In Russ.).
18. Avksentev V. A., Aksiumov B. V., Gritsenko G. D., [et al.]. Threats, risks and ways to strengthen all-Russian identity in the North Caucasus as a subject of scientific discourse. *Political Expertise: POLITEX=Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS*. 2024;20(4):656–669. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu23.2024.404](https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.404).

Information about the Authors

V. A. Avksentev

Doctor of Philosophy, Professor
Head of the Laboratory
ResearcherID: [J-4088-2018](https://orcid.org/0009-0001-9000-4088)
Scopus AuthorID: [23975596000](https://orcid.org/0009-0001-9000-4088)

S. Y. Ivanova

Doctor of Philosophy, Professor
Head of the Department
ResearcherID: [J-3102-2018](https://orcid.org/0009-0001-9000-3102)
Scopus AuthorID: [57211333073](https://orcid.org/0009-0001-9000-3102)

M. M. Shulga

Doctor of Sociology, Professor
Leading Researcher
ResearcherID: [J-3428-2018](https://orcid.org/0009-0001-9000-3428)
Scopus AuthorID: [57211329584](https://orcid.org/0009-0001-9000-3428)

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.07.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 12.11.2025.

СУБКУЛЬТУРА КВАДРОБЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ДЕВИАНТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Яна Андреевна Ардельянова¹
Виктория Владимировна Брюно²

^{1,2}Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

¹ardyana@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-8881-6121

²victoria.bruno@mail.ru,

ORCID 0000-0001-9735-024X

Для цитирования: Ардельянова Я. А., Брюно В. В. Субкультура квадроберов в современной России: социальные риски и девиантогенный потенциал // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 1. С. 127–150. DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.6. EDN OMUMKZ.

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу субкультуры квадроберов как феномена современной подростковой культуры в России, с опорой на социологию детства, социологию тела, теории перформативности и классические концепции молодежных субкультур. На материалах мониторинга открытых онлайн-сообществ, контент-анализа публикаций в социальных сетях, а также полуструктурированных интервью с участниками и их родителями рассмотрены социально-демографический состав, мотивационные установки и основные практики членов сообщества. Показано, что квадробинг объединяет игру, телесное перевоплощение и онлайн-общение, формируя уникальную субкультурную идентичность. Субкультура имеет амбивалентный характер: для одних подростков она выступает пространством креативного самовыражения, социальной поддержки и символического сопротивления; для других – компенсаторным механизмом в условиях эмоциональной депривации или социальной изоляции. Выявлено, что риски участия связаны не столько с самой субкультурой, сколько с уязвимостью части участников. При этом отмечено, что специфика практик, включая феномен «шифта» и групповую динамику, может усиливать уже имеющиеся трудности социализации, размывать границы между игрой и реальностью и способствовать формированию склонности к рискованному поведению. Обнаружено, что высокая степень стигматизации и буллинга в отношении квадроберов способствует внутригрупповой сплочённости, но одновременно закрепляет их статус «аутсайдеров». Полученные результаты позволяют уточнить спектр адаптационных и девиантогенных факторов, связанных с субкультурой, и обосновывают необходимость её дальнейшего изучения и разработки адресных профилактических мер; они также могут быть использованы для анализа сходных цифровых подростковых субкультур с телесно-перформативным компонентом.

© Ардельянова Я. А., 2026

© Брюно В. В., 2026

Ключевые слова: квадробинг, подростковые субкультуры, девиантное поведение, уязвимость подростков, стигматизация, моральная паника, онлайн-сообщества, подростковая социализация

Введение

В 2024 году в публичном пространстве России стремительно распространился необычный молодёжный феномен – субкультура квадроберов. Под этим термином¹ понимается практика передвижения на четвереньках, возникшая в социальных сетях и постепенно превратившаяся в форму самовыражения и групповой идентичности. Возникнув под влиянием интернет-трендов и зооморфных молодёжных практик, квадробика быстро оформилась как самостоятельное явление. Пройдя пик медийного внимания в 2024 году, к середине 2025-го движение перешло в латентную фазу, что, однако, не отменяет его социокультурной значимости как нишевой практики. В процессе формирования квадробика частично восприняла элементы игровых и спортивных форматов (паркур, animal flow² и др.). Благодаря платформам TikTok и YouTube субкультура быстро обрела популярность в разных странах, особенно в России и Восточной Европе.

Несмотря на очевидную игровую составляющую, движение вызвало значительный общественный резонанс. По данным ВЦИОМ (2024 г.), 74% опрошенных считали квадробика поводом для родительской тревоги, а 35% поддерживали идею её полного запрета³. Медиополе активно транслировало сообщения о нападениях и укусах⁴, неподобающем поведении подростков в общественных местах⁵, случаях отравления кормом для животных⁶, что усиливало обеспокоенность и способствовало политизации темы. В экспертных комментариях квадроберов всё чаще стали относить к группам с девиантным потенциалом,

¹ Квадробика или квадробинг – от англ. Quadrobics – сочетание quadrupedal «четвероногий» и aerobics «аэробика».

² Animal flow – форма тренинга, включающая движения, имитирующие повадки животных (ползание, прыжки, «походка зверя» и др.). Основана на работе с собственным весом и сочетает элементы йоги, капозйры и паркура.

³ Квадроберы: кто это такие и нужно ли с ними бороться? // ВЦИОМ : сайт. 16.10.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvadrobery-kto-eh-to-takie-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 05.07.2025).

⁴ Шведкина А. Кто сказал мяу? Зачем взрослая квадроберша укусила ребёнка на площадке // Аргументы и факты Кубань : сайт. 03.10.2024 URL: <https://kuban.aif.ru/incidents/kto-skazal-myau-pochemu-vzroselaya-kvadrobersha-ukusila-rebenka-na-ploshchadke> (дата обращения: 04.07.2024).

⁵ Детский омбудсмен назвала условие запрета в России движения квадроберов // Известия IZ : сайт. 27.05.2025. URL: <https://iz.ru/1702947/2024-05-27/detskii-ombudsmen-nazvala-uslovie-zapreta-v-rossii-dvizheniia-kvadroberov> (дата обращения: 04.07.2025).

⁶ Голубицкая Ж. «Я тебя зарежу»: на каникулах квадроберов одолели угрозы и отравления // МК.ru : сайт. 17.06.2024. URL: <https://www.mk.ru/social/2024/06/17/ya-tebya-zarezhu-na-kanikulakh-kvadroberov-odoleli-ugrozy-i-otravleniya.html> (дата обращения: 04.07.2025).

увязывая их с рисками психических расстройств и угрозой традиционным ценностям¹. Таким образом, квадробика оказалась вписана в более широкий дискурс о границах нормального и отклоняющегося поведения.

В российском академическом поле квадробика пока мало исследована. Наша работа носит разведывательный характер: она не претендует на исчерпывающий анализ, но стремится обозначить теоретические и эмпирические рамки для дальнейшего изучения. Мы намеренно выходим за пределы морализаторского дискурса, рассматривая квадробикку не только как предмет общественной тревоги, но и форму молодёжного самовыражения и цифровой субкультуры. Цель работы – рассмотреть социокультурные особенности движения (формы поведения, символику, ритуалы, онлайн-коммуникации), а также социально-психологический портрет участников, их мотивационные установки, общественное восприятие и потенциальные риски вовлечения в данную субкультуру.

Концептуальные подходы к изучению субкультуры квадроберов

Несмотря на наличие множества исследований смежных антропоморфных субкультур (фурри, терриантропия) в западной литературе, специфика квадробики остаётся малоизученной как в зарубежном, так и в российском академическом поле. Существующие подходы к молодёжным субкультурам, телесным практикам и цифровизации обычно рассматриваются отдельно и не учитывают уникальное сочетание трёх факторов: подросткового возраста как пространства сопротивления, телесной перформативности и цифровой опосредованности.

В нашем исследовании квадробика анализируется как субкультурная практика, сочетающая подходы социологии детства, социологии тела и теории перформативности, а также включающая элементы девиантологии и культурной антропологии. Интеграция этих перспектив позволяет видеть квадроберов не как маргинальную или патологизированную группу, а как социальное явление, в котором телесные практики, игра, цифровая культура и сопряжённые с ними риски формируют особую форму субкультурной идентичности.

Анализ квадробики требует разграничения с близкими по духу, но разными по практике антропоморфными субкультурами – фурри и терриантропами. Фурри – творческое сообщество, в котором участники создают образы антропоморфных животных и выражают себя через костюмы (фурсыюты), рисунки и персонажей, не отождествляя себя с животными буквально [1]. Террианы, напротив, сосредоточены на внутреннем самоощущении себя как животного, почти не используя визуальные атрибуты и строя идентичность вокруг глубокого отождествления с «животным духом» [2; 3]. Квадроберы занимают особое

¹ Бородина Е. Не лает, не кусает: зачем подростки притворяются животными // Известия IZ: 23.09.2024. URL: <https://iz.ru/1761101/evgeniia-borodina/ne-laet-ne-kusaet-zachem-podrostki-pritvoraiutsia-zhivotnymi> (дата обращения: 05.07.2025).

место на этом культурном поле. Их отличие заключается в акценте на телесном подражании животным, они переводят игру в язык тела, сочетая движения, игру и элементы спорта: бегают на четвереньках, прыгают, воют, имитируют повадки волков, лис или кошек. Атрибутика минимальна: маски, уши, хвосты, часто сделанные вручную.

Такая игровая направленность отчасти объясняется возрастной спецификой сообщества. В российских квадроберских группах доминируют дети младшего и среднего подросткового возраста (примерно 9–14 лет), тогда как среди террианов чаще встречаются старшие подростки (14–18 лет) и молодёжь, а среди фурри – нередко и более взрослые участники [1; 2].

Возрастной состав напрямую связан с особенностями социального положения участников, что делает релевантным обращение к социологии детства. Как показывает Й. Квортруп [4], детство следует понимать не как естественную стадию развития, а как социальный институт, в рамках которого взрослые закрепляют собственные нормы и ожидания от детей. Несовершеннолетним часто приписывается статус «неготовых к автономии», что ограничивает их агентность и оставляет мало пространства для самовыражения. При таком рассмотрении практика квадроберов приобретает особый смысл: маска и движения на четвереньках из простой игры превращаются в инструмент символического сопротивления, что ярко проявляется в их текстах, например, в гимне квадроберов: *«Это для смелых: перчатки и хвост, и нет таких причин, чтоб не вступить в игру. А есть такой закон: “движение вперёд”, и кто с ним не знаком, навряд ли нас поймёт»*¹.

В этих строках выражена позиция отказа от навязанного взрослыми образа «несамостоятельного ребёнка» и утверждения собственного закона. Через такие тексты и практики квадроберы формируют субъектность, в которой игра и телесность становятся не инфантильным развлечением, а способом предъявления права на самостоятельность.

Центральным элементом формирования «идентичности» квадробера становится выбор *териотипа* (от латинского *theria* – звери) – животного, с которым участник себя отождествляет. Териотип задаёт символическую основу, а также конкретный телесный сценарий: он определяет манеру движения, стиль поведения, вид маски и характер «игры». Такое «воплощённое разыгрывание» идентичности соотносится с драматургической социологией Э. Гоффмана [5], в которой социальное взаимодействие рассматривается как исполнение ролей на сцене. Для квадроберов такими сценами становятся парки и видеоролики в TikTok, где они обращаются одновременно к своему сообществу и внешней аудитории.

Телесные «сценарии» работают не только как игра, но и как механизм формирования самой идентичности. Согласно Дж. Батлер, она складывается не раз и навсегда, а через повторяемость телесных актов [6]. Для квадроберов

¹ Гимн квадробики // Квадробика спорт: сайт. URL: <https://quadrobics.ru/anthem-quadrobics.html> (дата обращения: 15.07.2025).

так называемая «животная идентичность» рождается именно в регулярной телесной перформативности: ползании на четвереньках, вое, использовании звериных прозвищ. Повтор этих действий закрепляет ощущение принадлежности к нечеловеческой роли, делая её подлинно переживаемой. Этот подход получает дополнительное обоснование в теории практик Т. Шацки [7], согласно которой социальное поведение складывается не из отдельных жестов, а из рутинных практик. В таком свете ношение маски, движение на четвереньках и использование атрибутики у квадроберов становятся частью организованного репертуара, поддерживающего сообщество и определяющего характер взаимодействия. Подобные практики нередко становятся для подростков «сенсорным убежищем» [8]. Ограниченное зрение в маске и тактильные ощущения костюма помогают им чувствовать себя более безопасно и эмоционально стабильно. Аналогичные эффекты отмечены и в фурри-культуре: костюмы служат средством снижения тревожности и поиска безопасного пространства¹.

Важной особенностью субкультурной идентичности квадроберов является её подвижный и игровой характер. Для многих участников квадробика становится способом примерить «другое Я». Идентичность квадробера складывается как временный опыт, напоминающий игру со стилями и ролями. Не случайно многие квадроберы признаются: «Я – другой». Здесь усматривается стремление совместить личный выбор с чувством сопричастности к сообществу. Подобное понимание близко к тому, что Д. Магглтон описывает как «социально разделяемый индивидуализм» [9], когда субкультура предоставляет участникам возможность по-своему интерпретировать общую тему, сохраняя принадлежность к сообществу. Такой временный и вариативный характер идентичности иллюстрируется концепцией мимикрии Р. Кайуа [10] – игры, предполагающей вхождение в альтернативную реальность. Подростки «играют, чтобы поверить», создавая пространство, в котором можно выйти за рамки привычной социальной идентичности.

Классическая теория субкультур даёт ещё один ракурс для понимания феномена квадроберов. Д. Хебдидж [11] видел в субкультурных стилях завуалированные послания несогласия. Гимн квадроберов гласит: «*Прощайте стены, прощайте оковы! Нас ждут весёлые Квадро-походы*». Квадробика здесь предстаёт формой стилового сопротивления, превращая девиантное поведение (передвижение на четвереньках, воплощение животных образов, вой, рычание, ношение хвостов) в способ артикуляции инаковости и зрелищный жест оппозиции. Общественные реакции усиливают этот эффект: теории моральной паники [12] и навешивания ярлыков [13] позволяют понять, как тревога и стигматизация способствуют укреплению субкультурной идентичности и сплочению сообществ.

Наконец, культурно-антропологический подход даёт понимание, почему подобные практики вызывают столь сильное общественное отторжение.

¹ International Anthropomorphic Research Project. Fursona as Ideal Self // Furscience : сайт. URL: <https://furscience.com/research-findings/fursonas/3-12-fursona-as-ideal-self> (дата обращения: 02.08.2025).

Антрополог М. Дуглас показывала, что поведение, нарушающее границу (в случае квадроберов границу «человек – животное»), воспринимается обществом как «скверна» [14]. Это подтверждается, например, и в негативных реакциях официальных лиц, называющих квадробику «отказом от человечности»¹. Однако культурная традиция знает и иные трактовки подобных трансгрессий. Так, М. Бахтин рассматривал карнавал как временную инверсию норм, при которой переворачиваются иерархии, включается «низменное» и смешное, и общество на время освобождается от привычных ограничений [15]. В этом ключе перевоплощение квадроберов можно интерпретировать не только как нарушение границ, но и как поиск утопического пространства свободы через коллективную игру.

Сегодня такой опыт «утопической свободы» всё чаще разворачивается не в уличной толпе, а в сетевых сообществах. Для квадроберов онлайн-среда становится и сценой, и зрительным залом. То, что раньше могло бы остаться локальной эксцентричностью, в эпоху TikTok и YouTube превращается в глобальный тренд благодаря массовому распространению видео в интернете. В социологическом плане интернет-сообщества можно рассматривать как новую форму «неоплемена» (в терминологии М. Мафессоли “neo-tribe”) – гибких, эмоционально окрашенных, сообществ вокруг общего стиля жизни, увлечения или разделяемых смыслов [16].

В нашем исследовании квадробика предстаёт как форма телесного самовыражения: подражание звериным повадкам становится для подростков способом выйти за пределы привычного, ощутить собственную особенность и обрести чувство принадлежности. Девиантность проявляется не как патологическое отклонение, а как символическое противостояние норме – характерный механизм молодёжных субкультур. Эта телесная и социальная инаковость амбивалентна: создавая поддерживающее пространство и обеспечивая признание, она одновременно делает участников объектами стигматизации и морализаторских дискурсов, что повышает риск изоляции и непонимания. В этом противоречивом измерении квадробинг соединяет адаптационные и дезадаптационные элементы, помогая справляться с неопределённостью и дефицитом признания, но и продуцируя риски.

Эмпирическая база и методы исследования

Исследование выполнено с использованием качественных методов, ключевым из которых стал систематический мониторинг интернет-пространства (март 2024 – июнь 2025). Это позволило реконструировать как внутреннюю структуру субкультуры квадроберов, так и её публичное восприятие. Особое

¹ Одоевцева С. В Госдуме собрались инициировать закон, запрещающий пропаганду «расчеловечивания детей» // МК.ru : сайт. 21.07.2025. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/07/21/v-gosdume-sobralis-iniciirovat-zakon-zapreshhayushhiy-propagandu-raschelovechivaniya-detey.html> (дата обращения: 07.07.2022).

внимание уделялось цифровой среде как основному пространству формирования, развития и репрезентации движения. По данным компании Brand Analytics, с 1 октября 2023 г. по 16 октября 2024 г. в русскоязычных социальных сетях опубликовано более 1,18 млн сообщений с упоминанием квадроберов, собравших свыше 39 млн реакций¹. Эти цифры свидетельствуют о высокой заметности феномена и подтверждают необходимость анализа онлайн-контента как значимого источника эмпирических данных.

В качестве первичного материала использовались открытые данные из сообществ и платформ, являющихся основными площадками активности участников. В выборку вошли крупнейшие подростково ориентированные сообщества во «ВКонтакте» («Квадроберы» – более 5 тыс. участников; «Квадробика – Спорт – Quadrobics – Sport» – около 2,2 тыс.; «Квадробика. Терианы» – около 2 тыс.; «Квадроберы Club» – около 1,3 тыс.), Telegram-группа «Квадроберы» (почти 6 тыс.), к которой прикреплен чат с регулярным живым общением, а также несколько небольших частных Telegram-каналов. Анализировались комментарии и дискуссии на YouTube и TikTok – основных площадках визуальной репрезентации квадробики. Для сопоставления с зарубежным опытом привлекались англоязычные материалы с сайта Reddit и специализированных форумов.

Отбор групп осуществлялся по принципу актуальности и регулярной активности: учитывалось наличие постоянных публикаций, фото- и видеоконтента, дискуссий и комментариев. Не включались заброшенные или архивные сообщества. В совокупности было проанализировано свыше 1 000 единиц контента (постов, видеороликов, обсуждений, комментариев). Достигнуто смысловое насыщение: новые материалы перестали добавлять принципиально новые темы.

Анализ собранных материалов проводился вручную методом тематического анализа. Все тексты, посты и видеоматериалы были просмотрены и закодированы по ряду смысловых блоков. Первоначальное кодирование включало выделение повторяющихся тем (например: «идентичность», «игра», «отношения с родителями», «стигматизация», «мотивы вовлечения», «мотивы участия», «риски»), после чего коды были объединены в более крупные категории. Для повышения валидности применялась внутренняя триангуляция данных (сопоставление материалов социальных сетей, комментариев и интервью). Использовались элементы нарративного подхода для анализа того, как участники конструируют рассказы о себе и сообществе.

В ходе картирования цифрового поля были зафиксированы онлайн-группы с преимущественно взрослым контингентом, повестка которых носит сексуализированный или маргинализированный характер. Эти сегменты не включались в анализ, но отмечены как перспективные для отдельного исследования.

Для углубления анализа проведены полуструктурированные интервью с подростками женского пола (11–14 лет, N=5), идентифицирующими себя как

¹ Канаев П., Лисицына М. Мех, да и только. Как квадробинг оказался в фокусе публичного интереса // РБК : сайт. 19.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/10/21/67111df59a79474867f34a69> (дата обращения: 05.07.2025).

квадроберы, и их матерями (36–44 года, N=4, одна мать отказалась от участия). Выборка ограничена из-за настороженности родителей и подростков, а также высокой публичной чувствительности темы. Интервью рассматривались как дополнительный материал к контент-анализу, позволяющий уточнить и углубить результаты. Рекрутирование информантов осуществлялось по принципу доступных случаев через онлайн-сообщества и личные рекомендации. Все беседы с подростками проводились только с согласия родителей и с соблюдением принципов анонимности и конфиденциальности. Для установления доверия беседы велись в привычных для подростков онлайн-каналах («ВКонтакте», Telegram), с предварительным разъяснением цели исследования и использованием открытых, недирективных вопросов.

Гайд интервью с подростками включал вопросы о длительности участия в субкультуре, мотивах вовлечения, характере практик, значении субкультуры в их жизни и восприятии отношений внутри и вне сообщества. Вопросы к родителям касались восприятия интересов дочерей, их оценки рисков и опасений, а также отношения к самой субкультуре. Все интервью анализировались с помощью тематического анализа, что позволило выделить основные категории мотивации, эмоционального опыта и восприятия субкультуры в межпоколенческом ключе.

Кроме того, был рассмотрен кейс одной из активных участниц субкультуры, 11-летней блогерки, проживающей в крупном мегаполисе и регулярно проводящей лето в южном регионе России, ведущей страницу во «ВКонтакте». В связи с наличием чувствительных тем, исследование проводилось с особым вниманием к этическим аспектам: личные данные не публиковались, акцент делался на дискурсивных особенностях. Анализ охватывал видеоролики, тексты и комментарии, с учётом тематики, эмоциональной тональности и вовлечённости аудитории.

Дополнительно был проведён вторичный анализ количественных исследований (включая ВЦИОМ и др.), а также обзор научных и публицистических источников, что обеспечило контекстуализацию полученных данных и их сопоставимость.

Квадробинг в массовом сознании

Анализ социологических опросов и экспертных публикаций показывает, что в российском обществе субкультура квадроберов воспринимается преимущественно негативно, особенно старшим поколением. При этом в общественном и экспертном дискурсе прослеживается амбивалентность: часть трактует квадробинг как креативную форму самовыражения, тогда как другая часть склонна интерпретировать его в терминах девиантного поведения [17]. Так, по данным ВЦИОМ, 58% россиян слышали о квадроберах; среди молодёжи, рождённой после 2001 года, уровень осведомлённости достигает 87%, среди старшего поколения (рождённые до 1947 года) – лишь 29%. Половина опрошенных (51%) заявляют, что испытывали бы негативные эмоции при встрече с квадробером, особенно жители сельской местности (61%); 74% считают интерес ребёнка

к квадробике весомой причиной для родительской тревоги; 38% выступают за контроль движения, 35% – за полный запрет и лишь 19% поддерживают свободу самовыражения¹. Другие исследования фиксируют, что 36% респондентов относят квадробинг к девиантному поведению, а 34% – к психическим отклонениям [17]. Эти данные отражают не только разную степень информированности, но и разные культурные матрицы оценки: молодёжь чаще видит в явлении игровую или эстетическую ценность, старшее поколение – угрозу нормам и порядку.

Другое направление связано с объяснением мотивов вовлечения подростков. Наиболее распространены версии о негативном социокультурном влиянии (35%) – интернете, модных трендах и западной массовой культуре; недостатках воспитания и образования (32%); возрастных особенностях (25%) – потребности в игре и самовыражении. Каждый пятый респондент указывает на дефицит организованных занятий, каждый десятый – на психологические трудности и протестное поведение². По данным другого опроса, 61,1% считают, что социальные сети нормализуют девиантное поведение; также упоминаются стремление к самовыражению (57,3%), сложности в детско-родительских отношениях (16,5%) и проблемы досуга (10,5%) [17]. Эти объяснения преимущественно исходят из «взрослой» позиции и несут отпечаток морализаторских установок, при которых девиантность понимается как результат дефицитов или сбоя в социализации, а не как автономная форма культурного творчества подростков.

В целом данные свидетельствуют, что квадробинг в массовом сознании закрепляется как практика с высоким девиантногенным потенциалом и воспринимается не как индивидуальная эксцентричность, а как индикатор системных проблем в сфере воспитания, досуга и психологической безопасности молодёжи. Такой образ, поддерживаемый медиа и экспертным сообществом, вступает в напряжённое взаимодействие с самопозиционированием участников, которые нередко видят в нём источник признания, игры и самовыражения. Это расхождение интерпретаций создаёт основу для последующего анализа субъективных нарративов самих участников: кто составляет ядро субкультуры, какие ценности и ритуалы они транслируют и что побуждает подростков к участию.

Социально-демографический портрет квадроберов и их мотивационные установки

Данные о демографическом составе участников субкультуры квадроберов остаются фрагментарными и предварительными. В российских медиа и исследованиях указывается, что большинство квадроберов составляют дети

¹ Квадроберы: кто это такие и нужно ли с ними бороться? // ВЦИОМ: сайт. 16.10.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvadrobbery-kto-eh-to-takie-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 04.07.2025).

² Там же

и подростки в возрасте от 7 до 14 лет¹. Возрастной диапазон отражает типичный интерес к ролевым играм и творческому самовыражению на этой стадии развития.

Проведённый анализ открытых профилей и публикаций в сообществах «ВКонтакте» и Telegram позволил очертить ряд тенденций в развитии субкультуры. При этом важно отметить, что социально-демографические характеристики участников поддавались фиксации лишь в сообществах во «ВКонтакте», где доступны встроенные инструменты поиска по заданным параметрам (пол, возраст, место проживания и др.). В выборку вошли два наиболее активных сообщества: «Квадробика. Терианы» (около 2 тыс. человек) и «Квадроберы Club» (около 1,3 тыс.). Согласно полученным данным (3 148 профилей с доступными данными), ядро движения составляют подростки 14–16 лет (около 46%), с заметным представительством участников 17–22 года (19%), нередко выполняющих функции кураторов и администраторов. Участники старше 25 лет (35%) также встречаются, но в основном связаны либо с остаточной активностью бывших представителей смежных субкультур (например, терриантропов), либо с родительским или исследовательским интересом.

При интерпретации этих данных важно учитывать методологические ограничения. Данные ВК отражают только пользователей, указавших свои данные, при этом минимальный возраст регистрации – 14 лет, что системно недоучитывает 7–13-летних и стимулирует часть младших подростков указывать завышенный возраст либо использовать чужие профили. Кроме того, по результатам визуальной проверки фотографий в открытых профилях фиксировались несоответствия между указанным и предполагаемым возрастом, что позволяет предположить: номинальные данные о возрасте и статусе в сообществе не всегда совпадают с реальными и могут вносить искажения в статистику.

В сообществе преобладают девушки: около 70% против 30% юношей. Этот дисбаланс можно объяснить рядом факторов. Так, сама практика квадробики строится на телесной выразительности и эмоциональной игре – формах самопрезентации, которые, как показывают наблюдения, особенно привлекательны для девочек-подростков. Сходные результаты зафиксированы и в исследованиях фурри-сообществ: хотя девушек там меньше по численности, они чаще отмечают значимость социальных и эмоциональных аспектов участия [1; 8].

Не менее важен и эстетический компонент. Маски, уши, хвосты, оформление профилей – всё это апеллирует к сфере креативности и визуальной экспрессивности. В подростковых культурах такие практики, как показывают исследования косплей-сообществ [18], находят сравнительно больший отклик у девушек, что выражается в более высокой степени их вовлечённости. На этом фоне низкая вовлечённость юношей может объясняться табуированием «немаскулинных» практик в российской подростковой среде.

¹ Рудевич И. Что такое квадробика: спорт это или нет // РБК Life : сайт. 23.05.2024. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/664e35529a79474cead17153> (дата обращения: 05.05.2025).

Свою роль играют и цифровые площадки. Согласно данным исследований, девочки-подростки в принципе чаще используют социальные сети [19], в том числе для общения и самораскрытия, в то время как мальчики больше вовлечены в компьютерные игры¹. Это частично объясняет, почему онлайн-субкультуры вроде квадробики оказываются более женскими по составу.

Наконец, нельзя не учитывать функцию поддержки и солидарности. В самих сообществах квадробинг нередко описывается участниками как «убежище», то есть поддерживающая среда. Психологические исследования показывают: девочки активнее ищут пространства, где можно делиться эмоциями и получать обратную связь [20].

Мотивы, побуждающие молодых людей становиться «четвероногими животными», разнообразны, но во многом связаны с исследованием собственной идентичности и поиском принадлежности. Подростковый возраст традиционно считается временем интенсивных экспериментов с самоопределением, и участие в субкультурах террианов или анималистических практиках становится одним из способов «примерить» новое «я» [8]. Для части подростков это не просто игра, а искреннее выражение внутреннего ощущения: они чувствуют себя органичнее в роли волка или кошки, чем в роли человека. Анализ сообщений в онлайн-сообществах подтверждает: для некоторых квадроберов животный образ становится подлинным способом самовыражения. Так, одна из опрошенных авторами участниц сообщества «Териантропы. Квадробика» отмечает: *«Всегда считала себя кошкой, точнее, гепардом, ну, в общем из кошачьих. Только так я чувствую себя собой, это прям моё. Я была не очень всегда общительной, но в образе могу и укусить»*². В то же время другие информантки отмечают, что квадробика – это просто хобби, часть жизни, которая закончится: *«Обожая КВД³, сестру втянула, хочу наслаждаться детством, пока оно не закончилось»*. Или: *«Это просто увлечение, я понимаю, что я человек, а не лисица, я нормальная, но это просто – часть меня»*.

Анализ материалов дискуссии в чате квадроберов с антиквроберами свидетельствует о том, что подростки склонны отмечать и позитивные стороны своего участия в субкультуре, в частности связанные с физической активностью и досугом: *«Вы только хейтить можете, а мы, между прочим, гораздо больше гуляем, занимаемся физической активностью, а вы только за компом можете [нецензурное выражение, обозначающее чрезмерное увлечение компьютерными играми]»*.

Немаловажную роль играют терапевтические и эскапистские мотивы: *«Сегодня опять с матерью ругань. Но хоть завтра с Эффиком и Лексусом*

¹ Девочки в России оказались более зависимыми от соцсетей, чем мальчики // Учительская газета : сайт. 07.01.2020. URL: <https://ug.ru/devochki-v-rossii-okazalis-bolee-zavisimymi-ot-soczsetej-chem-malchiki/> (дата обращения: 07.07.2025).

² Цитаты приводятся с сохранением лексических особенностей речи подростков; орфографические и пунктуационные ошибки исправлены, если они не имели смысловой нагрузки.

³ КВД – сокращённо от квадробинг.

на заброшку идём – там можно орать сколько влезет» (частный Telegram-канал). Участие в ролевых практиках, основанных на подражании животным, может служить способом справляться со стрессом или травматическими переживаниями. Простота мира животных, свободного от человеческих социальных норм и давления, оказывает притягательное воздействие на подростков, испытывающих чувство перегруженности или отчуждённости. «Например, если жёсткий день был, в школе там, дома, сразу идём квадрить. Никто не достаёт с вопросами типа “чё ты как ненормальная”, а просто бегаем и всё» (из материалов интервью).

Прослеживается чёткая тенденция формирования сообщества как мотивационной опоры. Некоторые подростки-квадроберы до вступления в субкультуру ощущали одиночество или неприязнь. Присоединение к «стае» или онлайн-сообществу «животных» дарит им мгновенное чувство принадлежности, дружбы и поддержки.

Представленные выше наблюдения фиксируют общие тенденции восприятия субкультуры. Углублённый анализ публикаций и дискуссий, а также интервью с подростками и их родителями позволил выделить более конкретные мотивационные профили участников¹. Критериями выделения профилей выступали: 1) наличие или дефицит культурного капитала семьи; 2) уровень эмоциональной и социальной поддержки; 3) характер практик (творческие/рисковые/компенсаторные)².

Группа креативного самовыражения включает относительно благополучных подростков, преимущественно из семей с образованными родителями и высоким уровнем культурного капитала. Эти молодые люди творчески ориентированы: многие рисуют, играют на музыкальных инструментах, занимаются танцами или спортом. Для них квадробика становится продолжением уже существующих физических или художественных практик и способом креативного самовыражения. Так, одна из опрошенных школьниц, обучающаяся в художественной школе и увлекающаяся аниме и мангой, рассказала: «Я придумываю образ и сразу к нему рисую картинку, а потом мы уже с друзьями играем эту историю. У меня подружка по танцам тоже квадробер, и мы часто вместе придумываем такие сюжеты. А, ещё мы разыгрываем прыжки». Другая участница (14 лет) подчеркнула, что увлечение позволяет ей «продумывать персонажа, прокачивать скилы пластики и выносливости и снимать крутые видео».

Родители также отмечают творческую сторону квадробинга. Мать одной из школьниц отметила, что в их семье сильны художественные интересы, и для ребёнка это увлечение стало органичным продолжением кружков и занятий:

¹ Эти профили носят аналитический характер: они очерчивают преобладающие мотивационные линии, выявленные в ходе анализа, и не претендуют на универсальную типологию всех участников движения.

² Указанные характеристики не являются строго эксклюзивными: элементы рискованных или компенсаторных практик могут встречаться и среди креативной группы, однако в рамках типологии учитывался их доминирующий характер.

«Она увлекается антро-артом, обожает аниме... Для них это просто ещё одно увлечение». Участие в субкультуре в данном случае не противопоставляется официальным практикам социализации, а, напротив, вплетается в уже существующую систему культурного капитала семьи, усиливая её.

Вторая группа состоит из подростков, находящихся в более уязвимом положении. Под неблагополучием в данном случае понимается не столько материальная бедность, сколько дефицит эмоциональной поддержки и контакта с родителями. Это могут быть дети, сталкивающиеся с отчуждённостью родителей или серьёзным непониманием в семье. Так, в одном из чатов, посвящённых квадробингу и фурри-культуре в Telegram, подросток писал: «Родителям сказал: “Ваш сын умер, теперь я Рыжий Лис”. Мать даже плакала, а мне [нецензурное выражение, обозначающее равнодушие]. ...Моя настоящая семья те, кто воет со мной на луну».

Схожим образом другая участница, идентифицирующая себя с мужским персонажем-Волком, отмечает: «В стае чувствую себя настоящим» (чат Telegram). Для этих подростков квадробинг становится способом компенсировать нехватку внимания и признания, обрести чувство принадлежности и опоры или уйти от неприятной реальности.

Именно эта группа чаще демонстрирует признаки рискованного поведения: от физически опасных практик («Сегодня прыгнула с гаража, кажется, сломала запястье. Зато теперь знают, что я настоящая альфа... Боль это круто!» – чат Telegram) до социальной провокации («Вчера в парке с Кирой гавкали на мамаш ...орали как сумасшедшие [кричали мамы – прим. авторов]... Смешно – аж пот. Надо чаще показывать нормисам, кто тут риали дикий»¹ – чат Telegram). В их случае квадробика становится не только пространством игры, но и, как многие молодёжные субкультуры, способом выражения внутренней травмы, что повышает вероятность перехода к деструктивным формам девиации.

Выявленные особенности второй группы ярко иллюстрирует кейс 11-летней участницы, ведущей видеоблог под ником «Лисёна»² в соцсети «ВКонтакте». Отметим, что данный кейс рассматривается не как «типичный случай», а как показательный пример подростка, находящегося в зоне риска. Ситуация демонстрирует двойственный характер субкультуры: одновременно как пространство самоподдержки и как индикатор высокой уязвимости.

Анализ видеозаписей показывает, что социально-бытовой фон ребёнка не даёт оснований говорить о материальной маргинализации: квартира ухоженная, с отдельной комнатой для ребёнка и аккуратным, хотя и неброским ремонтом; девочка одета обычно, без признаков нищеты. Однако наблюдается выраженный дефицит родительского внимания и контроля: большинство видеороликов снято ею в одиночестве на улицах города, в торговых центрах.

¹ «Нормис» – сленговое слово, которое обозначает «нормального человека» с типичными увлечениями, интересами и распространёнными в обществе взглядами, не принадлежащего к субкультуре. Выражение «аж пот» употребляется в значении «очень сильно, до изнеможения». Слово «риали» означает «на самом деле», «в действительности».

² Псевдоним полностью изменён в целях конфиденциальности информации.

В её речи заметна преждевременная взрослость, насыщенная обсценной лексикой, что в данном возрасте может рассматриваться как индикатор социального опыта, выходящего за рамки нормативного детского поведения.

Содержание видеоблога указывает на высокую психологическую нагрузку. В одном из роликов девочка прямо заявляет: *«Больше не могу справиться с агрессией против меня, меня затравили, хочется покончить с собой»*. Данные высказывания не обязательно свидетельствуют о реальном намерении, но показывают уровень эмоционального напряжения, восприятия подростком своей позиции и характера взаимодействия с окружающими. В записях на персональной странице проявляются признаки социальной заброшенности: поиск низкоквалифицированной работы (*«могу расклеивать листовки»*), что указывает на стремление к самостоятельности в условиях отсутствия поддержки. При этом квадробинг интерпретируется ею как ключевой ресурс самосохранения: *«Я – лиса, я выживу, я справлюсь, я смогу. Я хищница. Я одна против всего мира»*¹ (сообщение в личном аккаунте в соцсетях).

Анализируемый материал демонстрирует, что в этом случае квадробинг выступает своеобразной стратегией выживания. Образ «хищницы» выполняет компенсаторную функцию, позволяя переработать опыт травли и одиночества, приписать себе силу и стойкость. Поиск друзей среди квадроберов указывает на стремление к формированию поддерживающего сообщества в условиях дефицита принятия в офлайн-среде. Кейс иллюстрирует важную тенденцию: для уязвимых подростков квадробинг становится экзистенциальной опорой, одновременно снижая ощущение полной изоляции и фиксируя принадлежность к группе с ярлыком девиантности. Это подтверждает, что анализ субкультуры должен учитывать её амбивалентную роль: как ресурс адаптации и как маркер социального риска.

Анализ материалов мониторинга позволяет выделить ещё один небольшой сегмент – подростков, которых условно можно отнести к категории «альтернативной адаптации». Сюда входят нейроотличные дети², а также подростки с трудностями социализации или выраженной интровертностью. Клиницисты отмечают, что ряд характерных для террианов и квадроберов особенностей (хождение на цыпочках, рычание, мурлыканье, чувство отчуждённости) может пересекаться с проявлениями расстройств аутистического спектра и СДВГ и становиться способом самопонимания и снижения социальной тревожности [21, с. 705]. Однако в официальном дискурсе этот аспект редко получает позитивную оценку, что усиливает напряжение вокруг восприятия движения.

¹ Цитируемые высказывания приводятся в обезличенном виде; идентифицирующие детали изменены. Материал рассматривается как иллюстративный, без клинических интерпретаций.

² Нейроотличные люди – это те, кто воспринимает и обрабатывает информацию иначе, чем большинство; это не диагноз, а концепция нейроразнообразия. К ним относят, например, людей с расстройствами аутистического спектра (РАС) или синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ).

Демографический и социальный портрет квадроберов отражает не только возрастно-гендерные особенности, но и различия в культурном капитале и уровне социальной поддержки. Несмотря на ярко выраженную игровую и творческую составляющую, субкультура, как и большинство интенсивных молодёжных сообществ, содержит потенциал социальных рисков, который реализуется преимущественно в уязвимых группах участников. Для одних подростков квадробинг становится формой самовыражения и альтернативной адаптации, для других – пространством, в котором могут закрепляться уже существующие проблемы социализации. В этом смысле участие в субкультуре может служить маркером повышенной уязвимости и фактором, потенцирующим имеющиеся риски, а не их первопричиной. Подобная зависимость наблюдается и в ряде других субкультур, что требует осторожного подхода к оценке девиантогенного потенциала, опоры на эмпирические данные и избегания автоматического отождествления принадлежности к субкультуре с наличием девиантного поведения.

Социокультурные особенности субкультуры: структура, ритуалы, практики

Идентичность и ценности. Идентичность квадроберов формируется как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Многие подростки ощущают связь с определённым животным, называя его своим «териотипом» и интегрируя его черты в собственное «я». При этом акцент делается на аутентичность: в сообществе подчёркивают, что квадробинг – не просто игра, а искреннее самовыражение.

Символическое ядро движения закрепляется через тексты, выполняющие функцию «гимна квадробики». В русскоязычной среде наиболее распространён следующий: *«Квадроберы! Мы – как один! Подростковая жизнь – это крутой спринт! Мы не отступим! Мы не упадём! Свобода в лапах! Мы её найдём! Квадроберы! Мир нас не поймёт. Но мы идём вперёд!»*. Помимо мотивов солидарности и свободы звучат темы социальной уязвимости и противостояния. Упоминается непонимание со стороны семьи (*«Наша квадроберская жизнь бывает сложна. В юности даже моя семья забуллила меня»*), ощущение враждебного окружения (*«вокруг одни враги, за что-то ненавидят нас»*) и конфликты с соседними субкультурами. Интонация гимна окрашена подростковым пафосом: вызов, стремление к признанию, чувство солидарности и свободы. Он противопоставляет субкультуру непонимающему внешнему миру, формируя ощущение особой миссии и описывая опыт участия в субкультуре квадроберов как сопряжённого с риском.

Ритуалы и практики. Центральное место в субкультуре занимают практики физического перевоплощения, основанные не столько на костюмах, сколько на воспроизведении движений и повадок животных. Квадроберы устраивают «игры стаи» (бег на четвереньках, имитацию охоты, преодоление препятствий),

стремясь максимально приблизиться к образу выбранного животного. Важным элементом считается переживание «шифта» (от англ. *shift*) – особого состояния, в котором участник начинает воспринимать себя через призму «животного я». Это состояние нередко описывается как полумедитативное и сопровождается изменением пластики, мимики и звуковых реакций. Укажем на потенциальные риски погружения в подобный опыт: он может размывать границы между игровым и реальным поведением, усиливать склонность к социальной изоляции и формировать толерантность к состояниям, связанным с изменением восприятия и сознания. Последнее в подростковой среде нередко сопрягается с поиском необычных ощущений и экспериментированием с различными способами достижения изменённых состояний (в том числе рискованными и аддиктивными), что делает важным отслеживание и профилактику небезопасных практик. В терминах теории ритуального взаимодействия Р. Коллинза, такие практики можно рассматривать как «эмоциональные ритуалы», усиливающие групповую солидарность и воспроизводящие символические границы. Лексика и символические маркеры (флаг, маски) служат инструментами поддержания этой границы, создавая у участников ощущение принадлежности к уникальному сообществу.

Символика и структура. У квадроберов сложилась собственная символика: неофициальный зелёный флаг с отпечатком лапы в форме буквы «Q», значки, нашивки. Некоторые используют ошейники, но не как элемент фетиш-культуры или признак перверсии, а как знак разграничения состояний «одомашненности» и «дикости».

Нами было зафиксировано, что некоторая часть сообществ во «ВКонтакте» и Telegram организована в закрытые группы, именуемые «стаей», «прайдом» или «племенем». Материалы тех сообществ, к которым удалось получить доступ, показывают, что они служат пространством локальной идентичности и рекрутирования участников, чаще по территориальному принципу, но иногда и по интересам. Наличие подобных малых объединений свидетельствует о тенденции к формированию сплочённых микрогрупп внутри широкой субкультуры.

В сообществе сложился фольклор: различие между «стаей» и «одинокими волками», шуточные мифологемы о «девяти жизнях». В некоторых стаях выделяется альфа-лидер, но чаще действует принцип равенства. Для нынешней подростковой когорты (поколение младших «Зумеров» и ранних «Альфа») характерно переплетение миров терианов и квадробики: часть считает себя внутренне животными, для других это ролевая игра или спорт.

Виртуальная сцена движения. Субкультура квадроберов формировалась в цифровой среде, где социальные сети стали основным пространством общения, самовыражения и обмена знаниями. Цифровой контент квадроберов можно разделить на несколько категорий: 1) обучающие видео (YouTube, VK): техника движения на четвереньках, тренировки для рук и спины; 2) мини-уроки (TikTok): прыжки через предметы, советы по съёмке; 3) демонстрационные ролики: физические достижения, имитации повадок, формат «1-й день против

100-й день»; 4) личные влоги (видеоблоги): истории выбора териотипа, развенчание мифов, ответы на вопросы.

Публичная активность. Субкультура живёт прежде всего в сети, но её проявления заметны и офлайн. Квадроберы собираются в парках, скверах, школьных дворах, иногда – спортивно-развлекательных центрах, где есть полоса препятствий; там они тренируются, играют и остаются в образе животных. Их практики активно вовлекают городскую среду: скамейки, перила и лестницы используются для прыжков и бега на четвереньках, что сближает квадроберику с паркуром. Такая активность сопряжена с рисками травм и вызывает недовольство владельцев объектов¹. В ответ часть участников переносит занятия в спортивные залы. Постепенно складывается этикет публичного поведения, близкий к тому, что выработали скейтбордисты.

Социальные риски и девиантогенный потенциал квадробинга

На наш взгляд, квадроберов следует рассматривать не с позиции прямых запретов, а в рамках комплексного подхода, сочетающего анализ девиантного поведения молодёжи и связанных с ним социальных рисков, с социокультурным изучением субкультур.

По мнению ряда психологов, подражание животным укладывается в рамки детской игры². Опасность возникает тогда, когда подростки перестают различать игровое и реальное. При этом встаёт вопрос о чрезмерном вовлечении, которое может приводить к отрыву от социальной реальности и трудностям социализации. Некоторые эксперты предупреждают, что увлечение квадробингом может усиливать изоляцию и провоцировать формирование неадекватных моделей поведения³. В литературе отмечается угроза психологической безопасности подростков, включая риск социального отчуждения и неблагоприятных последствий для психического здоровья, в частности того, что ряд исследователей называет «разрушением личности» подростка, занимающегося квадробингом [22]. В ряде источников практики квадроберов сопоставляются с биологическими моделями поведения животных, что вызывает опасения относительно их влияния на социализацию. Среди конкретных угроз чаще всего

¹ Последствия увлечения квадробингом: что думают депутаты и обычные люди // Партнёр НКО : сайт. 04.10.2024. URL: <https://reg-nko.ru/smi/posledstviya-uvlecheniya-kvadrobiningom-chto-dumayut-deputaty-i-obychnye-lyudi> (дата обращения: 05.05.2025).

² Косолапова Т. Психолог рассказала, как вести себя при встрече с агрессивными квадроберами // Взгляд : сайт. 12 сентября 2024 г. URL: <https://vz.ru/news/2024/9/12/1286730.html> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Лыжникова Е. Квадробика: что это такое, запрещена ли в России, знак и флаг квадроберов // POSTIUM : сайт. 28.07.2024. URL: <https://postium.ru/kvadrobika/> (дата обращения: 05.05.2025).

упоминается буллинг: 71,3% респондентов считают, что подростки-квадроберы подвержены травле со стороны как сверстников, так и взрослых [17].

В исследованиях выявлено, что многие квадроберы сталкиваются с социальным отчуждением и травлей из-за своей идентичности, что приводит к стигматизации [23]. Важную роль в формировании негативного образа играют медиа. Сенсационные сюжеты и популярные видео часто подают квадроберов в насмешливом или тревожном ключе: например, в типичных TikTok-компиляциях кадры подростков, ползущих по школьному коридору, сопровождаются смехом и осуждающими комментариями. Осознавая эти риски, часть подростков практикует скрытность, ограничиваясь занятиями в частной обстановке. Другие же, напротив, выбирают демонстративную стратегию, гордясь своей инаковостью и открыто используя атрибутику (например, хвосты) в публичных местах.

Враждебность проявляется не только со стороны сверстников, но и в форме организованного противостояния. Нами выявлены сообщества – антиквадроберы – (анти-КВД), деятельность которых направлена на травлю и дискредитацию квадроберов. Их участники, чаще более старшего возраста, получают несанкционированный доступ к группам во «ВКонтакте» и Telegram, а также осуществляют скоординированные атаки на онлайн-сообщества, сопровождающиеся массовым размещением оскорбительных комментариев, спама и непристойных изображений. В ответ квадроберы также пытаются организовать ответные акции, однако, будучи, как правило, младше и менее опытными, нередко оказываются в проигрыше и вынуждены прекращать участие в дискуссиях. Подобные конфликты несут двойной риск: они усиливают буллинг и одновременно социализируют подростков в агрессивных формах онлайн-поведения.

Особую тревогу вызывают зафиксированные нами видеозаписи, на которых более взрослые молодые люди не ограничиваются вербальной агрессией, а прибегают к физическому насилию: сбрасывают квадроберов с деревьев или турников, сопровождая это оскорблениями, унижениями и записью на видео для последующего распространения. В результате подростки получают травмы, а сам факт публичной демонстрации таких сцен усиливает эффект виктимизации и страха среди участников субкультуры.

Менее очевидной, но крайне важной проблемой остаётся сексуализированное внимание взрослых к подросткам-квадроберам. Как отмечают специалисты: «Когда вы даёте ребёнку смартфон, вы не даёте ему доступ к миру, вы даёте миру доступ к нему»¹. Более взрослые сообщества (фурри, группы с акцентом на ЛГБТ-тематику² или toy-play³) пересекаются с подростковыми

¹ Oldereide A., Leskauskaitė D. Woman Seeks Advice After 13-Year-Old Stepdaughter Identifies As Fox, Therapist Reacts Interview With Expert // Boredpanda.com : сайт. 09.04.2024. URL: <https://www.boredpanda.com/woman-asks-help-step-daughter-identifies-as-fox/> (дата обращения: 04.05.2025).

² Движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

³ Toy-play – практика имитации детского поведения или использования игрушек в ролевых играх, варьирующаяся от безобидных форм (например, плюшевые игрушки) до сценариев

объединениями, создавая серьёзный риск навязчивого интереса и даже груминга¹, то есть постепенного вовлечения подростков в зависимые отношения и рискованные практики, что вызывает дополнительную обеспокоенность родителей. Вероятность подобных рисков возрастает под воздействием ряда факторов: анонимности масок и никнеймов, закрытости «стай» и каналов, романтизированной атмосферы «стаи», в которой подростки склонны доверять взрослым, а также публичности размещаемого контента, привлекающего нежелательное внимание.

Подобные опасения коррелируют с результатами исследований фурри-сообщества: 15–20% его участников связывают субкультурную идентичность с сексуальностью, а 37% создают сексуализированный контент [8; 21]. Этот опыт усиливает тревогу и в отношении уязвимых подростков-квadroберов. Как отметила в интервью мать одной из участниц: *«Разрешила дочери вести блог исключительно в закрытом Telegram-канале и приглашать только знакомых ребят. ...Видела, как в открытых пабликах девочкам пишут непристойности какие-то взрослые дядьки»*.

Представители религиозных организаций и консервативных экспертов интерпретируют квадروبинг как скрытую угрозу с иных позиций. Так, православный священник в своём блоге в Дзене отмечает: *«Эти, на первый взгляд, яркие и забавные субкультурные движения исподволь ведут к расчеловечиванию детей и подростков, уходу от традиционной морали и правил поведения. Квадروبинг – типичное “окно Овертона”, когда постепенно трансформируется неокрепшее сознание»*². В методическом материале Университета социальных и гуманитарных наук и организации «БОЗЭП» квадروبинг описывается как разрушающая субкультура, потенциально ведущая к социальной деградации, изоляции, утрате навыков эмпатии и асертивного поведения. В документе предлагается противодействовать этому явлению через общественное порицание и формирование негативного общественного мнения, в том числе с опорой на СМИ³. Следует отметить, что обозначенные риски носят потенциальный характер и требуют эмпирической проверки, включающей социально-психологическое исследование детей и подростков, вовлечённых в квадروبинг. При этом выбранная авторами методички стратегия общественного осуждения несёт риск усиления

с эротическим подтекстом. В научном анализе относится к разновидности age-play и требует особого внимания при вовлечении несовершеннолетних.

¹ Груминг – преднамеренное установление доверительных отношений взрослым с ребёнком или подростком для последующего вовлечения в рискованные, включая сексуальные, практики. Характеризуется комплиментами, подарками, обещаниями поддержки и созданием атмосферы исключительной близости; в научной литературе рассматривается как стратегия манипулятивного контроля с высоким девиантогенным и криминальным потенциалом.

² Священник Русакевич А. Что такое квадروبинг? Мнение священника // Дзен: сайт. 27.09.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZvWhXa0tU2fuvbWI> (дата обращения: 07.07.2025).

³ Квадروبинг как разрушающая субкультура (защитим детство). Краткое методическое пособие // НИАНО ВО «Университет Естественных и Гуманитарных Наук». БОЗЭП: сайт. 21.01.2025. URL: <https://clck.ru/3NcxBy> (дата обращения: 08.08.2025).

травли и стигматизации подростков. В нашей оценке работа с данным феноменом должна строиться на комплексных и осторожных мерах, направленных не на репрессивные запреты, а на профилактику, поддержку и развитие безопасных форм социализации.

Заключение

К лету 2025 г. общественный резонанс вокруг квадроберов заметно снизился: новых инцидентов не фиксировалось, интерес со стороны медиа и широкой аудитории утих, а участники стали осторожнее в проявлениях. Однако ослабление общественного внимания не означает исчезновения субкультуры. Сообщества продолжают функционировать, обновлять материалы и поддерживать основные практики. В этом смысле квадробинг предстаёт не только как краткосрочный интернет-тренд, но и как форма подростковой субкультуры с определёнными социальными последствиями. Переход от «вирусного» тренда к состоянию замкнутой ниши типичен для многих цифровых субкультур и позволяет изучать их структурные черты без давления сиюминутной сенсации.

Проведённое исследование показывает, что субкультура квадроберов – многослойный феномен, в котором сочетаются игровые формы, телесные практики и цифровая среда как катализатор. Несмотря на внешнюю безобидность и элементы креативного самовыражения, она, как и большинство активных молодёжных субкультур, несёт в себе определённый девиантогенный потенциал. Для части подростков квадробинг становится способом поиска идентичности и группы поддержки; в социально уязвимых группах он нередко приобретает компенсаторный характер, превращаясь из формы игры в экзистенциальную опору и тем самым усиливая уже имеющиеся риски.

Субкультура формируется в условиях повышенной стигматизации и общественного осуждения, что с одной стороны, способствует сплочению, а с другой – закрепляет за подростками статус «аутсайдеров» и усиливает эффект виктимизации. Дополнительные угрозы связаны с буллингом, агрессивными конфликтами, а также пересечением с взрослыми сегментами, где возможны сексуализированная или маргинализированная повестка и навязывание рискованных форм взаимодействия.

Квадробинг следует рассматривать как амбивалентное явление, сочетающее ресурсы творческого самовыражения и социальной поддержки с факторами, которые могут способствовать девиантному поведению и дезадаптации. Для анализа и социального реагирования важнее не запреты, а понимание структурных рисков и поиск профилактических мер, учитывающих как адаптационный, так и девиантогенный потенциал. Перспективы субкультуры остаются открытыми: она может исчезнуть или трансформироваться, что требует постоянного мониторинга и своевременной оценки её социальных последствий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Furrries from A to Z (Anthropomorphism to Zoomorphism) / K. Gerbasi, P. Bernstein, S. Conway [et al.] // *Society and Animals*. 2008. Vol. 16, № 3. P. 197–222. DOI [10.1163/156853008X323376](https://doi.org/10.1163/156853008X323376).
2. Robertson V. The Beast Within: Anthrozoomorphic Identity and Alternative Spirituality in the Online Therianthropy Movement // *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. 2013. Vol. 16, № 3. P. 7–30. DOI [10.1525/nr.2013.16.3.7](https://doi.org/10.1525/nr.2013.16.3.7).
3. Clegg H., Grivell T., Roxburgh E. An Interpretative Phenomenological Analysis of Identity in the Therian Community // *Identity*. 2014. Vol. 14. P. 113–135. DOI [10.1080/15283488.2014.891999](https://doi.org/10.1080/15283488.2014.891999).
4. Qvortrup J. *Childhood Matters: Social Theory, Practice and Politics, Public policy and social welfare*. Aldershot : Avebury, 1994. 395 p. ISBN 1-85628-856-0.
5. Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. New York : Anchor Books, 1959. 259 p. ISBN 0-385-09402-7.
6. Butler J. *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*. Cambridge, MA and London : Harvard University Press, 2015. 248 p. ISBN 978-0-674-96775-5.
7. Schatzki T. R. *Social Practices: A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 260 p. ISBN 978-0-521-06226-8.
8. Howl T. *Furrries among us 2: More essays on furrries by furrries*. Lansing, MI : Thurston Howl Publications, 2017. 180 p. ISBN 978-1-945247-11-8.
9. Muggleton D. *Inside Subculture. The postmodern meaning of style*. Oxford. New York : Berg Publ., 2000. 198 p. ISBN 978-1-85973-352-3.
10. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры // Р. Кайуа ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : ОГИ, 2007. 304 с. ISBN 978-5-17-149056-0. [Kajua R. Games and people. Articles and essays on the sociology of culture. Moscow: OGI; 2007. 304 p. (In Russ.)].
11. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. London : Routledge, 1991. 195 p. ISBN 978-0-415-03949-9.
12. Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics: The Creation of Mods and Rockers*. 3rd ed. London; New York : Routledge, 2002. 201 p. ISBN 0-415-26712-9.
13. Becker H. S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance (reissue with two new chapters)*. New York : Free Press (Simon & Schuster), 2018. 272 p. ISBN 978-1-9821-0622-5.
14. Douglas M. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. London; New York : Routledge. 1994. 323 p. ISBN 978-0-415-11999-3.
15. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 545 с. ISBN 5-280-00710-2. [Bakhtin M. M. The works of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. (Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennsansa)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1990. 545 p. (In Russ.)].
16. Maffesoli M. *The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in Mass Society* // Translated by Don Smith. London; Thousand Oaks; New Delhi : SAGE Publications, 1996. 176 p. ISBN 0-8039-8473-1.
17. Кольцова И. В., Хилько О. В. Исследование отношения населения к квадروبингу и меры по гражданскому воспитанию населения // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2025. № 4 (154). DOI [10.60797/IRJ.2025.154.40](https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.40). EDN [BECQUX](https://edn.becqux.com). [Koltsova I. V., Khilko O. V. Study of public attitude towards quadrobics and measures for civic education of the population. *International Research Journal=Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal*. 2025;(4). (In Russ.)].

18. *Burnell-Chambers K.* Costume Painting and Costume Play Used as a Form of Mental and Physical Therapy for Pain Management and Coping Mechanisms. MFA, PGCE, HND thesis, University of Lincoln, November 2021. DOI [10.13140/RG.2.2.32923.59689](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.32923.59689).
19. *Солодников В. В., Зайцева А. С.* Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1. С. 23–42. DOI [10.19181/snsp.2021.9.1.787](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.787). EDN [ХПАКЛИ](https://www.edn.ru/entry/10.19181/snsp.2021.9.1.787). [*Solodnikov V. V., Zaitseva A. S.* Usage of social networks and socialization of Russian teenagers. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021;9(1):23–42. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2021.9.1.7870](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870)].
20. *Valkenburg P. M., Sumter S. R., Peter J.* Gender differences in online and offline self-disclosure in pre-adolescence and adolescence // *British Journal of Developmental Psychology*. 2011. Vol. 29, № 2. P. 253–269. DOI [10.1348/2044-835X.002001](https://doi.org/10.1348/2044-835X.002001).
21. *Furscience: A Decade of Psychological Research on the Furry Fandom / C. N. Plante, S. Reysen [et al.]*. International Anthropomorphic Research Project, 2023. 790 p. ISBN 978-0-9976288-3-8.
22. *Клейберг Ю. А., Деулин Д. В.* Квадробинг как угроза психологической безопасности личности несовершеннолетнего // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2, № 1. С. 16–25. DOI [10.17759/epps.2025020102](https://doi.org/10.17759/epps.2025020102). EDN [UXVWER](https://www.edn.ru/entry/10.17759/epps.2025020102). [*Kleyberg Yu. A., Deulin D. V.* Quadrobing as a threat to the psychological safety of a minor's personality. *Extreme Psychology and Personal Safety=Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti*. 2025;2(1):16–25. (In Russ.)].
23. *Алексеева А. П., Кузнецов В. А.* Деструктивная основа современного квадербинга в России: криминологическое исследование // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4. С. 69–74. EDN [BZCDAА](https://www.edn.ru/entry/10.17759/vestnik.20240406974). [*Alekseeva A. P. Kuznetsov V. A.* The destructive basis of modern quadrobing in Russia: criminological research. *Vestnik of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg university of the ministry of internal affairs of Russia=Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2024;(4):69–74. (In Russ.)].

Сведения об авторах

Я. А. Ардельянова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: [1776-1120](https://www.edn.ru/entry/1776-1120)

В. В. Брюно

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: [3191-0120](https://www.edn.ru/entry/3191-0120)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 13.08.2025; одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.1.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.6)

THE QUADROBER SUBCULTURE IN CONTEMPORARY RUSSIA: SOCIAL RISKS AND DEVIANCE-GENERATING POTENTIAL

Yana Andreevna Ardelianova¹

Viktoriiia Vladimirovna Briuno²

^{1,2}Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

¹ard yana@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-8881-6121](https://orcid.org/0000-0002-8881-6121)

²victoria.bruno@mail.ru,

ORCID [0000-0001-9735-024X](https://orcid.org/0000-0001-9735-024X)

For citation: Ardelianova Ya. A., Briuno V. V. The quadrober subculture in contemporary Russia: social risks and deviance-generating potential. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(1):127–150. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.1.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.1.6).

Abstract. The article presents a sociological analysis of the quadrober subculture as a phenomenon of contemporary adolescent culture in Russia, drawing on the sociology of childhood, the sociology of the body, theories of performativity, and classical concepts of youth subcultures. Based on monitoring of open online communities, content analysis of social media publications, and semi-structured interviews with participants and their parents, the study examines the socio-demographic composition, motivational attitudes, and key practices of community members. The findings show that quadrobics combines play, physical embodiment, and online interaction to form a distinctive subcultural identity. The subculture is ambivalent in nature: for some adolescents, it serves as a space for creative self-expression, social support, and symbolic resistance; for others, it becomes a compensatory mechanism in the context of emotional deprivation or social isolation. The risks of participation are found to be linked less to the subculture itself than to the vulnerability of certain members. At the same time, the specific nature of its practices, including the phenomenon of “shift” and group dynamics, may exacerbate existing difficulties of socialization, blur the boundaries between play and reality, and foster a propensity for risk-taking behavior. It is also noted that the high level of stigmatization and bullying directed at quadrobists fosters intragroup cohesion while simultaneously reinforcing their status as “outsiders”. The results refine the spectrum of adaptive and deviantogenic factors associated with the subculture and substantiate the need for its further study and the development of targeted preventive measures.

Keywords: quadrobics, adolescent subcultures, deviant behavior, adolescent vulnerability, stigmatization, moral panic, online communities, adolescent socialization

Information about the Authors

Ya. A. Ardelianova

Candidate of Sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: [JMR-0739-2023](https://orcid.org/JMR-0739-2023)

V. V. Briuno

Candidate of Sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: [ABD-9883-2020](#)

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 12.11.2025.

УДК 316.343
DOI: 10.19181/snsp.2026.14.1.7
EDN: ZNUASJ

Краткая научная информация

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1998–2024: ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ МАССОВОГО ОПРОСА

Юлия Борисовна Епихина¹
Андрей Дмитриевич Старовойтенко²

^{1,2}Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

¹epikhina@gmail.com,

ORCID 0000-0003-2822-2505

²andstar14@gmail.com,

ORCID 0000-0002-1225-1822

Для цитирования: Епихина Ю. Б., Старовойтенко А. Д. Динамика социальной структуры постсоветского общества 1998–2024: итоги обсуждения результатов массового опроса // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 1. С. 151–160. DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.7. EDN ZNUASJ.

Аннотация. Многолетние исследования социальной структуры сталкиваются с дилеммой сохранения эвристичности исходной программы и её трансформации под влиянием происходящих изменений. Применение многомерного подхода к анализу классовой структуры, трудовых отношений и пространственной мобильности позволило установить противоречивость и нелинейность влияния структурных позиций на ценности и жизненные стратегии. Обсуждение выявило методологические ограничения исследования, связанные с операционализацией понятий, измерительными инструментами и интерпретацией динамики показателей.

Ключевые слова: средний класс, социальная структура, проницаемость классовых границ, ценности, пространственная мобильность, профессиональная автономия, самостоятельность в труде, осмысленность труда, методология

Благодарности: материал подготовлен при поддержке РФФ (грант № 24-18-00450, сайт проекта <https://new-inequalities.tilda.ws/structure>, ТГ-канал <https://t.me/socstructure>).

В 2024 году коллективом сектора социальной мобильности Института социологии ФНИСЦ РАН был проведён онлайн-опрос (свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2026620062 Российская Федерация. «Социальные различия в современном российском обществе»: заявл. 16.12.2025: опубл. 13.01.2026 / М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина, И. П. Попова

© Епихина Ю. Б., 2026

© Старовойтенко А. Д., 2026

[и др.]; заявитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. – EDN [JUGYVD](#)), который стал продолжением многолетнего исследования социальной структуры российского общества, начатого Э. О. Райтом в 1991 году в рамках сравнительного международного проекта по изучению классовой структуры и классового сознания [1]. В октябре 2025 г. состоялся семинар, в ходе которого обсуждались результаты четвёртой волны исследования, представленные в докладах трёх тематических блоков: классовая структура и классовое сознание, изменения в сфере труда и занятости, а также пространственное измерение социальной структуры.

Классовая структура и классовое сознание

Исследования социальной структуры в ряде ключевых моментов опираются на понятие среднего класса, который стал символом перехода от феодальных отношений к капиталистическим и наступления эпохи модерна. Средний класс в докладе М. Ф. Черныша рассматривается как гетерогенная группа, включающая наряду с мелкими предпринимателями, чиновниками, высококвалифицированными специалистами интеллигенцию – социальную группу, способную, по словам К. Манхейма [2], к конструированию утопических проектов, новых социальных схем, становящихся ориентирами для современного общества. Как показал Н. Элиас, средний класс выполняет функцию движущей силы социального развития [3]. Таким образом, присутствие среднего класса в обществе определяется в двух измерениях: уровнем социального благополучия и распространённостью среднеклассовых ценностей. Первое измерение иллюстрируется на результатах типологии современных государств, построенной на основе показателей Всемирного банка по 59 странам. Для «общества среднего класса» характерно схождение таких показателей, как высокий уровень ВВП на душу населения, образования, свободы и социального благополучия вкупе с низким уровнем насилия и гендерного неравенства. Данные социологического опроса 2024 года свидетельствуют о широкой распространённости в обществе ценностей среднего класса: по всем основным показателям индивидуализма/коллективизма российская «интеллигенция» практически не отличается от общества в целом. Единственное отличие – отношение к труду, в котором более выражен приоритет содержания работы над денежным вознаграждением. Такой результат указывает на доминирование в российском обществе дискурса, в котором успех связывается в наибольшей степени с индивидуальными качествами и усилиями, нежели какими-либо другими аспектами социальной жизни. Таким образом, можно говорить о преобладании в России идеологии социального индивидуализма, которая дополняется запросом на интенсивную роль государства в жизни общества как ключевого гаранта (бесплатных) социальных благ – образования, медицины и т. д. Необходимо отметить противоречивость двух измерений: российское общество, не являясь «обществом среднего класса»

по измерению социального благополучия, демонстрирует приверженность среднеклассовым ценностям.

Проблематика проницаемости классовых границ была введена Э. О. Райтом для сближения марксистского и веберовского подходов к классовому анализу, что позволило исследовать трансформационный потенциал классовой структуры на микроуровне, не отказываясь от неомарксистского понятийного аппарата [1]. Проницаемость классовых границ, измеренная через классовую принадлежность супруга и близкого друга, была проанализирована Ю. Б. Епихиной. В качестве основания классификации была взята градация европейских социально-экономических групп (EsEG) [4], полученных на основе кодировки профессиональных занятий по ISCO-08 с учётом характеристик занятости.

Анализ выявил значительную классовую гетерогенность социального окружения, что свидетельствует о высокой проницаемости классовых границ: 65,7% респондентов имеют классово разнородное окружение, в то время как в классово однородной среде (супруг и близкий друг из того же класса) живёт менее 10% опрошенных. Однако для разных социальных взаимодействий характер проницаемости может быть различным: так, различие между ожидаемой и наблюдаемой классовой разнородностью в случае брака составляет 2,2%, в то время как для дружбы оно достигает 15%. Тяготение дружбы к классовой однородности (индекс эндогамии 33,5% против 20,8% для брака) стало неожиданным результатом: для соседних классов выше вероятность вступить в брак, чем поддерживать дружеские отношения. Классовые группы различаются по степени готовности к классово разнородным взаимодействиям. В брачных союзах наиболее «закрытой» классовой группой оказываются руководители, наиболее открытой – квалифицированные рабочие. Наименее охотно с представителями соседнего класса заключают браки представители среднетехнического персонала, в то время как взаимопроницаемость квалифицированных и неквалифицированных рабочих в заключении браков наиболее высока, что свидетельствует о фактическом отсутствии классовых границ. Важным выводом стало то, что наряду с высокой проницаемостью классовых границ наблюдается параллельный процесс классовой поляризации: верхние классы формируют закрытые социальные среды, низшие – фрагментируются.

Тему ценностей индивидуализма/коллективизма в российском обществе продолжило выступление Н. С. Ворониной о модификации методики Г. Триандиса [5]. В исследовательском дискурсе отсутствует консенсусное определение таких ценностей, а существующие методики измерения в кросс-культурном и межкультурном контекстах различаются как по концептуальным основаниям, так и по способу измерения (от дихотомии до континуума, от одномерности до многомерности) [6]. Выбор методики Триандиса для измерения ценностей индивидуализма/коллективизма в исследовании социальной структуры был обусловлен многомерностью: ценности измеряются в пространстве вертикальных и горизонтальных социальных отношений. Необходимость модификации методики связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, существует проблема эквивалентности смыслов,

которая появляется при переводе с языка автора на язык того общества, где проводится исследование. Во-вторых, есть проблема «старения» методики, связанная с теми изменениями, которые претерпевает общество от момента её создания до применения в конкретном исследовании. При модификации методики учитывался баланс между соответствием изначальным формулировкам Триандиса и доступностью для понимания в российском культурном поле. Высокое соответствие модели измерения ценностей эмпирическим данным было подтверждено на результатах конфирматорного факторного анализа, проведённого на данных опроса 2024 года. Средние оценки согласия с суждениями показали, что наиболее распространёнными на сегодняшний день являются ценности горизонтального коллективизма (общие цели с ин-группой), менее всего – вертикального индивидуализма, отражающие стремление к высокому статусу и конкуренции.

Изменения в сфере труда и занятости

В исследовании профессиональная автономия определялась как самостоятельность в работе и измерялась в трёх аспектах: 1) самостоятельность в принятии решений; 2) самостоятельность в содержании работы (возможность определять характер услуги или продукта); 3) самостоятельность в организации работы. Как показал доклад И. П. Поповой, многомерность измерения автономии проявляется в нелинейной связи с профессионально-должностным статусом. Самостоятельность в содержании свойственна тем профессиональным группам, работа которых требует высокого уровня квалификации: руководителям, специалистам и квалифицированным рабочим в промышленности. При этом оценка самостоятельности в организации работы в группе квалифицированных рабочих существенно ниже, чем среди руководителей. Оценки самостоятельности варьируются в зависимости от отрасли экономики, формы собственности организации, а также условий найма и оплаты труда. Субъективные оценки самостоятельности зависят от возраста (большая самостоятельность свойственна молодёжи) и личностных установок на возможность изменения собственной жизни. Ключевой находкой стала U-образная динамика показателей автономии с 1998 по 2024 гг.: показатели последней волны исследования сближаются с результатами 1998 года, но контрастируют с промежуточными значениями 2007 и 2015 гг. Снижение доли респондентов, определяющих себя как самостоятельных в работе, сопровождается увеличением доли затруднившихся с ответом, что может свидетельствовать об изменившейся реальности рынка труда: в условиях общей неопределённости в трудовой сфере работникам сложно оценить степень собственной самостоятельности.

Дополнительное измерение автономии представила А. С. Смирнова в докладе, посвящённом осмысленности работы в контексте классового анализа. В социально-психологической традиции осмысленность труда рассматривается как «степень, в которой наёмный работник ощущает свою работу как в общем осмысленную, значимую и стоящую того, чтобы ею заниматься» [7, р. 162]. Модель Дж. Хакмена и Г. Р. Олдхэма связывает осмысленную работу

с её характеристиками, а также с качеством взаимодействия в рабочем коллективе и отношениями с руководством. Данные опроса 2024 года показывают отсутствие связи между восприятием осмысленности работы и характером коммуникации в трудовом процессе и тем самым опровергают положения социально-психологической школы. При этом существуют классовые различия: мелкие предприниматели значимо реже наёмных работников ощущают «потерю смысла» в работе. Среди наёмных работников классовых различий не обнаружено. Проверка гипотезы о связи осмысленности работы с уровнем автономии (контроль рабочего времени) и самостоятельности (контроль содержания и результатов работы) показала, что чем выше их уровень, тем реже случается «потеря смысла» работы. Этот результат совпадает с данными, которые приводят Хакмен и Олдхэм, где автономия коррелирует с переживанием осмысленности работы ($r = 0,46$), хотя их теоретическая модель не предполагает такой связи [7, р. 167]. Таким образом, исследование выявило парадокс: при высоких показателях автономии и самостоятельности оценки осмысленности работы среди руководителей значимо не отличаются от других групп наёмных работников.

Восполняя пробел в исследованиях трансформации рынка вакансий в России за последние десятилетия, С. А. Коротаев проанализировал данные исследования с 1998 по 2024 гг. В обширной литературе по стратегиям поиска работы рассматриваются преимущества формальных и неформальных связей, а также факторов, определяющих выбор канала поиска. Гипотеза, что предпочтение тех или иных каналов поиска работы зависит от структуры локального рынка труда, была проверена в модели, включающей характеристики муниципалитетов (численность населения, доля городских и сельских жителей), и показала отсутствие эффектов. Вопреки принятым в литературе выводам о связи квалификации с использованием слабых связей, наличие высшего образования снижает вероятность обращения к обоим типам неформальных каналов – как родственным, так и дружеским. В целом их популярность со временем снижается, причём в крупных городах это происходит быстрее, чем в малых. Анализ также выявил вариативность обращения к дружеским и родственным связям в зависимости от возраста: к дружеским контактам чаще прибегают в зрелом возрасте, для молодых важнее родственные связи. Дальнейший анализ может строиться с учётом классовой и отраслевой дифференциации соискателей, а также активности работодателей на рынке труда.

Пространственное измерение социальной структуры

Концептуализация переезда как события индивидуальной биографии и как отражения миграционной динамики позволяет анализировать не только его субъективные оценки, но и вклад в изменение социальной структуры. А. В. Стрельникова представила анализ субъективных смыслов переездов, проведённый на основе количественных данных 2015 и 2024 гг. и материалов глубинных интервью 2025 года.

Количественные данные показывают, что большинство россиян маломобильно: почти половина опрошенных ни разу не переезжали в течение своей жизни, остальные совершали от одного до трёх переездов. Внутрироссийские переезды за пределы и в пределах населённых пунктов практически равнозначны для опрошенных, в то время как переезды в другую страну оценивались респондентами как менее значимые. Социально-демографические паттерны, как и причины переездов за последние 10 лет существенно не поменялись. Наиболее важные в индивидуальной биографии переезды происходят до 23 лет включительно, в основном в связи с получением образования. Опыт переездов сказывается на установках относительно будущего. «Мобильные» респонденты (т. е. с опытом переезда) демонстрируют более высокий уровень социального пессимизма, неуверенности в завтрашнем дне, чем «немобильные» (без опыта переезда). Отсутствие веры в улучшение собственного материального положения и повышение социального статуса сочетается у «мобильных» с открытостью к изменениям в жизни и стремлением к профессиональной автономии.

Субъективные смыслы переездов группируются вокруг четырёх оснований. Во-первых, информанты описывают пространственные перемещения либо в логике планов, либо в логике обстоятельств, которые соотносятся с высокой или низкой оценкой собственной агентности. Во-вторых, информанты сопоставляют потенциал переезда с его результатами, оценивая степень реализации собственных ожиданий. В-третьих, производится сравнение собственного статуса со статусом ближайшего окружения. Наконец, происходит переоценка статуса жилища. В последнем аспекте следует отметить межпоколенческие различия: если для старшего поколения наличие собственного жилья часто связывается с успехом в жизни, то информанты младшего возраста чаще воспринимают его как уже «данный» жилищный капитал. Таким образом, анализ данных о переездах на уровне субъективных смыслов позволяет выявить поворотные моменты в структуре жизненных траекторий и установить влияние географического вектора мобильности на различные события жизни.

Большую роль в формировании современного облика малых городов в России сыграла советская система городского планирования, опиравшаяся на плановую экономику и систему распределения после получения профессионального образования. Пик численности населения малых городов пришёлся на вторую половину 1980-х гг., что зафиксировала всесоюзная перепись населения 1989 года [8, с. 27]. В связи с устойчивым оттоком населения из малых городов исследовательский интерес представляют ситуации возвращения или переезда индивидов в такие населённые пункты. В докладе К. Н. Коломиной возвратная мобильность рассматривается с точки зрения как запланированных переездов, так и совершённых в силу различных внешних обстоятельств, как правило, связанных с неудачами на новом месте. Такие переезды происходят при наличии в малом городе социального капитала, прежде всего, семьи индивида. Значение имеют как внутрисемейные отношения и связи между близкими родственниками, так и располагаемое семьёй имущество. Другой

распространённой причиной переезда в малый город становится работа, полученная в результате распределения. Возможны также переезды в результате трансформативного опыта, пережитого в ходе командировки или реализации проекта в малом городе. Важную роль при этом играют пространственные характеристики принимающей территории: природные и видовые объекты, формирующие чувство уникальности данного места. Иными словами, возвратная мобильность связана не только с индивидуальными биографиями, но и с институтами воспроизводства социальной структуры (в первую очередь, семьи, собственности и профессионального распределения).

Аффективным измерением пространственной мобильности выступает ностальгия. Исторически ностальгия рассматривалась как заболевание «мобильных» индивидов, разлучённых с родным домом. В XX веке в результате поворота к темпоральному измерению ностальгия определяется как «социальная эмоция» – чувство тоски по прошлому. Множественность темпоральных измерений (от индивидуальной биографии до «ушедшей эпохи»), а также амбивалентность эмоционального содержания привели к размыванию понятийных границ и использованию ностальгии, прежде всего, как метафоры. В докладе А. Д. Старовойтенко была представлена концептуальная модель, позволяющая вернуть понятию аналитичность через пространственное измерение.

В этой модели ностальгия определяется как совокупность аффективно нагруженных практик, ориентированных на переживание изменения конфигурации социального пространства. Такой подход опирается на двойственное понимание пространства в социологии как социально организованного физического пространства и как порядка социальных позиций. Атрибутам первого измерения соответствуют «ностальгические объекты» – материальные артефакты, становящиеся объектами-«триггерами» ностальгических переживаний. Вслед за зиммелевским пониманием места как «точки вращения» [9, S. 632–635] ностальгическое место понимается как территория в физическом пространстве, которая была центром кристаллизации более не актуальных для индивида социальных связей и практик. Вместе с тем второе измерение представляет собой социально производимые смыслы и позиции, на которые указывают объекты и места, расположенные в физическом пространстве. Таким образом, анализ ностальгии через пространственное измерение позволяет связать индивидуальные переживания с трансформацией социального пространства и выявить, как структурные изменения преломляются в аффективных реакциях на утрату прежних территориальных привязанностей.

В качестве заключения отметим, что методология многомерного анализа социальной структуры (двухуровневая модель роли среднего класса, многомерная модель Триандиса, три измерения автономии, двухуровневая концептуализация переездов) позволила выявить противоречивость и нелинейность влияния структурных позиций: культурную гегемонию ценностей среднего класса при его численном меньшинстве, социальный пессимизм респондентов, имевших опыт переезда, при их большей открытости к изменениям, парадоксальную

роль образования в формировании слабых связей при поиске работы. Семинар также дал возможность обсудить методологические ограничения исследования, к которым относятся операционализация понятий (границы «интеллигенции», полисемия «дружбы», метафоричность ностальгии), ограничения измерительных инструментов (например, выбор потери смысла в работе вместо отсутствия или наличия), а также интерпретация динамики (причины увеличения доли затруднившихся с ответом при ответе на вопрос о самостоятельности в работе).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. *Wright E. O.* Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 576 p. ISBN 978-0-521-55646-0.
2. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. 700 с. ISBN 5-7357-0046-4. [Manheim K. Diagnosis of our Time (Diagnoz nashego vremeni)]. Moscow: Yurist; 1994. 700 p. (In Russ.). ISBN 5-7357-0046-4.
3. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. М. ; СПб : Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с., Т. 2. 382 с. ISBN 5-94483-011-5 – Т. 1, ISBN 5-94483-008-5 – Т. 2. [Elias N. On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research (O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psixogeneticheskie issledovaniya). In 2 vol. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga; 2001. Vol. 1. 332 p., Vol. 2. 382 p. (In Russ.). ISBN 5-94483-011-5 – Vol. 1. ISBN 5-94483-008-5 – Vol. 2].
4. *Rose D., Harrison E.* The European Socio-economic Classification: A New Social Class Schema for Comparative European Research // European Societies. 2007. Vol. 9, № 3. P. 459–490. DOI [10.1080/14616690701336518](https://doi.org/10.1080/14616690701336518).
5. *Triandis H. C., Gelfand M. J.* Converging Measurement of Horizontal and Vertical Individualism and Collectivism // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74, № 1. P. 118–128. DOI [10.1037/0022-3514.74.1.118](https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.1.118). EDN [YDFSXM](https://www.edn.ru/EDN/EDN_YDFSXM).
6. *Воронина Н. С.* Сравнение ценностей индивидуализма/коллективизма среди россиян и жителей других европейских стран (на основе данных Европейского социального исследования) // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Современные подходы к изучению социальной структуры современного российского общества. 2024. № 2. С. 114–141. DOI [10.19181/INAB.2024.2.8](https://doi.org/10.19181/INAB.2024.2.8). EDN [TFXEAI](https://www.edn.ru/EDN/EDN_TFXEAI). [Voronina N. S. Comparison of the values of individualism/collectivism among Russians and residents of other European countries (based on data from the European Social Research). In: Information and Analytical Bulletin (INAB). Modern approaches to the study of the social structure of modern Russian society. 2024. Issu 2. P. 114–141. DOI [10.19181/INAB.2024.2.8](https://doi.org/10.19181/INAB.2024.2.8)].
7. *Hackman J. R., Oldham G. R.* Development of the Job Diagnostic Survey // Journal of Applied Psychology. 1975. Vol. 60, № 2. P. 159–170. DOI [10.1037/h0076546](https://doi.org/10.1037/h0076546).
8. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М. : Финансы и статистика, 1990. 45 с. ISBN 5-279-00665-3. [Population of the USSR: According to the All-Union population census of 1989. Goskomstat of the USSR (Naselenie SSSR: po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. / Goskomstat SSSR). Moscow: Finansy i statistika; 1990. 45 p. (In Rus.). ISBN 5-279-00665-3].
9. *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1908. 800 s.

Сведения об авторах

Ю. Б. Епихина

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 2622-6344

А. Д. Старовойтенко

младший научный сотрудник
SPIN-код: 8508-1145

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 05.03.2026.

Brief scientific information

DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.7.

POST-SOVIET SOCIETY SOCIAL STRUCTURE DYNAMICS 1998–2024: MASS SURVEY OUTCOMES DISCUSSION

Yulia Borisovna Epikhina¹

Andrey Dmitrievich Starovoytenko²

^{1,2} Insitute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

¹ epikhina@gmail.com,

ORCID 0000-0003-2822-2505

² andstar14@gmail.com,

ORCID 0000-0002-1225-1822

For citation: Epikhina Y. B., Starovoytenko A. D. Post-soviet society social structure dynamics 1998–2024: mass survey outcomes discussion. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(1):151–160. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.1.7.

Abstract. Long-term studies of social structure face a dilemma between preserving the heuristic value of the original research program and transforming it in response to ongoing changes. The application of a multidimensional approach to analyzing class structure, labor relations, and spatial mobility revealed the contradictory and nonlinear influence of structural positions on values and life strategies. The discussion identified methodological limitations related to the operationalization of concepts, measurement instruments, and interpretation of indicator dynamics.

Keywords: middle class, social structure, permeability of class boundaries, values, spatial mobility, professional autonomy, independence in work, meaningfulness of work, methodology

Acknowledgments: the review was prepared with the support of the Russian Science Foundation (grant No. 24-18-00450, project website <https://new-inequalities.tilda.ws/structure>, TG channel <https://t.me/socstructure>).

Information about the Authors

Y. B. Epikhina

Candidate in Sociology,
Leading Researcher

A. D. Starovoytenko

Junior research associate

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 05.03.2026.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Смирнов А. И.*

Ответственный секретарь – *Зорина А. Е.*

Редакторы:

Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Щербов М. Ю.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1. Белый список. Уровень 1; индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2026. Том 14, № 1. Дата выхода в свет 30.03.2026.

 № 1, 2026
ТОМ 14

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел. 8 499 125-00-79
<http://www.socnp.ru>